МИР ФАНТАСТИКИ

Нортон

МАСТЕР ЗВЕРЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Америка второй половины прошлого века. Размеренная жизнь Тамарис Пенфилд, героини «Бархатных теней», заканчивается в тот день, когда она в качестве компаньонки молодой и богатой леди отправляется из Нью-Йорка в Калифорнию.

Языческий культ Вуду, наркотики, секта дьяволопоклонников – вот с чем столкнутся герои в путешествии. А все началось в комнате с бархатными красными портьерами…

- Андрэ НОРТОН
  - Глава первая.
  - Глава вторая.
  - Глава третья.
  - Глава четвертая.
  - Глава пятая.
  - Глава шестая.
  - Глава седьмая.
  - Глава восьмая.
  - Глава девятая.
  - Глава десятая.
  - Глава одиннадцатая.
  - Глава двенадцатая.
  - Глава тринадцатая.
  - Глава четырнадцатая.
  - Глава пятнадцатая.
  - Глава шестнадцатая.
  - Глава семнадцатая.
  - Глава восемнадцатая.
  - Глава девятнадцатая.
  - Историческая справка о «Мэмми» Плезант
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23

Андрэ НОРТОН
БАРХАТНЫЕ ТЕНИ

Глава первая.

Мои руки были так крепко сжаты, что лавандовые лайковые перчатки, обтягивающие пальцы, прилегли тесно, словно вторая, более плотная кожа. Я едва удерживалась, чтобы не поддаться дурной привычке, за которую меня так часто бранили – от волнения трепать и мять пелерину моего темно-серого дорожного платья из рубчатого шелка.

Стены дамской гостиной отеля вокруг меня, казалось, измерялись милями – иллюзия эта поддерживалась множеством огромных зеркал. Красные бархатные портьеры на высоких окнах, совсем не пропускавшие света, были обшиты золотой бахромой. И были здесь широкие, все в бронзовых гвоздиках, но не слишком удобные кресла и диваны – сплошь золото и пурпур, а еще – пара столов с мраморными столешницами. Все это должно было, как я поняла, намекать на богатство, ожидаемое от заведения первого класса, но мне представлялось вульгарным.

Мой спутник, расположившись в кресле на расстоянии вытянутой руки от меня, держал в руке часы и переводил взгляд с циферблата на дверь и обратно. Его недовольство затянувшимся ожиданием было столь очевидно, что я чувствовала себя виноватой, хотя задержка зависела вовсе не от меня.

Дважды я бросала взгляд в зеркало, висевшее напротив моего теперешнего неуютного сиденья. Отражение должно было бы придать мне уверенности, но в данный момент сознание, что я хорошо одета, причесана по последней моде и никоим образом не уступаю остальным, сидящим здесь и болтающим, чтобы скоротать ожидание, не помогло успокоить частые удары сердца, и во мне начала подыматься паника.

Это приглашение пришло так неожиданно, что я все еще чувствовала, будто меня занесло сюда одним из тех штормовых ветров, что моряки называют циклонами.

Из моей высокопристойной и размеренной жизни в школе Эшли-Мэнор в это… это…

Я сглотнула, хотя во рту у меня пересохло. Нельзя разом, в один день порвать с мирной, даже монотонной жизнью, не ощутив последствий. Ведь прошло всего лишь сорок восемь часов с тех пор, как мадам Эшли вызвала меня для встречи с человеком, который сейчас в пятый раз бросил взгляд на часы.

Мистер Тадеус Хогл, юрист, пять лет распоряжался небольшим капиталом, который остался после того, как мой отец погиб вместе со своим кораблем при прорыве конфедератской блокады во время последнего мятежа. Когда мистер Хогл явился в

Эшли-Мэнор, я было решила, что он сообщит о дальнейшем падении акций или каком-нибудь кризисе, который еще сильнее поставит меня в зависимость от заработка в школе. Мне повезло, что я работала учительницей именно здесь, и я хорошо это знала. Ибо мадам Эшли была неподражаема в обращении с персоналом. Она требовала, чтобы он состоял из леди безупречного социального положения (среди нас были дамы из семейств де Лэнси и Кэррол). Наши ученицы также принадлежали к определенному типу – дочери нуворишей, жаждущие лоска, который открыл бы им путь в высшее общество.

Я получила образование в Брюсселе, где жила с двенадцати до шестнадцати лет, и мои французский и немецкий мадам считала достаточно хорошими, чтобы обучать юных леди, которым по вступлению в возраст предстояло большое турне по Европе. Я была хорошо устроена, неплохо зарабатывала, имела возможность одеваться по последней моде… что я и делала.

Но мистер Хогл явился вовсе не с дурными новостями насчет финансов, напротив, он начал разговор с вопроса, который меня удивил:

– Мисс Пенфолд, говорит ли вам что-нибудь фамилия Соваж?

Она ничего мне не говорила, и когда я так ответила, он продолжал:

– Дело касается вашего отца. В сорок восьмом году, когда в Париже были серьезные волнения, капитан Пенфолд оказал этой семье огромную услугу. Это весьма необычная история. Основатель семейства был человеком благородного происхождения, высланным в Луизиану около ста лет назад. Необходимо рассказать вам все это, чтобы вы лучше поняли подоплеку предложения, с которым я к вам пришел.

Изгнанник отказался от своего родового имени, которому, собственно, и был обязан ссылкой. Он начал торговать с индейцами, и впоследствии принял фамилию «Соваж» [1] . Со временем он вступил в законный брак с принцессой из Дома Ветра, правящего рода племени кри.

Когда Наполеон Первый объявил амнистию тем представителям старого дворянства, что могли поддержать его собственные претензии, сын этого Соважа был послан во Францию. Он служил при дворе, но после падения Наполеона вернулся в Нью-Орлеан.

Семейство Соваж было одарено необычайно деловыми способностями. В начале пятидесятых их интересы простерлись в Калифорнию, где в их руках сосредоточились шахты, железные дороги и большие земельные участки. Однако, они никогда полностью не разрывали своих связей с Францией, часть их

состояния и сейчас инвестирована там.

Когда в Париже началась революция, мадам Соваж и ее дочь оказались в опасности. Случай привел им на помощь вашего отца. Он взял дам под защиту и поддерживал их в самое трудное время.

Вскорости после перенесенного ею испытания мадам умерла. Ее супруг вновь женился… неудачно.

Здесь мистер Хогл сделал паузу, сухо кашлянув, словно был не вполне уверен, как произнести то, что ему следует сказать. Мне было ясно, что он не желает вдаваться в то, что могло скрываться за этим «неудачно».

– Последовал развод, вторая мадам Соваж осталась во Франции. Ее муж, его дочь и сын от первой жены вернулись жить в Калифорнию. Совсем недавно, несколько лет спустя после смерти своего отца, мистер Ален Соваж обнаружил, что у него есть во Франции юная сводная сестра. Ее обстоятельства там были плохи, и он решил забрать ее сюда, чтобы обеспечить ей надежный и комфортабельный дом.

Путешествие оказалось трудным для нее, поскольку она не особенно крепка здоровьем. К тому же, она непривычна к обычаям и языку этой страны. Поскольку его дела на Востоке веду я, он посоветовался со мной относительно этой проблемы. Ему нужна леди из хорошей семьи, которая говорит по-французски и знакома с жизнью в Европе, но достаточно молодая, чтобы его сестра не чувствовала себя под надзором гувернантки. Предлагается щедрое вознаграждение, включающее обеспечение одеждой, поскольку эта леди должна будет сопровождать его сестру в обществе. Случайно я упомянул ваше имя, и он немедленно вспомнил его, связав с вашим отцом, к которому вся его семья относилась с огромным уважением. Ему было бы очень приятно, если бы вы приняли во внимание эту ситуацию. Если вы заинтересованы во встрече с семейством, она будет устроена в их отеле в Нью-Йорке.

Поначалу казалось, что все это словно бы сошло со страниц одного из тех пустопорожних романов, от чтения которых мы в Эшли-Мэнор стремились отучить наших юных леди. Но я не могла себе представить, чтобы чопорный мистер Хогл позволил втянуть себя в какую-нибудь романтическую авантюру.

Я попросила время на размышление, и он кивнул, видимо, соглашаясь, что в данный момент это единственно правильный ответ. В тот же вечер, позднее, я вернулась в кабинет мадам Эшли.

– Вы пришли к какому-то решению? – спросила она с привычным безразличием, которое я давно уже приняла как неотъемлемую часть ее характера.

– Только к тому решению, что я нуждаюсь в совете, мадам.

Тут миссис Эшли чуть улыбнулась, словно бы она, как мистер Хогл, была довольна моим благоразумием.

– Я слышала о семействе Соваж, – медленно произнесла она, – не знала только об этой сводной сестре. Их положение одинаково хорошо как в финансовом, так и в социальном отношении. Старшая сестра сейчас замужем за лордом Элленборо, и живет в Англии. В деловом мире Ален Соваж заслужил репутацию решительного, но честного дельца. Его уважают, и о его предприятиях в Калифорнии говорят, что они процветают. Он не женат, ему за тридцать. Для холостяка у него весьма пристойная репутация.

При этой фразе она постаралась не встречаться со мной взглядом. Некоторые вещи не обсуждают открыто. Глаза респектабельных леди должны быть закрыты на подобные аспекты жизни. Все знали, что они существуют, но не признавались в этом.

– Он благоразумен, – она выбирала слова с осторожностью, – и носит хорошее имя. Разумеется, то, что он вам предлагает, достойно внимания. Вам сейчас двадцать четыре, вы образованны и способны войти в самое лучшее общество. Будь вы сами чуть менее благоразумны, я бы не говорила с вами столь откровенно. Но качества, которые вы выказали, спокойно и разумно разрешая проблемы некоторых наших девушек, весьма примечательны. Да, я совершенно уверена, что вы подходите для этой роли. – Она чуть поколебалась, а затем заговорила с таким нажимом, словно должна была, почти против своего желания, заставить меня осознать значимость ее слов: – Я не вижу необходимости объяснять вам, что замужество – кроме совершенно исключительных обстоятельств – единственная надежная опора в жизни каждой леди. В Калифорнии особе из хорошей семьи и с безупречными манерами может представиться много прекрасных возможностей. Выбор там неограниченный. Вы войдете в общество с наилучшими рекомендациями, и будете довольно обеспечены. Я выражаюсь прямо, но, думаю, что вы поймете: я поступаю так в ваших же интересах. Вы можете остаться здесь, и продолжать учительствовать, но вам предоставился шанс, который выпадает крайне редко.

Конечно, ее холодная оценка шансов на замужество была типичной для нашего общества. Но я всегда питала антипатию к решениям, диктуемым лишь мотивами «надежного положения». И что же – вдруг я поеду через весь континент только затем, чтобы обнаружить, что ситуация мне не подходит? Или я уже утратила молодость вместе с желанием рискнуть? Эти мысли заставили

меня произнести:

– Я, пожалуй, поеду и встречусь с Соважами.

И вот, благодаря этому своему решению, я сидела и ждала в комнате, где было слишком много зеркал, слишком много красного бархата, слишком…

К мистеру Хоглу приблизился лакей. Юрист спрятал часы в карман, предложил мне руку. Мои же руки онемели от того, что я слишком плотно их сжимала. Еще было время повернуться и уйти. Когда я поднялась на ноги, у меня слегка кружилась голова. Все было слишком быстро, словно меня вдруг подхватило мощное течение. Но я сама принимала решение, и теперь предстояло встретиться с Соважами.

Нас проводили наверх, в гостиную личных апартаментов. Еще больше красного бархата, золота, мрамора, множество букетов благоухающих цветов окружало трех человек, ожидавших нас. Трех… нет, четырех: еще одна фигура стояла в полумраке за диваном, на котором полулежала девушка, поддерживаемая целым гнездом подушечек, обтянутых атласом и кружевом, словно сидеть прямо было выше ее сил.

Хотя она и была центральным персонажем в этой группе, но явно не главным – первый же взгляд выделял мужчину, который шагнул от камина навстречу нам. Он был не так высок ростом, как мистер Хогл, выше меня всего на несколько дюймов. Но было в нем что-то, делавшее его заметным в любой компании. Не то чтобы он был красив лицом – черты его были слишком резкими. Однако держался он с уверенностью, будто часто сталкивался с ситуациями, где требовалось проявлять твердую волю. Память мою больно кольнуло – таким же был и мой отец, абсолютный монарх в своем корабельном царстве. Хотя признать такой же авторитет в этом человеке было мне нелегко по причине, которую я пока не могла определить.

Кожа у него была смуглая, волосы черные. Против обычая, он был чисто выбрит, даже волосы у него были подстрижены чуть короче, чем диктовала восточная мода. Он был в темном костюме, и только отблеск пламени на массивном перстне на его правой руке смягчал общее мрачное впечатление от его облика.

– Мисс Пенфолд, – голос у него был не таким резким, как лицо, скорее, в нем была теплота, но это тоже заставляло меня тревожиться, – мне очень приятно с вами познакомиться.

Ни в голосе его, ни в словах не было ничего фамильярного, способного обидеть, так что, когда он протянул мне руку, я вынуждена была ответить на его рукопожатие. Защищаясь от душевного волнения, названия которому я не знала, я напряглась внутренне, а может быть, и внешне тоже.

Когда он вывел меня вперед, чтобы представить своим спутницам, его прикосновение произвело на меня впечатление, какого я не ведала никогда прежде.

– Миссис Дивз, позвольте представить вам мисс Пенфолд. Он не объяснил, что связывает его с этой женщиной. Но я могла предположить, что связь эта довольно близкая. Она сидела очень прямо, на коленях у нее лежало замысловатое рукоделье, цвет которого контрастировал с гранатовой краснотой ее платья. Она была на восемь или девять лет старше меня, и явно прилагала все усилия, чтобы подольше сохранить молодость. Ее белокурые волосы были взбиты и уложены в высокую прическу, увенчанную инкрустированным гранатами гребнем и множество таких же сумрачно-красных камней украшали ее пухлые запястья, шею и уши.

– Мисс Пенфолд, – она величественно наклонила голову, как бы с самого начала воздвигая между нами некий барьер.

Будучи хорошо искушена в тонкостях женского мирка, я достаточно легко уловила, что она негодует на меня, но причины пока не понимала. Но хозяин дома уже повернулся от нее к девушке среди подушек.

– Мисс Пенфолд, это моя сестра Викторина.

Его второе представление прозвучало так же резко, как и первое. Столь лаконичная процедура знакомства несколько озадачивала. То ли такова была его обычная манера поведения, то ли это относилось ко мне одной, чтобы сразу показать, что я не могу быть на равной ноге с его родней и друзьями.

Я спрятала это подозрение на дно сознания, сосредоточившись на девушке, к которой меня пригласили в компаньонки. Масса ее распущенных волос, лишь символически сдерживаемая, сообразно последнему крику моды, «лентами флирта» на концах, была так же темна, как у ее брата. Но кожа ее отличалась белизной слоновой кости, почти не тронутой жизненными красками, кроме губ, полных и увлажненных, словно она постоянно проводила по ним языком.

В ней не было кукольной миловидности jeune fille [2] . Скорее уж, ей было присуще свойство, которым я в редких вспышках фантазии, изредка отпускаемой мною с привязи, наделяла классических красавиц прошлого, оставшихся в памяти поколений как воплощение опасного и порой фатального очарования.

Однако лицу ее не хватало одухотворенности, веки были устало приопущены, и она производила впечатление существа, почти лишенного внутренней силы, только прекрасную оболочку того, чем она смогла быть.

На ней был розовый пеньюар, более уместный в будуаре, чем в гостиной, а ноги были укутаны шелковой шалью, почти съехавшей с ее колен, словно у нее не доставало сил даже поправить шаль. Она взглянула на меня вяло, безо всякого интереса.

– Enchante, mademoiselle. [3] – В ее голосе слышался призвук детской шепелявости.

Затем она протянула руку, и четвертая фигура быстро выдвинулась из тени, вложив в пальцы Викторины хрустальный флакончик.

Та понюхала ароматическую соль, и еще глубже погрузилась в свое подушечное гнездо, будто два слова формального приветствия унесли ее последние силы. Брат ее, не обращая на это внимания, предложил мне стул, так что я оказалась под взглядами обеих леди: пронзительным, беззастенчиво изучающим – миссис Дивз, и безразличным – девушки.

Та, что вышла из тени, была, несомненно, служанкой, квартеронкой с броской, экзотической красотой, присущей этому смешению рас. Через руку у нее была переброшена вторая шаль, а в руке она сжимала веер, на случай если хозяйка потребует то или другое.

Подали чай, и мы приступили к высокопарной беседе обиняками. Это было так, как если бы мы старались больше узнать о других, чем каждый из нас хотел выдать о себе. Викторина и вовсе не разговаривала.

Она вяло взяла чашку, отпила едва ли два глотка, отказалась, демонстративно передернувшись, взять с предложенной тарелки пирожное или сандвич. Наконец она закрыла глаза. Ни миссис Дивз, ни ее брат, по-видимому, не замечали ее невоспитанности. Если бы она была одной из тех девушек, что прежде находились под моим надзором, я бы сделала ей резкое замечание. Но здесь я была не «леди-инструктором». Хотя, если подобное поведение было в обычае Викторины Соваж, неудивительно, что ее брат захотел пригласить к ней компаньонку.

Мистер Соваж заговорил по-французски, возможно, пытаясь таким образом напомнить своей сестре о ее долге хозяйки. Но он даже не взглянул на нее, когда она не ответила.

Наконец он отставил чашку, к которой, думаю, он прикасался лишь для соблюдения приличий, и перешел к делу.

– Мистер Хогл, – он говорил резко и отрывисто, – дал вам знать о существе моего предложения. – Не ожидая моего ответа, он продолжал, словно прямой разговор мог помочь ему больше, чем вежливые пошлости, принятые в обществе: – Я понимаю, что такая перемена в жизни требует, чтобы вы как следует обдумали

свой выбор. К несчастью, я только сегодня получил известие, которое принуждает нас отбыть в Сан-Франциско раньше, чем я предполагал. Поэтому, боюсь, вам придется сделать выбор до пятницы. Да, – он, должно быть, прочел замешательство в моем взгляде, – я знаю, что прошу от вас слишком многого. Однако, все мы поедем в личном вагоне президента железнодорожной компании. Если вы решите присоединиться к нам, мы можем захватить вас на станции Эшли.

– Ален… – Миссис Дивз, сделав последний стежок, сложила свое рукоделие. – Вам бы лучше обсудить это дело с мисс Пенфолд и ее адвокатом приватно. Викторина нуждается в отдыхе, бедное дитя сегодня совершенно обессилено. Боюсь, что наша вчерашняя поездка была для нее слишком утомительна. Мисс Пенфолд, прошу извинить нас.

Ее тон добавил толщины барьеру, который она воздвигла между нами. Мне недвусмысленно давали понять, что я, если приму предложение, буду служащей, но не подругой.

С помощью служанки Викторина выбралась из своего подушечного гнезда и, тяжело опираясь на руку девушки-квартеронки, удалилась в другую комнату. Как только дверь за ними закрылась, я прямо спросила мистера Соважа:

– Сэр, ваша сестра больна? У меня нет опыта в уходе за инвалидами, так что в подобных обстоятельствах от моих услуг будет мало пользы.

Он нахмурился и посмотрел не на меня, а на дверь, за которой скрылась Викторина.

– Викторина вовсе не больна, – сказал он, явно сдерживая раздражение. – Она претендует на такую роль от раздражения. Я предпочитаю быть с вами откровенным, мисс Пенфолд. Я нашел свою сестру в ситуации, которая мне не понравилась. Она легкомысленно согласилась на помолвку с человеком, неподходящим во всех отношениях. Сейчас она сильно обижена на меня за то, что я принудил ее порвать с этим человеком и увез в другую страну. Но она очень молода, и я надеюсь, что в более естественном окружении она отучится от той нездоровой атмосферы, в которой, к несчастью, выросла. Еще год назад я даже не подозревал о ее существовании. Когда мне стало об этом известно, я с трудом разыскал ее. Там были некоторые неприятности… но нет надобности углубляться в подробности. Суть вот в чем: нужно, чтобы Викторину окружали люди, никак не связанные с ее прежней жизнью и способные пробудить в ней интерес к этой стране. Огаста… миссис Дивз – давняя подруга моей старшей сестры. Мне чрезвычайно повезло встретить ее в Париже, и она любезно согласилась сопровождать нас на Запад.

Но в Калифорнии у нее есть собственные интересы. Она будет неподалеку, но не сможет постоянно быть рядом с Викториной. Я знаю о ваших нынешних обязанностях, мисс Пенфолд. Самый краткий путь, чтобы вывести мою сестру с чуждой почвы – поручить ее руководству вроде того, что Эшли-Мэнор дает своим ученицам. Я счастлив, что могу обратится с этим к дочери капитана Пенфолда. Ваш отец спас жизнь моей матери. – Он заговорил с некоторым волнением. – Я верю, что если это поручение примет на себя его дочь, рядом со мной окажется человек, на которого на которого я смогу полностью положиться. Мистер Хогл должен был вам ясно объяснить, что вы ни в коем случае не будете считаться гувернанткой. Вы будете гостей в нашем доме, сопровождая Викторину в обществе, как если бы вы были, скажем, ее кузиной. Плата будет регулярно переводиться на ваш счет в банке, и вы сможете распоряжаться деньгами по своему усмотрению.

– А как долго это будет продолжаться? – Я была рада, что мой голос звучит деловито, хотя мысли мои путались из-за необходимости слишком быстро принять решение, а также потому, что я заметила странную обеспокоенность моего нанимателя, которой не понимала – слишком она противоречила тому что я слышала о его сильном характере.

– По крайней мере год. – Он удивил меня категоричностью и быстротой ответа. – Возможно, даже больше. По окончании вашей службы я сделаю все, чтобы вы ничего не потеряли, придя к нам на помощь. Вы сможете вернуться на Восток или найти себе подходящее место в Калифорнии. Культурные леди там встречаются не так уж часто.

Однако он выразился относительно моих шансов в обществе не так откровенно, как мадам Эшли. Он являл собой смешение разных качеств – прямота, доходящая порой до резкости, и явная приверженность к условностям в других случаях. Но мне нужно было время, чтобы подумать.

Я встала.

– Будьте уверены, сэр, что я отнесусь к вашему предложению со всей возможной серьезностью, и вы непременно услышите обо мне до пятницы.

Когда я избавилась от стеснявшего меня присутствия Алена Соважа, – а я вынуждена была признаться, что он с самого начала смутил мою заботливо культивируемую ясность ума – ко мне снова вернулся холодный здравый смысл. Конечно же, я не могла в три дня с корнями вырвать все связи моей жизни и уехать на год с совершенно чужими людьми. И я полностью утвердилась в этом решении к тому времени, когда по возвращении снова

уединилась с мадам Эшли.

– Вы все обдумали?

– Да. – Я чувствовала неуверенность, но не могла допустить, чтобы кто-то другой знал об этом. – Я не думаю, что смогу наилучшим образом отвечать целям мистера Соважа.

– Почему? – Вопрос был задан так резко, что я изумилась. В нем, как мне показалось, звучало разочарование.

Я объяснила, что скоропалительный отъезд неразумен, что отношения между мисс Соваж и ее братом, к несчастью, таковы, что столь молодая особа, как я, вряд ли может быть полезна. Старшая и более опытная компаньонка могла бы лучше разрешить семейный разлад. Отвечая так, я заметила на столе распечатанное письмо. Она то и дело посматривала то на меня, то на плотно исписанную страницу.

– Скромность и благоразумие похвальны, – заметила она. – После вашего отъезда, мисс Пенфолд, я получила от мистера Соважа вот это письмо. В нем он сообщает, что, возможно, не сумеет сказать мне все, что хотел бы, в полном объеме, однако настоятельно просит меня быть посредницей. Ситуация и в самом деле странная, и я думаю, что он прав, считая, молодую леди испытанного благоразумия лучшим средством для разрешения проблемы.

Во-первых, позвольте сказать вам, что если бы вы не были опытной путешественницей, сопровождавшей своего отца во многих его плаваниях, пока это не прервала война, я бы согласилась, что малое время для сборов может быть серьезным препятствием. Но Соважи будут путешествовать с исключительным комфортом и роскошью. Эти личные вагоны – настоящие первоклассные отели в миниатюре и на колесах. Вы не узнаете ни усталости, ни трудностей, ожидающих обычного путешественника – ни пересадок, ни беспокойства о билетах и тому подобном, а ваш багаж будет в полной сохранности.

Теперь перейдем к вашему возражению касательно отношений в семье. Никому не приятно быть сторожем при другом человеке. Но в таком случае, как здесь, бдительная компаньонка для мисс Соваж совершенно необходима. Сейчас я должна коснуться некоторых огорчительных фактов, важных для вашего сведения, которые мистер Соваж не решился сам открыть особе противоположного пола.

Викторина, как вам известно, не родная сестра мистера Соважа. Между ними почти двенадцать лет разницы в возрасте и очень мало родственных чувств. Вторая мадам Соваж, – она замешкалась, – была, скажем… легкомысленной. Она не последовала за своим мужем на его родину. Бесспорно известно,

что она отдала себя под покровительство другого мужчины, занимавшего заметное место во французском светском обществе, и даже не сообщила своему мужу о рождении Викторины. Спустя несколько лет связь ее с этим покровителем оборвалась, и вскоре после того она исчезла. Викторина меж тем была предоставлена заботам одной родственницы из Вест-Индии, женщины, о которой ходили весьма скандальные слухи. Примерно год назад эта женщина умерла, оставив Викторину без крова, и та воззвала к брату, которого никогда не видела. К несчастью, еще при жизни своей опекунши она встретилась с одним родственником своей приемной матери, чрезвычайно неподходящим человеком. Этот тип, как установил мистер Соваж, надеялся использовать Викторину, чтобы выжать деньги из Соважей.

Мистер Соваж приехал во Францию, вырвал ее из-под влияния этого негодяя, и из весьма нездоровой атмосферы, в которой она росла. Он надеется, что полная перемена обстановки окажется благотворной, поскольку его сестра еще очень молода.

Однако есть основания полагать, что этот сомнительный молодой человек не откажется так легко от намеченной жертвы. Вот почему мистер Соваж нуждается в компаньонке, которая бы приглядывала за его сестрой. Поручить это даме зрелых лет значило бы погубить его замыслы в самом начале. Он надеется завоевать доверие своей сестры, чтобы она не чувствовала себя узницей в его доме. Благоразумная девушка, близкая по возрасту Викторине, молодая леди, говорящая на ее родном языке, и… хорошо осведомленная об опасности легкомысленных знакомств – вот кто ему нужен. И я с ним полностью согласна. У вас не будет власти над мисс Соваж, скорее, вы должны будете просто подружиться с нею, чтобы ввести ее в новую жизнь.

Она сделала паузу, и я решилась привести свое главное возражение:

– И доносить на нее ее брату!

– Естественно, вам противна такая мысль, – согласилась мадам Эшли, – но это вовсе не то, чего желает мистер Соваж. Ему не нужны доклады о сестре, он только хочет знать, не попытается ли какой-нибудь иностранец тайно встретиться с ней. Ваш главный долг – сделать ее жизнь такой приятной и привлекательной, чтобы Викторина убедилась: брат желает ей добра, готовя ей блестящее и счастливое будущее. Это успокаивает сомнения, вызванные вашей природной совестливостью?

– Итак, вы советуете мне принять это предложение?

– Я верю, что это возможность, какая редко предоставляется. Но решать вам и только вам.

Возможно, все это время я стремилась сказать «да», цепляясь за обычный здравый смысл из-за несвойственной мне робости. Возможно, бродяжья кровь, унаследованная мной от отца взыграла сейчас, когда я ответила, противореча себе:

– Тогда я согласна.

Теперь во мне росло возбуждение, поглотившее все сомнения, хотя было бы гораздо лучше, если бы я позволила благоразумию одержать в этот момент верх.

Глава вторая.

В пятницу мадам сама проводила меня на станцию. Теперь, когда пути назад не было, я дрожала, а ладони мои под перчатками были влажны от пота.

Вагон Соважей, последний в поезде, был выкрашен в темно-зеленый цвет, а сзади у него была платформа обозрения с латунными перилами. Я заметила, что пассажиры из обычных вагонов впереди с любопытством смотрят в мою сторону. Затем подошел мистер Соваж, чтобы помочь мне.

Я попрощалась, сдерживая волнение. Пристальные взгляды пассажиров из других вагонов привели меня в замешательство. Леди, которую во мне муштровали так долго, никогда не должна была обращать на себя внимание. Неприятное ощущение осталось со мною и тогда, когда я вошла в отведенное для меня купе. Оставшись наконец одна, я с интересом огляделась вокруг, понимая, насколько все здесь отличается от обычного железнодорожного вагона.

Мое личное купе состояло из четырех небольших комнат, где имелись диван, раскладывающийся в широкую кровать, маленький стол, прочно прикрепленный к полу, чтобы избежать дорожной тряски, гардероб и уборная за перегородкой ванной. Я освободилась от шляпы и жакета, глянула в зеркало над столом, убедилась, что выгляжу вполне прилично, и двинулась на поиски своих попутчиков.

Как только поезд тронулся, я сразу же ощутила, как неудобно ходить по узкому, устланному ковром коридору. Прошло слишком много лет с тех пор, как я наслаждалась, бегая по неустойчивым палубам на отцовском корабле. Так я миновала пятое купе, много больших размеров, с широким письменным столом. За ним сидел мистер Соваж, разбирая какие-то бумаги.

Далее располагался салон-гостиная с встроенным столом, книжными шкафами и несколькими удобными креслами, у которых сиденье могло поворачиваться, позволяя смотреть в окна на быстро сменяющиеся пейзажи. В одном из кресел спиной к окну сидела миссис Дивз, причем с таким видом, будто она сидела в самой обычной гостиной. Она открыла большую рабочую корзинку и разложила на коленях мотки шелка, явно выбирая подходящий цвет. Она вежливо приветствовала меня, но не выказала никакого удовольствия от моего общества. Здесь не было и тени Викторины, поэтому я рискнула спросить, где она может быть.

– Бедное дитя считает, что тряска дурно влияет на ее

здоровье. Она прилегла. – В голосе миссис Дивз слышалось безразличие, и я предположила, что она, как и мистер Соваж думает, будто его сестра использует болезнь как предлог, чтобы избежать общения с нами.

Несомненно, мой долг, а также простая вежливость требовали пойти проведать мою хозяйку. Действительно, бывают же люди, особо чувствительные к тряске. Когда я возвращалась по коридору, то снова увидела мистера Соважа, глубоко погруженного в бумаги. На мгновение я застыла, не вполне сознавая, что довольно-таки бесцеремонно глазею на своего работодателя. Официальный костюм, в который он был облачен при нашей первой встрече, придавал ему чопорный вид, что в сочетании с резкостью черт его лица, создавало весьма мрачное впечатление. Теперь же он был одет в светлые брюки и свободную коричневую куртку. Его рубашка не была накрахмалена, и мягкий красный шарф, завязанный узлом под воротником, охватывал шею. Это был стиль, какого я прежде никогда не видела, но он заметно смягчал облик мистера Соважа.

– Что-нибудь желаете, мадемуазель? – Служанка Викторины, слегка приоткрыв следующую дверь, разглядывала меня, как мне показалось, со скрытым вызовом.

К своей досаде, я вздрогнула и вспыхнула, как будто меня поймали за чем-то постыдным.

– Как ваша хозяйка? – спросила я по-французски. Возможно, мой тон был излишне резок, однако меня раздражала мысль, что девушка какое-то время подглядывала за мной, прежде чем я заговорила.

Я всегда считала преувеличением рассказы о том, как можно с первой же встречи почувствовать неприязнь к человеку. Но сейчас я обнаружила, что меня бросает в дрожь от этой девушки с медово-золотой кожей, с ее изяществом и привлекательностью.

На ней было темно-голубое платье и передник с гофрами (скорее для обозначения ее службы, чем для практических целей), а ее волосы под чепцом с оборками были взбиты и уложены весьма модно.

– Она… – что бы служанка ни собиралась сказать, это оборвал повелительный голос:

– Если это мисс Пенфолд, Амели, пригласи ее войти.

Слова эти, хотя в них и слышался акцент, были произнесены на безупречном английском. Неужели Викторина и вправду нуждается в каких-либо упражнениях в языке ее новой родины?

На лицо Амели набежала тень легкого раздражения, однако она подвинулась, пропуская меня. Когда ее рука отпустила дверную панель, я увидела на ее запястье нечто такое, от чего у

меня перехватило дух, и я невольно выбросила руку вперед, чтобы стряхнуть это.

– Смотрите… у вас на запястье!

Ответом мне был смех. Амели подняла руку почти вровень с моими глазами, и я смогла убедиться в своей ошибке. Всю свою жизнь я испытывала ужас перед пауками. Одним из самых страшных моих ночных кошмаров был сон, когда они ползали по мне. Но теперь мне стало ясно, что на запястье горничной сидит не живая тварь, а паук, изготовленный из золота и черной эмали и закрепленный на охватывающем руку браслете.

– Z'araignee [4] , мисс Пенфолд. Это последний шик – носить таких тварей, не живых, naturellement [5] , но прекрасные копии. Смотрите – я тоже следую моде. Я ношу 1a couleuvre [6] .

Викторина указала на свою шею, где под кружевным воротничком свернулась змея с глазами из драгоценных камней, кусающая собственный хвост. Это было странное и, по-моему, неприятное украшение, совершенно не подходящее для молодой девушки. Я подумала, что мне знаком лукавый блеск в ее глазах. Это было похоже на то, как девочки в Эшли-Мэнор испытывали новую учительницу, стараясь выяснить, много ли свободы она им предоставит. Поняв это, я почти совсем победила свое волнение; с подобным отношением я научилась управляться.

– Это воистину прекрасная работа, мадемуазель…

– Нет, прошу вас, не «мадемуазель». Я – Викторина, а мой брат сказал, что вас зовут… Тамарис, – она слегка запнулась, произнося мое имя. – Вот увидите, мы подружимся. Только, если честно, мне трудно выговаривать ваше имя. Оно часто встречается в Америке?

– Нет. Но оно было в обычае в семье моей матери, и давалось многим поколениям дочерей.

– Тамарис, – повторила она. – Теперь я начинаю думать, что это звучит красиво. Идите сюда. – Она, дотянувшись, схватила меня за руку, заставив сесть подле нее на диване. – Вы должны посидеть здесь, пока мы будем болтать и учиться быть друзьями.

– Миссис Дивз сказала, что вы не вполне здоровы… Викторина засмеялась и скорчила гримасу.

– Да, мигрень. Здесь с самого утра была такая суматоха… Но Амели приготовила мне свой особый отвар, потом помассировала мою бедную голову и… вся боль прошла! Я, хочу открыть вам секрет, Тамарис: я провела с дорогой Огастой много чудесных дней, и нахожу ее утомительной. Она уж больно пристально следит за мной. Я уверена, что она испытывает tendresse [7] к моему брату, и хочет произвести на него впечатление, заботясь о его бедной маленькой сестричке. Она не так умна, как сама себя

считает, и я не стану ей подыгрывать. У меня нет никакого желания в один прекрасный день назвать Огасту сестрой.

Она пристально следила за мной, ни на секунду не сводя с меня взгляда. И вдруг снова рассмеялась, на этот раз громче.

– Я не слишком напугала вас своими откровениями, Тамарис? Ах, если бы каждый говорил только правду, скольких трудностей можно было бы избежать! Огаста хочет использовать меня, чтобы поймать Алена, а я… – тут она осеклась. – Бедная Тамарис, вы решили, что язык мой мелет слишком быстро и свободно, как говаривала моя добрая бонна Софи, когда я была маленькой. Давайте лучше поговорим о вас.

Она спрашивала меня прямо, так прямо, что я не в силах была обижаться. Ее вопросы обнаруживали глубокий интерес к моему прошлому, и здесь, возможно, начинался кратчайший путь к доверию, которое должно было установиться между нами, если мы будем жить вместе, как хотел мистер Соваж. Поэтому я рассказала ей о моих странствиях на борту «Королевы Индии», принадлежавшей отцу, о времени, проведенном в школе в Брюсселе, и о моей недавней жизни в Эшли-Мэнор.

Это последнее, казалось, зачаровало Викторину.

– Школа, из которой выпускают молодых леди! Но, Тамарис, можно ли сделать настоящую молодую леди из простой честолюбивой девицы? – Когда она задавала этот вопрос, ее лицо приобрело такое комичное выражение, что я невольно рассмеялась.

– Конечно, но она должна и сама здорово стараться. И уверяю вас, мадам Эшли в этом весьма преуспела.

– А теперь мой дорогой братец решил молодую леди сделать из меня по патентованному образцу. – Добродушная веселость исчезла с ее лица. – Ведь вы для этого со мной, Тамарис?

Я решила, что полная откровенность, к которой она прежде прибегла, будет для меня лучшим выходом.

– Нет, я с вами потому, что он считает, будто вам нужна будет подруга, когда вы займете надлежащее место в обществе. Существует множество различий между обычаями в Европе и здесь, в этой стране.

– Об этом мне уже говорили, – произнесла она с каким-то особым выражением.

Кругом в беспорядке валялись мелкие безделушки, кружевной носовой платок, флакончик, маленькое ручное зеркальце, веер. Она взяла зеркало. Стекло было оправлено в серебро, а на обратной стороне был изображен купидон среди роз. Теперь она изучала свое отражение, словно бы не ради самолюбования, но внимательно, будто искала что-то важное.

– Мне говорили, – она резко сменила тему, – что в этой стране браки заключаются не по воле семьи, и каждый может вступить в брак с кем пожелает.

– Но семья этого каждого все же заинтересована в его будущем и счастье, – парировала я, гадая, не услышу ли я сейчас историю того самого неугодного поклонника, против которого я должна служить своего рода бастионом. – Любящие родственники, стараются удержать девушек от ошибок, за которые тем, возможно, пришлось бы дорого заплатить.

– Как корректно вы отвечаете! – Викторина зевнула. – Этот отвар Амели… от него меня клонит в сон. Тамарис, извините меня…

Меня довольно грубо выставляли за дверь. Но терпенье и внешняя невозмутимость – это азы моей профессии.

Выйдя в коридор, я увидела, как в дверях столовой мелькнула голубая юбка Амели. Та, должно быть, направлялась на кухню. Неожиданно я тоже почувствовала усталость, и меня непреодолимо потянуло прилечь.

В купе я сменила платье на свободный халат и свернулась на диване, укрывшись индийской шалью моей матери. Уже давно она принадлежала к самым дорогим для меня вещам. Не похожая ни на китайские, ни на английские шали, какие носят сейчас, она была изготовлена из множества узких полос красивой пряжи, соединенных в одно гармоничное целое. Я любовно огладила ее руками, позволяя воспоминаниям течь сквозь мое сознание.

Но тут мои блуждающие по шали пальцы нащупали бугорок, которого я не помнила. Я села и внимательно осмотрела рубец. Там оказался крошечный мешочек, едва ли толще шпагата. Если бы я его не нащупала, он бы еще долго оставался незамеченным. С величайшей осторожностью действуя ножницами, я высвободила его.

Я не нашла в нем никаких отверстий, но он был чем-то заполнен. В конце концов я зацепила ножницами какой-то крохотный стежок на одном конце. Затем я зажала разрыв, пока не отыскала на столике лист бумаги, на который и вытряхнула содержимое мешочка.

Оттуда высыпался желтый порошок мельче любого песка. И вместе с ним – три очень маленьких предмета. Один белый, как слоновая кость – зуб какого-то мелкого животного. Другие два – какие-то семена.

Как я не давила и не трясла мешочек, все его содержимое могло заполнить не больше половины чайной ложки. От него исходил слабый тошнотворно-сладкий запах. Я понюхала еще раз, а затем откинулась на спинку дивана, мотая головой и

безудержно чихая. Что-то здесь было такое… злое… или это было только мое воображение?

Я быстро свернула вместе бумажку и мешочек, отнесла пакет в уборную и выбросила его. Вернувшись, я снова принялась дюйм за дюймом осматривать свою шаль. Я была уверена что мешочек здесь спрятали совсем недавно – ведь шаль была моей постоянной спутницей.

Я вздрогнула. Кто зашил его в рубчик и с какой целью? Такая маленькая вещь, и однако…

Спросить? Но кого?

Я встряхнула шаль, не в силах избавиться от странного ощущения, будто ее кто-то испачкал. Как будто на моих глазах ее грубо проволокли по грязной канаве. Однако я решила не углубляться в мысли о моей находке, не поддаваться тревожным и странным фантазиям.

Но я все-таки то и дело вспоминала об этом, вспомнила и тогда, когда вся наша компания вечером собралась в элегантной столовой вагона. Мое настроение несколько улучшилось в ярко освещенной комнате. То и дело окна ловили отблески света из домов фермеров, поскольку плотные парчовые занавески не опустили с наступлением темноты.

Викторина сидела за столом напротив меня. Усталое выражение исчезло с ее лица, растворилось в живости, которой я прежде в ней не видела. Казалось, она внимательно слушает рассказ мистера Соважа о достопримечательностях Запада.

У него оказались в запасе разные волнующие истории, выдававшие такое же воодушевление, как и у его сестры, его смуглое лицо утратило холодное выражение, превращавшее его в маску. Я предположила, что чем ближе мы будем к избранным им местам, тем больше он будет расслабляться, освобождаясь от наносного городского лоска.

Пока он говорил, я почти закрыла глаза, и вернулась сквозь годы в другое время, к другому столу. Именно так мой отец открывал для меня двери в мир знаний. Но это было так давно…

Во всяком случае, я на какое-то время забыла про шаль. Но когда в конце вечера, вернувшись в купе, обнаружила ее поверх своей разобранной постели, я снова ощутила неприятный, почти болезненный укол, а потому села и снова обследовала все края. На этот раз я ничего не нашла.

На протяжении нескольких последующих дней Викторина не жаловалась на здоровье, но, по-видимому, разделяла мое удовольствие от созерцания – иногда со смотровой платформы, иногда из окон салона – разворачивающихся перед нами ландшафтов. По ее просьбе мы всегда говорили по-английски.

Она настаивала, чтобы я поправляла те ее выражения, которые звучали странно или непонятно. Вдобавок она велела Амели принести множество модных журналов, очевидно, вывезенных из Франции, и мы втроем (ибо миссис Дивз проявила такой же энтузиазм, как и остальные) выбирали себе фасоны. Именно миссис Дивз убедила нас, что Сан-Франциско – не какая-нибудь провинциальная дыра, но город, с магазинами, способными соперничать с парижскими, да и содержатся иные из них выходцами из Парижа.

Значительная часть города – французы по своим симпатиям и по крови. Иммигранты, порой из благородных фамилий, были среди первых золотоискателей. Она со смехом рассказывала, что сегодня не составляет секрета – когда золотые сны рассеялись, среди докеров на верфях оказались и графы, а иные особы голубых кровей торговали вразнос апельсинами и сигаретами. Там существует французская газета и театр. А что до магазинов – есть, например «Билль де Пари», названный в честь корабля, роскошный груз с которого был продан с аукциона в 1850 году. Есть также магазин шелковых тканей братьев Беллок, шляпный магазин мадам Олив. Нет француженки, уверяла она Викторину, которая чувствовала бы себя в Сан-Франциско изгнанницей.

Викторина заворожено слушала, глаза ее сияли. Было ясно, что такие рассказы быстро примирят ее с новым домом. Но в ту же самую ночь мое благодушие было вдребезги разбито.

Наш вагон, отцепленный от поезда, довезшего нас до своей конечной станции, был оставлен на запасном пути ожидать другой состав, который должен везти нас остаток пути. Мистер Соваж предупредил нас, – а миссис Дивз повторила это предупреждение строгим начальственным тоном, – что нам следует пораньше уйти в свои купе и тщательно занавесить окна. Здесь могут оказаться любопытные, что попытаются заглянуть внутрь.

Я была занята дневником в письмах, который обещала писать для мадам Эшли, и только успела окунуть перо в чернильницу на дорожном бюро, когда меня встревожил звук, словно бы кто-то тростью скребся снаружи в мое стекло. Это повторилось еще раз, уже с явным нетерпением. Памятуя предупреждение, я не собиралась выглядывать, чтобы не увидеть за стеклом какого-нибудь пьяницу.

Царапанье послышалось в третий раз, а потом – тихий мелодичный свист. Теперь я отложила пюпитр и прислушалась. Я знала этот мотив. Только сегодня утром Викторина развлекала нас, насвистывая разные птичьи трели, которым, по ее словам, ее научили во Франции.

Этот человек… предупреждение мадам Эшли… письмо Алена Соважа… может, брошенный поклонник, преследующий девушку, стоит там, в ночи, стараясь таким образом привлечь ее внимание? Он, вероятно, ошибся окном. Следовало отыскать какую-нибудь подходящую точку, откуда можно было бы незаметно посмотреть, кто там.

Лампы в коридоре были притушены. В полумраке я пробежала через столовую к тяжелой двери в другом ее конце. Она была не заперта, и я приоткрыла ее так, чтобы можно было выбраться на маленькую обзорную площадку. Отсюда я могла смотреть вдоль вагона.

Я была права! Тень перед занавешенным окном. Но фигура удалялась, причем, в сторону купе Викторины. Оттуда неожиданно ярко блеснул свет – отодвинулась занавеска.

Придерживая юбки, я поспешила отнюдь не церемониальным шагом назад, через весь вагон, к двери хозяина, в которую немедленно и постучала. Мистер Соваж откликнулся сразу, как будто ожидал такого сигнала. За несколько мгновений, понадобившихся мне, чтобы достигнуть его двери, я решила отредактировать свое первое подозрение. В конце концов, я не была уверена, что Викторина привечала этого ночного посетителя.

– Мисс Пенфолд! В чем дело?

– Кто-то шумел под моим окном, сэр. Я подумала, что это какой-то бродяга…

Я не успела закончить фразу. Он повернулся, схватил со стола пистолет и ринулся мимо меня на обзорную площадку. Я услышала его оклик, а затем раздался грохот выстрела.

– Мисс Пенфолд!

– Тамарис!

Дверь миссис Дивз была распахнута. Когда она сделала шажок-другой в коридор, я увидела за ней Викторину. Итак, я правильно поступила, удержав первоначальное подозрение при себе. Викторина просто не могла отодвинуть занавеску, чтобы приветствовать того, кто скрывался в тени.

Тогда кто же был этот наглец? Вор, пытающийся проверить, есть ли кто-нибудь в купе? Но для вора он действовал слишком неосторожно.

– Что это значит? – Миссис Дивз плотнее запахнула пеньюар на своей полной груди.

Ее волосы, освобожденные от своего обычного замысловатого убранства, волнами падали на пышные плечи, отливая металлическим, почти искусственным блеском.

– Там кто-то бродил возле вагона. Я вышла на площадку

посмотреть, а он приблизился к окну Викторины…

– Вор! – Викторина казалась, скорее, возбужденной, чем испуганной – Но что он надеялся найти? Все мои драгоценности в банке. Что он мог выглядывать… этот бродяга?

– Возможно, все что подвернется. Что-нибудь, за что можно выручить деньги на выпивку. – Миссис Дивз плотнее запахнулась в свой пеньюар, голос ее источал презрение. Было очевидно, что она находит приключение просто неприличным. – Но как неосторожно с его стороны было встревожить вас, мисс Пенфолд. Без сомнения, он был пьян. Он пытался разбить ваше окно?

Она буквально впилась в меня взглядом, и теперь в ее расширенных глазах и в голосе обозначился намек на возбуждение. Или мысль обо мне, как о приманке для разбойника, доставляла ей удовольствие? Нетрудно было сделать такое предположение касательно миссис Дивз, ибо с тех пор, как мне было навязано ее близкое общество, она успела совершенно ясно дать мне понять, что не, одобряет ни меня, ни причины, по которой я здесь нахожусь, хотя и маскировала это так хорошо, что только тот, кто хорошо искушен в тонкостях женского общения, мог бы это обнаружить.

Я же теперь была уверена, что человек, которого я видела, вовсе не вор.

– Я не знаю, чего он хотел, – спокойно ответила я. – Я пошла предупредить мистера Соважа.

– Ах, вот как, – миссис Дивз дернулась. – Если бы не вы, нас всех могли бы задушить прямо в постелях!

Ее тон, полный иронии, наводил на вполне определенную мысль, что я действовала в каких-то собственных целях, несомненно, неприглядных.

Викторина, оттолкнув ее, прижалась к одному из окон салона, загораживаясь руками от тусклого света ламп, чтобы лучше видеть, что происходит снаружи.

– Но был еще выстрел… вы не слышали выстрела?

– Мистер Соваж взял с собой пистолет.

– Пистолет! Тогда он, наверное, убил бандита! Мой брат – хороший стрелок. Я слышала, как о нем это говорили. Да… фонари… люди несут фонари! Они бегут…

– Викторина! – миссис Дивз устремилась вперед и положила руку на плечо девушки, чтобы оттащить ее от стекла.

– Дорогая моя, если мы можем выглядывать наружу, еще более очевидно, что они могут заглянуть внутрь. Никто из нас не одет подобающим образом, чтобы встретиться с посторонними, и мы не должны являть собой неприличное зрелище для вульгарных зевак!

И тут я обратила внимание, что одна дама из нашей компании отсутствует.

– А где Амели?

Викторина оглянулась кругом. Возмущенная гримаса, бывшая ее ответом на предупреждение миссис Дивз, исчезла.

– Амели! – повторила она, словно призывая свою горничную. Подобрав полы пеньюара, она побежала по коридору.

– Но Амели… она должна быть в моем купе. Возможно этот… этот вор ранил ее! Ma pauvre [8] Амели!

Значит… кто-то был в купе Викторины и ответил на стук в окно. Может, этот тип пришел, чтобы встретиться с Амели? По контрасту с незамысловатой простотой своей одежды девушка была замечательно красива. Она вполне могла привлечь взгляды кого-нибудь из персонала поезда; возможно, она не отвергла его…

Викторина распахнула дверь купе и вновь громко крикнула:

– Амели!

Внутри мы увидели девушку. Она лежала на диване, руки ее закрывали лицо, плечи тряслись. Маленький кружевной чепчик выехал из наколки на узле ее волос, а сами волосы спутанными прядями свисали вокруг ее спрятанного в ладони лица.

Викторина тихо вскрикнула и села рядом с ней, обхватив трясущиеся плечи горничной.

– Амели… ma pauvre petite [9] … что с тобой? Что стряслось? Поток французских слов, хлынувший в ответ на вопрос Викторины, был мне почти не понятен.

Очевидно, от испуга служанка перешла на диалект. Но Викторина, похоже, его понимала и отвечала короткими ласковыми словами, стараясь успокоить девушку. Она взглянула на нас поверх плеча Амели.

– Это действительно ужасно. Ma pauvre Амели так испугалась. Она выглянула посмотреть, что за странный шум за окном, а там было лицо! Причем такое ужасное, что она почти лишилась чувств. Она даже не могла позвать на помощь, так она испугалась. – Викторина вздрогнула. – Потом лицо неожиданно исчезло. Она услышала крики… выстрел… это было ужасно… Послушай, ma petite, – теперь она говорила мягче, и целила явно дальше, чем просто успокоить Амели… Возможно, она намеренно нагнетала эмоции, чтобы мы наверняка оценили весь ужас происшедшего. – Ты теперь в полной безопасности, и мы все тоже. Мой брат, служащие в поезде, конечно же, не допустят, чтобы тебя коснулось зло. Спасибо вам, Тамарис, – обратилась она непосредственно ко мне. – Если бы не вы, неизвестно, что могло бы случиться.

Немного погодя – Викторина тем временем продолжала утешать обезумевшую, как нам казалось, девушку – вернулся мистер Соваж. Чужак бесследно исчез, а выстрел был в воздух. Однако заметив, как окаменело его лицо, когда он нам об этом сказал, я предположила, что он предпочел бы иметь на прицеле эту мишень.

– С этого момента, – сухо объявил он, – здесь будет охрана. Осталось недолго ждать, скоро наш вагон прицепят к поезду западного направления.

Вернувшись в свое купе, я была не в силах снова заняться письмом. Очевидные противоречия между тем, что видели мои глаза, и рассказом Амели, стоило мне извлечь их из памяти, выстраивались в ряд. Во-первых, услышанный мною шум, конечно, не мог быть произведен грабителем, пытающимся разбить окно. Нет, это был стук с явной целью – привлечь внимание. То же относилось и к свисту. Затем, когда я выглянула и увидела, как приподымается занавеска на окне Викторины, никакое лицо к стеклу не прижималось – тень была достаточно далеко от вагона.

Но это все были мелочи, годные только чтобы разбудить подозрение, и не было никаких реальных доказательств. Я не могла использовать их и опровергнуть рассказ служанки. Амели лгала, и мне следовало приглядывать за ней…

Неожиданное дребезжание, потом толчок – мы снова готовились в путь. Я устало разделась и легла в постель, чувствуя облегчение от того, что мы наконец уезжаем с запасных путей. Если Амели замышляла любовное приключение, то оно провалилось, и делу конец.

Глава третья.

Утро принесло солнечный свет и новые сомнения. Теперь, когда мы были далеко от запасного пути и ночного визитера, я не должна была позволять своему воображению облекать тень пугающей плотью.

Мистер Соваж стал проводить больше времени с нами в салоне, показывая нам места, представлявшие наибольший интерес. А миссис Дивз – сплошные улыбки и ласковые речи – претендовала, как могла, на все его внимание. С него почти полностью слетел тот слой лака, который придавал ему неприступный вид, он все меньше и меньше казался представителем того фешенебельного мира, который миссис Дивз явно считала своим. Хотя и она, по-видимому, приветствовала эту перемену в нем.

Теперь я лучше могла разглядеть в нем то, чем я всегда восхищалась в моем отце и в других морских офицерах, которых знала в детстве – компетентность и чувство долга. Его манеры никогда не были слишком резки, однако его чуть небрежная одежда, сердечная нота, сквозившая в его речах, его энтузиазм заставляли меня думать, что в Нью-Йорке он был стиснут в ненавистных ему узких рамках, теперь же становился таким человеком, каким был на самом деле.

Каюсь, моей первой реакцией была зависть. Как легко мужчине порвать с условностями! Моему же полу в такой свободе отказано. Я оглядывалась на самые тяжкие для меня месяцы, когда я от свободы отцовского корабля была перенесена в тюрьму (как мне тогда казалось) школы на берегу. Я хорошо усвоила свой урок, возможно, даже слишком хорошо, ибо, сделавшись из ученицы учительницей, вдруг обнаружила, что моя новая роль требует еще более строгой дисциплины.

Когда я видела, как мистер Соваж покидает поезд на станциях, чтобы посетить телеграф (очевидно, ему необходимо было поддерживать связь со своими предприятиями как на востоке, так и на западе), я впервые за многие годы захотела хоть немного побольше свободы.

Несколько раз во время таких остановок он предлагал нам тоже покинуть вагон и прогуляться по платформам из шершавых досок. Миссис Дивз явно отрицательно относилась к таким визитам на станции, где бродили нищенки-индеанки, мальчишки продавали сидящих в клетках койотов, а мужчины в красных или синих пропотевших рубахах, широкополых шляпах с высокими тульями и с огромными, устрашающего вида шпорами на сапогах

стояли и глазели на нас. Челюсти их непрерывно двигались, пережевывая табак.

Но Викторина стремилась выйти всякий раз, когда бы ни предлагал ее брат. Она без умолку болтала по-французски, откровенно и чуть грубовато комментируя то, что мы видели, и держала брата под руку с таким дружелюбием, словно уже прониклась к нему глубокой привязанностью.

Хотя кругом было много безобразного и неприятного, в самой стране виделось величие. И в этих грубых людях была та же энергия, что и в моряках. Они решили силой своих рук и воли покорить суровый и неприступный край. Только, думала я, это не та страна, которую любая женщина может полюбить с такой же безрассудной страстью.

Наши шелка и оборки, кружева и бахрома были здесь неуместны настолько же, как эти красные рубахи, шпоры и шейные платки были бы нелепы в Нью-Йорке. Следовало учиться выдерживать такие взгляды: ведь мы здесь – редкие птицы. И я уже начинала понимать, что эти взгляды – комплименты, а вовсе не грубое оскорбление.

Другие пассажиры на остановках тоже выходили поразмяться, и со временем мы стали узнавать их в лицо. Так я заметила среди них одного мужчину, который постоянно занимал такую позицию, чтобы держать в поле зрения всю нашу компанию, пока мы находились вне вагона.

Незнакомец носил широкополую шляпу, затенявшую его лицо, а также пышную черную бороду. Поэтому то, что находилось между тенью от полей и этой растительностью, было скрыто с таким же успехом, как если бы он был в маске. Но я решила, что он молод. Он казался стройным, несмотря на широкий пыльник, который многие носили для защиты от паровозной сажи и копоти. На остановках он расстегивал пыльник и накидывал его как плащ, под ним же был виден дорожный костюм городского жителя.

Мне уже становилось неприятно это постоянное наблюдение, как вдруг оно прекратилось. Когда он перестал появляться, я решила со странным чувством облегчения, которого не смогла бы объяснить, что он, вероятно, сошел с поезда. Я решила, что не стоит строить догадки и держать под подозрением всех и каждого.

– Что вы думаете об этой стране, мисс Пенфолд? – вопрос мистера Соважа отвлек меня от столь благоразумного умозаключения.

Поодаль, вдоль дороги петлял ручей. Бегущая вода так манила прохладной свежестью, что на мгновение мне захотелось

оказаться возле нее. Между тем, мой работодатель сидел в кресле рядом со мной, повернувшись так, чтобы делить свое внимание между мною и внешним миром.

Я торопливо искала слова.

– Она, конечно, очень красива. Но я не думаю, что ее легко усмирить. Я вот подумала, как холодна эта вода…

Он улыбнулся.

– Да, ручей в полдневный жар. Вода во многих местах страны дороже золота, потому что золото – богатство, но не жизнь.

– Однако, в сорок девятом люди считали по-другому, – заметила я. – Разве мало их лишились здесь жизни в погоне за богатством?

– Слишком много. Золотая лихорадка опасна. Но это в прошлом; теперь мы строим, укореняемся. Железные дороги связывают нас с Востоком, мы открываем земли для посевов и пастбищ… – он заговорил с нарастающим жаром, а затем начал рассказывать о жизни в Калифорнии.

Мой отец никогда не считал меня безмозглым существом только из-за того, что я родилась девочкой. До двенадцати лет, когда меня послали на берег в школу, я, рожденная на борту корабля, черпала знания из превосходной библиотеки, которую отец возил с собой, и на все свои вопросы получала ответы, конечно, с учетом моего возраста. И никогда мне не приходилось слышать более интересных бесед, чем в те годы. Большинство мужчин, которых я встречала в обществе, вело с дамами пустые поверхностные разговоры. Опуститься глубже и выказать понимание или хотя бы интерес к важным событиям, было бы почти неприличным. Энтузиазм к учебе, поощряемый во мне отцом, считался причудой, почти пороком. И в это мгновение я осознала, насколько же я была отрезана от того, чего хотела. Я была жаждущим странником, случайно набредшим в пустыне на ручей, вроде того, что бежал перед нами.

Мистер Соваж, воодушевленный моими вопросами, ожидал от меня моих суждений, и воспринимал их как нечто совершенно естественное. Я начала с упоминания о тех вещах, на которые обращал мое внимание отец. Поскольку он указывал мне то, чтоя должна увидеть, я посетила многие необычные места в тех странах, куда доставляла грузы «Королева Индии». То, что я унаследовала его способность легко усваивать языки, доставляло ему особенное удовольствие.

– Итак, вы побывали в Кантоне и на Сандвичевых островах? – Мистер Соваж был по-настоящему заинтересован. – И что вы думаете о той части Китая, которую видели?

Он спрашивал без снисходительности, поэтому я откровенно

рассказывала обо всем, что повидала. Думаю, он был поражен, когда услышал, что я была приглашена на два дня в женские покои одного из богатейших купцов, и наблюдала ту часть местной жизни, которая была скрыта от путешественников-мужчин.

– У вас было много преимуществ, – заметил он.

– Главное из них, сэр, то, что у меня был отец, который воспитал во мне пытливый ум.

Возможно, мой ответ прозвучал резковато, поскольку он заметил:

– Вы произнесли это с таким нажимом, мисс Пенфолд, будто полагаете, что поведение вашего отца шло вразрез с обычаем.

– Судя по тому, сэр, что я узнала с тех пор, как лишилась его общества, очень похоже, что так. Он поощрял во мне желание расширять кругозор и предоставлял мне для этого все возможности. Поскольку такие преимущества в образовании обычно принадлежат сыновьям, а не дочерям, теперь я думаю, что мой отец очень сильно отступил от обычая.

В своем ответе я ступила на грань правил приличия. Не потому ли начали сходиться его темные брови? Он вполне мог подумать, что я в какой-то мере задеваю его собственные убеждения.

– Ален! Я не знаю, ждать ли вас… – Миссис Дивз выплыла на нас из коридора. – Глупо с моей стороны отнимать ваше время, когда у вас столько забот, но у меня все бумаги здесь… – она лично озаботилась расстегнуть захваченный с собой портфель.

– Я, как всегда, к вашим услугам, Огаста. – Он встал и потянулся к портфелю.

Я поняла, что меня выставляют, и мне было немного больно, что это сделано так грубо. Не то, чтобы я могла требовать от него больше внимания, чем предписывала обычная вежливость… Миссис Дивз вообще ничем не выказала, что заметила мое присутствие, и лишь небрежно кивнула, когда я проходила мимо нее.

В купе меня все еще дожидалось мое письмо к мадам Эшли, но я была не в настроении вести дневник. Вместо этого я стала смотреть в окно на местность, которая казалась мне теперь совершенно отталкивающей. И я все еще старалась разобраться в своих чувствах, когда в мою дверь постучали. Прежде чем я успела ответить, вошла миссис Дивз.

– Мисс Пенфолд! – Она произнесла мое имя тем же самым тоном, которым я недавно отчитывала нерадивых учениц. Но я решила не обнаруживать своего негодования.

– Миссис Дивз? – вопросительно произнесла я. – Я могу что-

то сделать для вас?

– Вы можете сделать кое-что для себя, мисс Пенфолд! – Она уселась без приглашения.

Возможно, она рассчитывала на мой ответ, но я молча выжидала, вынуждая ее продолжать. Это великолепный прием против тех эмоций, которые она разыгрывала.

– Я исхожу, конечно, – тут она принялась крутить одно из многочисленных колец на своих пухлых пальцах, – из того факта, что молодые леди из хорошего общества не пытаются привлечь внимание джентльменов.

«Как бы не так, – ядовито подумала я. – Большая часть их времени посвящена маневрам исключительно в этом направлении, разумеется, незаметным».

– Мистер Соваж… Ален, – она прибегла к его личному имени, как будто хотела подчеркнуть, что это ее исключительная привилегия, – очень добр. Хотя он постоянно занят делами, он слишком хорошо воспитан, чтобы высказывать нетерпение…

Я продолжала смотреть на нее с тем же озадаченным видом полного непонимания. Возможно, моя реакция сбивала ее, заставляя делать паузы. Затем она снова начала:

– Вы так молоды, мисс Пенфолд, и ваши обстоятельства были таковы, что вы могли обычную вежливость принять за что-то иное. Мистер Соваж счел ваш недавний разговор немного… скажем, странным для леди, избранной быть компаньонкой для его сестры. Поскольку это дело деликатное, он обратился ко мне, чтобы я переговорила с вами.

– Ну конечно, – кротко согласилась я. – И очень мило с вашей стороны, миссис Дивз, что вы согласились. Хотя я все еще не могу понять, в чем, собственно, мой проступок, поскольку наш недавний разговор с мистером Соважем был начат им самим. Я думаю, он хотел побольше узнать о моем прошлом. Полагаю, это вполне естественно при данных обстоятельствах.

Она вспыхнула. Думаю, она считала, что меня можно легко запугать… И я была уверена, ее неприязнь ко мне растет с каждым словом. Но то, что я сказала, вполне могло быть правдой, и она это знала. Заставив таким образом ее замолчать, я сама перешла в наступление – если считать нашу беседу поединком.

– Уверяю вас, я не имела желания никого оскорблять. И я уверена, что теперь, когда мистер Соваж удовлетворил естественное любопытство относительно моего прошлого, он не будет испытывать нужды в дальнейших разговорах. Вы можете сообщить ему, что я поняла то, что он желал передать через вас, и впредь буду с ним осторожнее.

Я была уверена, что она никогда раньше не сталкивалась с

подобной тактикой. По ее понятиям, я должна была повести себя нагло, однако она не могла обнаружить в моих словах никакой зацепки, чтобы обвинить меня в этом. Бормоча нечто неразборчивое, она вышла так же резко, как и ворвалась ко мне.

Теперь предстояло кое-что обдумать. В будущем мне следовало держать себя очень осторожно, не давая этой женщине ни малейшего повода для нападок. Если я верно оценила мистера Соважа, то маловероятно, что это он послал ко мне миссис Дивз. Он из тех, кто предпочитает действовать прямо.

Однако он мог бросить какое-нибудь случайное замечание, отчего миссис Дивз уверилась, что может заявиться ко мне. Возможно, я и вправду увлеклась его свободным обращением и перешла предписанные границы. Наперед надо было следить за своей речью и держаться строго и корректно, когда дело касается «Алена» миссис Дивз. Это почему-то принесло мне чувство потери, даже боли. Как будто я, пробудившись от долгой скуки, увидела проблеск света, но мне запретили смотреть на него впредь.

Поэтому, услышав гонг к обеду, я не испытала особого удовольствия. Беседой за столом правила миссис Дивз. Ее цель была мне совершенно ясна. Ее речь блистала именами, которые прямо указывали на ее место в высших кругах Сан-Франциско, она говорила о ближайшем «сезоне» и роли, которую назначено было играть Викторине. При этом она всячески намекала, что исключает меня из этого очаровательного замкнутого круга. Что ж, если миссис Дивз добьется цели, на которую намекала Викторина, и станет хозяйкой дома Соважей, то срок моей службы, скорее всего, окажется гораздо короче, чем было предусмотрено вначале.

Когда миссис Дивз наконец заявила, что мы возвращаемся в салон, Викторина зевнула, заметив, что от движения поезда ее клонит в сон и она нас покидает. Я сказала, что мне нужно написать письмо и быстро удалилась, к заметному, кстати, облегчению миссис Дивз.

Едва лишь я переоделась в халат и стала расчесывать волосы на ночь, как в мою комнату без стука вошла Викторина.

– Тамарис, что вам сегодня сказала эта старая курица? Она буквально пылала яростью, когда проходила мимо моего купе. Это из-за того, что мой брат сегодня разговаривал с вами? – Без приглашения она забралась на мой диван. – Ба! Да вы, похоже, собираетесь помалкивать? – Последнее слово Викторина произнесла так, будто оно означало какой-то порок. – Но я не дура, я догадываюсь, в чем дело. Она собирается стать мадам Соваж, в душе она уже слышит, как ее так называют. Она так

боится, что ее желание не сбудется, что в каждой женщине видит соперницу. Но верьте мне, Тамарис, она никогда не получит того, чего хочет. Во-первых, потому, что она дура, а я, хоть и недолгое время знаю своего брата, но много слышала о нем; он не из тех, кто умиляется от дамской глупости. К тому же, ее поползновения слишком грубы. Рано или поздно она непременно выдаст свои желания, и мой брат почувствует к ней отвращение. Она ему не пара! В глазах Викторины не было и тени насмешки, они сверкали от волнения, и оно же делало ее голос глубже, ниже, чем он звучал обычно. Ясно было, что девушкой владеет сильное чувство к брату. И миссис Дивз может потерпеть поражение прежде, чем поймет, какого нажила себе врага. Викторина рассмеялась.

– Я немного пугаю вас, Тамарис, когда так говорю? Вы думаете, что я строю какие-то темные козни, чтобы уберечь своего дорогого братца от Огасты? Что я, возможно, даже ведьма? – Она сделала гротескную гримасу. – Отлично! Тогда я подумаю о том, чтобы стать ведьмой и наложить на Огасту проклятие, сильное проклятие. Я сделаю ее кожу пятнистой, чтобы все отвернулись от нее с отвращением, или… Вам не страшно сейчас, Тамарис… хоть немного?

Я рассмеялась.

– Конечно. Разве вы не видите, что я в ужасе от ваших черных планов?

Она посмотрела на меня странным изучающим взглядом, безо всякой ответной насмешки. – Не смейтесь над тем, чего не понимаете, Тамарис. Есть вещи… – она резко осеклась. – Но они принадлежат иному времени, иному месту… не вашему уютному маленькому миру. Заканчивайте свое письмо, Тамарис, и спокойно спите.

Так же молча и быстро, как вошла, она исчезла. Мое минутное веселье тут же развеялось. Я внимательно огляделась, пытаясь понять, что встревожило меня секунду или две назад. Но это чувство было только вспышкой, и если даже это было предупреждение, я не обладала достаточной мудростью, чтобы к нему прислушаться.

На следующее утро мистер Соваж получил телеграмму и в Сакраменто сошел с поезда, чтобы отправиться в Вирджиния-Сити, где на одном из рудников, контролируемых его компанией, возникли какие-то проблемы. Он сказал, что один из его людей будет ожидать нас в Окленде. Затем этот джентльмен проводит нас в наши апартаменты в отель «Лик-Хауз».

Паром был окутан плотным туманом. «Такой туман, – подумала я, – мог бы отлично послужить устрашающей

декорацией для какой-нибудь мрачной сцены, разворачивающейся в трущобах Лондона». Поэтому мы остались в каюте парома, кутаясь в непромокаемые плащи, чтобы хоть как-то защититься от пронизывающей сырости. Викторина презрительно фыркнула.

– Я нахожу это место просто отвратительным. Где же сияющие небеса, где прекрасная страна, о которой так много рассказывал мой брат?

Грэм Кантрелл, молодой человек, обязанный сопровождать нас, стоял так близко к сестре своего хозяина, насколько позволяли приличия. Было ясно, что с первой же встречи он не видит никого, кроме нее. Даже теперешняя сердитая гримаска Викторины, отметила я для себя с легкой грустью, нисколько нс умалила ее хрупкой красоты. Он тотчас поспешил сказать, что такие туманы не всегда затягивают бухту и не представляют угрозы городу, куда лениво плюхал наш паром.

Но я-то знала море. И для меня такой туман всегда таил угрозу. Глядеть в окна нашей каюты, наглухо занавешенные плотной туманной пеленой, было страшновато… И я слышала печальный звук предупредительных колоколов, но эта пелена была так плотна, что даже эти звуки казались придушенными.

На стенах сырость оседала каплями. В каюте стоял тяжелый запах – застарелая грязь, сильный дух человеческих тел, зловоние машинного масла, доносимое из машинного отделения.

Неожиданно я ощутила, что больше не могу выносить этого заключения. Хоть я и считала себя искушенной путешественницей, желудок у меня всегда был слабый. Мне нужно было сделать только один-два шага наружу, чтобы найти более чистый воздух, пусть, даже и пропитанный туманом. Так я и сделала, втянув в легкие благословенную сырость.

Были и другие пассажиры, очевидно разделявшие мое желание выйти на воздух. Большинство из них виделись просто неверными тенями, но налево от двери нашей каюты, очень близко друг к другу стояли двое, и до меня то и дело долетал звук голосов.

Тот, что выше, должно быть, мужчина. Другая фигура, закутанная в точно такой же, как у меня, плащ – явно женщина. Затем мимо прошел кто-то из команды, держа в руке фонарь, и отблеск от него ясно осветил обоих. Это была Амели, оставленная при нашем багаже.

Однако свет не выхватил лица ее спутника. Но сам факт, что их поза предполагала некоторую степень интимности, пробудила мои прежние подозрения. Был ли это другой мужчина, случайно привлеченный ее хорошеньким личиком? Я так мало знала о ней

– возможно, она была весьма свободна в своих поступках вдали от взгляда хозяйки. Но не было сомнений, что между ними существовала некая сильная привязанность, и Викторина будет скорее защищать, чем обвинять ее на основании столь шатких подозрений, как мои.

Я решила проследить за Амели и удостовериться, что ее поведение не таково, чтобы впутать ее юную хозяйку в какую-нибудь неприятную историю. Беспокойство грызло меня, покуда мы причаливали и черепашьим шагом ползли до «Лик-Хауза».

– C'est magnifique! [10] Посмотрите, даже в тумане видны огни магазинов. Что за наслаждение бродить по ним… давайте отправимся поскорее!

Викторина отвернулась от окна отеля, опустив тяжелую портьеру, которую поднимала, чтобы взглянуть на Монтгомери-Стрит, полную жизни даже в такой ненастный вечер. Девушка так и кипела воодушевлением.

– Не ночью же, моя дорогая. – Миссис Дивз была исполнена благоразумного неодобрения. – Леди не появляются на улицах без подобающего сопровождения…

– Но я же вижу! – возразила Викторина. – Вот они – там… и там… – она указала пальцем на окно.

– Это не леди, – приговор миссис Дивз был окончательным и обжалованию не подлежал.

Викторина с хмурым видом отпустила бархатные красные занавеси, отгораживающие нас от огней и шума уличной жизни, Я уже заметно устала от красного бархата. В отелях, казалось, обожали его, как примету респектабельности и роскоши. А «Лик-Хауз», к тому же, был явно из новых.

Его интерьер, заполненный деревянной резьбой, бархатом, его мраморные полы создавали впечатление безвкусного показного богатства. То же относилось к еде, которая была сервирована в наших номерах – шесть блюд, начиная от устриц и кончая всеми возможными лакомствами, не зависящими от сезона, заставили меня подумать, что в мире слишком много пищи.

Шампанское, очевидно, тоже было правилом, как нечто само собой разумеющееся, вроде воды со льдом в других краях. Его, к моему удивлению, безо всяких вопросов подали и нам с Викториной. Я лишь пригубила свой бокал. Однако миссис Дивз и Викторина не последовали моему примеру.

– Ваш брат, моя дорогая, – миссис Дивз водрузила свою неизменную сумку с рукоделием себе на колени, но не стала открывать ее, – держит здесь, в городе, собственный выезд. И нет причин, почему бы нам не воспользоваться им завтра, чтобы

посетить некоторые магазины. Кроме того, может быть, вы захотите освежить ваш гардероб… – при этом она бросила хитрый взгляд в мою сторону. Если она и думала припугнуть меня предполагаемой бедностью моего гардероба, то просчиталась. Я была твердо уверена, что благодаря стараниям одной из наставниц мадам Эшли, всегда выгляжу одетой в соответствии с модой.

Однако, стоило оглядеться в дамской гостиной, куда нас препроводили без лишних церемоний после нашего прибытия. Мне уже стало ясно – моды Востока резко отличались от мод блистательного Запада. Такого богатства нарядов – зачастую из двух контрастных цветов на одном платье, с бахромой, ожерельями, цветочными гирляндами и кружевами – я никогда раньше не видывала.

Здесь было принято, как сообщила нам миссис Дивз в одном из своих наставительных монологов касательно обычаев светского общества, не содержать городских домов (хотя здесь было несколько, размерами и убранством схожих с дворцами, в таком районе, как Ноб-Хилл), а по большей части держать за собой апартаменты в крупных отелях, избавляясь таким образом от забот о доме. Обычай этот возник в давние дни золотой лихорадки, когда большинство приезжих составляли одинокие мужчины, селившиеся в меблированных комнатах. Многие джентльмены объединялись, и составляли наполовину личные пансионы под началом компетентных и даже весьма одаренных поварих-домоправительниц. Это привело к тому, что джентльмены, привыкшие к такому положению дел, уже обзаведясь семьями и домами, сохраняли за собой свои «номера» и посещали их по вечерам, чтобы встретиться с друзьями, поговорить о делах и заключить конфиденциальные сделки.

На протяжении всего обеда миссис Дивз продолжала говорить, заливая нас таким непрерывным потоком сведений, что я удивлялась, как она находит время отдавать должное еде. Но я внимательно слушала, понимая, что сейчас оказалась в мире, совершенно отличном от всего того, что я знала.

– Да! – Викторина плюхнулась на одну из плюшевых кушеток. – Мы должны увидеть все магазины! Только я забыла… у нас же нет денег. Как же мы сможем покупать?

Миссис Дивз рассмеялась. Ее лицо покраснело. Она очень плотно пообедала, хотя была, должно быть, туго затянута – на ее лифе не было ни единой складки. Пока она ела, голос ее становился громче, слова менее разборчивы, смех звучал все чаще и чаще.

– Не стоит беспокоиться. Кредит Алена очень хорошо

обеспечен. Носить с собой деньги утомительно. Видите ли, тут не принимают банкноты, как на Востоке. Здесь вы должны платить только золотом или серебром.

Меня это встревожило. Значит, мои накопления, тщательно упрятанные в кошельке во внутреннем кармане юбки, необходимо обменять. Нужно ли для этого отправиться в банк или можно обратиться к мистеру Кантреллу? Мне бы не хотелось оказаться без наличных денег. Не то, чтобы я ожидала чего-то от завтрашней поездки по магазинам, но всякое может случиться…

Миссис Дивз встала. Заметив, как побагровело ее лицо, я подумала, что она, похоже, начинает жалеть о сочетании обильной еды, шампанского и тугой шнуровки. Она сбивчиво извинилась и прошла в свою комнату.

Викторина зевнула.

– Меня тоже клонит в сон. – Но утром, – она улыбнулась, как маленький ребенок, которому пообещали сладкое, – мы обследуем этот город. Я так люблю магазины! – Ее полные губы (иногда они со своей постоянной влажностью придавали ее девичьему лицу выражение, которое я находила странным, но не могла объяснить) сложились в улыбку восхищения. – А во сне мы помечтаем о том, что увидим завтра.

Войдя в свою комнату, я обнаружила, что меня там ждут. Мою батистовую ночную сорочку раскладывала служанка, которой я прежде не видела. Это была негритянка средних лет (хотя трудно судить о возрасте представителей другой расы) с простодушным лицом и пышным телом под темно-голубым хлопчатым платьем. На ее переднике не было пышных оборок как у Амели, – обычный передник служанки, а ее чепец целиком скрывал волосы, кроме пряди на лбу.

Она сделала книксен.

– Я Хетти, мисс. Делаю для леди то, что они пожелают… Опустив глаза, она ожидала приказаний.

Что-то в ее манерах и терпеливой покорности заставляло меня чувствовать себя неудобно. Это напоминало мне о предвоенных временах, когда мой отец, ненавидевший рабство и все с ним связанное, – он считал, что оно унижает обоих: и хозяина, и раба – принимал участие в каких-то тайных делах. «Королева Индии» несколько раз перевозила темнокожих пассажиров, не числившихся в официальных списках, из портов между Нью-Орлеаном и Чарльстоном.

Глава четвертая.

Я поспешила заверить Хетти, что не нуждаюсь в ее услугах, однако не преминула поблагодарить ее. Когда она удалилась неслышной походкой, я расстегнула корсаж, и моя память обратилась сквозь годы к вещам, которые мы с отцом никогда не обсуждали.

Тогда была одна женщина, очень странная особа, окруженная атмосферой власти, хотя носила она простое платье старшей служанки. Она дважды обедала с нами на борту «Королевы Индии» в порту Нью-Орлеана, а после отец отсылал меня в мою каюту, и разговаривал с нею наедине. Она представлялась как миссис Смит. Имя это вовсе ей не подходило, а ее спокойные манеры резко контрастировали с необычностью ее глаз – один был голубой, другой карий. Кожа ее была оливковой, волосы темными, она была красива, обращения мягкого.

Впоследствии отец предостерегал меня, чтобы я не упоминала об ее визитах, и я всегда была уверена, что она имела какое-то отношение к беглым рабам. За исключением этих двух раз, я больше никогда не видела ее, но сейчас в моей памяти она встала так ясно, как если бы была той служанкой, которую я встретила у себя в комнате.

Взявшись за головную щетку, я уверенно отогнала этот необычайно четкий образ. Мой туалетный столик не был так заставлен, как у Викторины (он, кстати, повергал меня в величайшее смущение). У меня не было ни флакончиков духов со стеклянными пробками в виде бабочки, ни чего-либо другого из того прелестного беспорядка, который так легко возникал у нее сам по себе. Мое имущество было обусловлено школьными требованиями элементарной опрятности, поэтому я и заметила, что мои вещи двигали.

Одной из первых вещей, что я распаковала, была редкостная шкатулка – последний подарок отца. Изготовлена она была где-то на Дальнем Востоке из редкого дерева, местами инкрустированного перламутром. В ней я хранила реликвии нашей семьи: миниатюрный портрет матери, подаренный мне отцом – один из тех, что он рисовал по моему настоянию, несколько старых писем, брачное свидетельство матери, письма к ней от моей давно умершей бабушки. Все это не имело никакой ценности ни для кого, кроме меня.

Шкатулку трогали. Я отложила щетки и склонилась над замком. Он был секретный, во всяком случае, я так считала. Он был скрыт в резьбе, и его следовало подцепить ногтем, чтобы

открыть.

Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять: порядок, в котором были уложены мои сокровища, нарушен. Кто-то открывал шкатулку и рылся в ней. Во мне вспыхнул гнев. Можно было предположить, что вор искал футляр с драгоценностями, но тот был заперт в моем сундучке. Возможно, что вор до этого не додумался.

Но кто? Хетти? Я не имела права выносить столь быстрый осуждающий приговор. Репутация этого отеля такова, что здесь, конечно, не нанимают служащих, в которых не уверены. И у меня нет доказательств: ничего ведь не пропало. Но я бы не хотела, чтобы это повторилось.

Продолжая готовиться ко сну, я подумала, не устроить ли мне какую-нибудь ловушку, спрятавшись до рассвета, скажем, в большом платяном шкафу. Это заставило меня улыбнуться, несмотря на гнев и тревогу.

А если не Хетти, и не какая-то другая служанка, тогда кто? Амели? Несмотря на мои старания сохранить беспристрастность, я начинала верить, что это она. На мой взгляд, она была хитра и лжива. Но я не могла понять, зачем ей понадобилось рыться в моих вещах.

Я поднесла шкатулку поближе к лампе, чтобы посмотреть, нет ли на ней следов взлома. Когда я их нашла, почти уткнувшись лицом в царапину, я уловила тошнотворный сладкий запах. Знакомый запах. Да, так же пахло содержимое мешочка, зашитого в мою шаль.

Это исключало всех здешних служанок, но прямо указывало на Амели.

Надо было серьезно поговорить с Викториной. У меня слабые основания для подозрений, но, собранные вместе, они, может быть, заставят ее прислушаться ко мне. Запахнувшись в халат, я вернулась в гостиную.

Комната была темна и освещалась лишь слабыми отблесками уличных огней внизу. На мой стук из спальни Викторины не последовало никакого ответа. Конечно же, она не могла так быстро уснуть! Я снова постучала, уже сильнее, и дверь распахнулась, как бы приглашая меня войти.

Среди тени выступала массивная кровать под претенциозным балдахином. При мягком свете ночника была видна Викторина, недвижно лежащая поверх постели. Правда, платье она сняла, но на ней оставался еще ворох нижних юбок, а ее тонкая сорочка нескромно сползла с плеча, обнажая грудь больше, чем это допускали приличия.

Из волос ее даже не были вынуты шпильки, хотя некоторые

пряди падали свободно. Она выглядела спящей, но так странно было это беспамятство – так мне показалось, – что я схватила ночник и, приблизившись, подняла над ней.

Сомнительно, чтобы такой глубокий сон был нормальным. Я дотронулась до ее плеча. Тело ее было холодным, хотя над верхней губой виднелось несколько маленьких капелек пота. Она слабо застонала и повернула голову.

Я поспешила зажечь большую лампу, и набросила на нее одеяло. Вспоминая вечер, я не могла вспомнить, много ли она выпила вина. Но где Амели, и почему она оставила свою хозяйку в таком состоянии?

Обходя постель, чтобы дернуть за шнур звонка, я натолкнулась на маленький столик. На пол с него скатился стакан, и на толстый ковер пролились остатки какой-то жидкости. Но упало и что-то еще. Я остановилась и подняла веер. Его пластины были очень толстыми, делая его гораздо тяжелее обычного. И тут одна из пластин сдвинулась в сторону, открывая небольшое углубление. В нем был порошок, и я, коснувшись его кончиком пальца, поднесла его к носу. Снова этот тошнотворный запах!

Я содрогнулась от того, что представилось моему воображению. Конечно же, Викторину не могли одурманить наркотиком против ее воли, а подобную улику – оставить открытой, чтобы ее мог обнаружить первый, кто войдет.

Я решительно позвонила. Поскольку Амели не было здесь, я понятия не имела, где ее искать. Но Хетти или другая служанка, которая придет на мой вызов, смогут найти горничную.

Я нервно ходила вперед-назад по комнате, и машинально вертела веер в руках. Затем, сообразив, что я делаю, я вернула пластинку на место и, едва раздался стук в дверь, положила веер на стол.

На мой вызов вошла Хетти.

– Ты не знаешь, где горничная мисс Соваж? Ее хозяйка заболела.

– Не знаю, мисс, – она покачала своей головой в чепце из стороны в сторону. – Может, я могу сделать что для леди? Тут есть дохтур Бич, прямо под холмом живет. Хотя время еще раннее, чтобы джентльмены вернулись…

Говоря так со мной, она подошла к постели и нагнулась взглянуть на Викторину, но с каким-то жадным любопытством, а отнюдь не с сочувствием. Затем я убедилась, что Хетти смотрит столь пристально не на лицо девушки, а на отталкивающее ожерелье, которое Викторина так любила, что носила почти постоянно – змею из золота и эмали.

Что же это? Наркотик, или она выпила слишком много вина? В любом случае звать незнакомого врача не хотелось. Но я могла обратиться к миссис Дивз. Едва я открыла рот, чтобы отдать Хетти распоряжение, как кто-то отбросил меня, протолкнувшись между нами обеими, словно для защиты своей госпожи – Амели, сжимая в руках небольшой котелок, смотрела на меня с яростью, позу ее можно было счесть оскорбительной.

– Зачем вы здесь? – резко спросила она по-французски. – Моя госпожа… для чего вы тревожите ее?

Но я не дала себя запугать.

– Она больна. Это не нормальный сон.

– Ну, конечно, она приняла один из своих порошков. Ее бедная головка так болела! Я пошла приготовить ей отвар. Я знаю, как надо лечить ее. А теперь вы разбудите ее, и боль вернется…

Амели теснила нас от кровати, продолжая держать перед собой котелок, словно он был оружием, которое она могла использовать для защиты Викторины.

Я услышала приглушенный вскрик Хетти. Женщина отшатнулась, не сводя глаз с запястья девушки, ее глаза расширились. Она уставилась на отвратительный браслет – паука, которому Амели выказывала такое же предпочтение среди украшений, как ее госпожа – змеиному ожерелью. С нечленораздельным криком Хетти выбежала из комнаты.

Амели улыбнулась и что-то произнесла на своем диалекте. Но улыбка ее мгновенно исчезла, когда она снова взглянула на меня.

– Я говорю правду. Моя госпожа спит. Скоро она проснется и захочет своего отвара. Тогда ее голове полегчает, и все с ней будет хорошо.

Я была уверена, что в ее взгляде сейчас читалась не столь забота о хозяйке, сколь холодная и расчетливая неприязнь ко мне. Однако ее объяснение звучало вполне резонно, и я была вынуждена согласиться с ним. Хотя оставалось еще несколько дней до того, как мистер Соваж присоединится к нам, я решила сообщить ему об этой сцене сразу, как только смогу.

Амели, держась почти нагло, проследовала за мной до двери, и захлопнула ее сразу, как только я вышла, так поднимают цепной мост замка перед неприятелем. Я продолжала гадать, вино так подействовало на Викторину или что-нибудь еще, но мне не хватало ни знаний, ни возможностей проверить подозрение.

Утром, когда я проснулась, воспоминания тут же вернулись. Одеваясь, я смотрела в высокое зеркало гардероба, но не

замечала собственного изображения – передо мной как наяву маячил веер с потайным отделением. Как глупо, что я не захватила его с собой, когда уходила из комнаты Викторины! Сейчас я припоминала, что на крышечке этого отделения были инициалы, но это точно были не «В» или «С».

В комнате было холодно. Но миссис Дивз и мистер Соваж предупреждали, что весна в Сан-Франциско не означает тепло и благоухание. Здешние дамы долго носят меха, которые в других местах давно бывают сброшены. Поэтому я выбрала тяжелое платье из фиолетового шелка и шерсти, украшенное по юбке и корсажу бантами из темно-пурпурного бархата, и перед тем, как пройти в гостиную, накинула мамину шаль – ее сочные цвета, так же, как и ее тепло, подбодряли меня.

Викторина уже караулила у окна. Туман утром рассеялся, но день был серый, облачный. Она, однако, пребывала в радужном настроении, ее веселость подчеркивалась яркой голубизной платья.

– Магазины!.. Они уже открыты! Вас не тянет к ним, Тамарис? Смотрите… – Она указала на козетку, где лежали маленькая шляпка из бархата сапфирового цвета с перьями и свободный серый жакет с бантами и шиншилловым воротником. – Я уже готова. – Она закружилась так, что ленты на ее платье взметнулись в воздух – сущее дитя, предвкушающее обещанное лакомство.

Но миссис Дивз не разделяла ее энтузиазма. Во время завтрака наша менторша не появилась, и Викторина нервничала, поглядывая на дверь ее спальни, но та оставалась закрытой.

Я задала вопрос, который напрашивался сам собой:

– Как сегодня утром ваша голова?

– Моя голова? – повторила Викторина с легким недоумением. – О, вы имеете в виду мигрень? Она совсем прошла. Амели знает, как мне помочь. Думаю, – тут она прелестно смутилась, – что я выпила слишком много шампанского. Когда я пришла к себе в комнату – пуф! – Она поднесла пальцы к вискам. – Вот здесь была такая боль, а комната… она все кружилась и кружилась. Поэтому Амели быстро уложила меня и дала мне один из моих порошков прежде, чем я успела вполне раздеться. Она сказала, что вы сильно беспокоились обо мне, Тамарис.

– Да, – коротко ответила я. Ее объяснение было логичным, но у меня почему-то еще оставались сомнения.

– Обещаю вам, что такого никогда больше не случится. Я стану более воздержанной. Я буду, как вы, говорить «нет» и «нет» избытку вина, и тогда не буду страдать. Но сегодня утром –

спасибо Амели – я совсем здорова. Бедная Огаста… – она снова взглянула на дверь. – Как вы думаете, у нее тоже болит голова? Может быть, стоит предложить ей лекарство Амели…

Возможно, именно мысль о посещении магазинов возродила миссис Дивз к жизни. Когда она вскорости появилась из своей спальни, она выглядела как обычно, и не было заметно, что она провела беспокойную ночь. К тому же, она была в превосходном настроении и улыбалась в ответ на нетерпение Викторины. Когда мистер Кантрелл прислал свою карточку, сообщая, что экипаж ждет, она так же быстро, как и девушка, натянула свои перчатки, заглянув для порядка в зеркало, чтобы убедиться, что шляпка правильно пришпилена над ее исключительно пышным шиньоном.

Викторина достала из кошелька на поясе маленькую табличку слоновой кости и взглянула на записи, которые мы сделали.

– Вышитые чулки, – пробормотала она по-французски.

– Темно-желтые с фиалками или бледно-зеленые… Тамарис, не было ли у нас речи о бледно-зеленых с вышитыми ягодами земляники? У меня слабая память, а Огаста вчера вечером рассказала так много…

Я рассмеялась.

– Была еще речь о розовых с ежевикой из шелка-сырца. Я думаю, это выглядит слегка пугающе.

Викторина сделала гримаску.

– Я тоже не считаю ежевику последним криком моды. Но пудра-саше «Цветы Калифорнии» – вот что я обязательно должна купить. О, Тамарис, нет ничего более волнующего!

Я должна признаться, что посещение знаменитых магазинов Сан-Франциско привлекло и меня. Но когда мистер Кантрелл провел нас по сырому холоду улицы в карету, моя уверенность в этом поубавилась. Я не могла определить, была ли эта сырость следствием ночного тумана, или предвещала надвигающийся дождь, но так или иначе она нагоняла тоску.

К счастью, наше ландо было закрытым. Экипаж был элегантно сработан, и если он принадлежал к выезду мистера Соважа, следовало заметить, что он умел выбирать. Едва мы уселись, Викторина наклонилась вперед, изучая роскошный интерьер, затянутый желтым атласом, удивленно восклицая при каждом новом открытии. Хотя мистер Соваж после замужества старшей сестры жил на положении холостяка, ландо свидетельствовало, что он разбирается в женских нуждах. В разных маленьких кармашках, которые обнаружила и продемонстрировала нам Викторина, отыскались и ларчик с

черепаховым гребнем, и флакон с нюхательной солью, и зеркало, и коробка со шпильками, и подушечка с булавками.

– Мы прекрасно экипированы для любого случая, – заметила я.

– Совершенно обычно, хотя и недурно подобрано, – холодно парировала миссис Дивз.

Викторина рассмеялась.

– Какой умница мой брат. Хотя, возможно, и не он заботился обо всем, вообще-то это обязанность кого-нибудь из слуг. Ну, Огаста, куда вы нас повезете?

– Сначала, думаю, в «Китайский Базар». Вы там найдете много необычного, дорогая моя.

Мы пробирались через дорожное движение, не менее плотное, чем на деловых улицах Нью-Йорка. Помимо конных экипажей здесь в качестве общественного транспорта была еще канатная дорога, которая приводилась в движение паровыми машинами на концах линии. Викторина, восхищенная ею, пожелала прокатиться на ней, но наша предводительница была так шокирована таким отступлением от дамских обычаев, что даже сумела подавить порыв мисс Соваж.

Мы остановились возле одной из стоянок на тротуаре, предназначенных для того, чтобы пассажирам удобнее было спускаться из карет, лишь тогда она вновь улыбнулась. Лакей-негр помог нам выйти, и мы почти сразу же оказались перед весьма необычным магазином. Через весь фасад над входом было протянуто огромное полотнище, на котором танцевал огненный дракон, высунув из пасти длинный багровый язык. Из открытой двери доносился тяжелый запах курений. Оттуда же слышалось чириканье птиц – с потолка свешивались причудливые клетки с канарейками.

Китаец в синей одежде купца проводил нас внутрь, и я совершенно потерялась, рассматривая редкие и необычные веши. Однако Викторина не ушла оттуда с пустыми руками. На ее запястье появился браслет из прохладного нефрита. А за нами в красной бумаге – знак доброго предзнаменования – несли белую, оттенка слоновой кости, шелковую шаль, украшенную ветками цветущей сливы – вышивка была на тон или два темнее основы.

Из «Базара» мы направились в «Виль де Пари», где глаза радовали бархат, французская парча, воздушный газ ананасного цвета с Сандвичевых островов. Потом последовал «Уэйк-лесс», где Викторина смогла удовлетворить свой каприз относительно саше «Цветы Калифорнии», а также флакона духов, чересчур резких на мой вкус. У Сэмюэла мы осмотрели кружева, а затем перед самым полуднем зашли в небольшой магазин, принадлежавший мадам

Фанни Перье. Хотя она торговала только мелкими безделушками, кружевами и тесьмой, ее магазин был прекрасно оборудован для отдыха клиентов, утомившихся в других магазинах.

Красный турецкий ковер составлял яркий контраст серому дню. На стенах было укреплено множество светильников, они искусно перемежались зеркалами в позолоченных рамах, отражавшими и увеличивающими комнату.

Мы уселись вокруг столика на стулья с позолоченными ножками. Сама мадам Перье принесла на элегантном золотом подносе белые чашки с шоколадом и тарелочки, на которых лежали тонкие ломтики пирожных, тающие во рту.

Она свободно заговорила с миссис Дивз, с которой, видимо, была в приятельских отношениях, а затем продемонстрировала нам, как бы не для продажи, но просто желая показать, новейшие забавные безделушки из тех, что имелись у нее в запасе.

Викторине очень понравился хрустальный флакон с укрепленной на нем шпилькой, – его можно было, как показала мадам, ловко приколоть в прическу, чтобы обеспечить свежесть вставленным туда живым цветам, – и она поспешила присоединить его к другим своим утренним покупкам.

Пока мадам показывала ей, как правильно с ним обращаться, я обратила внимание на женщину, которая стояла в дверях, ведущих в задние комнаты, откуда мадам Перье приносила шоколад. Незнакомка была высокого роста, в зеркалах и при свете ламп она была мне полностью видна. Годы сразу же отхлынули назад. Это о ней я думала только сегодня ночью. Передо мной была та самая «миссис Смит», знакомая моего отца.

Рядом я услышала вздох и взглянула на миссис Дивз. Румянец ее исчез. Она закрыла глаза, как будто ей вдруг стало дурно. Я машинально протянула ей руку, и она, словно не зная, кто предлагает ей помощь, или не обеспокоенная этим, схватила мое запястье и до боли стиснула.

– Нет! – услышала я ее отчаянный шепот.

Неужели Огасту Дивз так поразило появление миссис Смит? Я быстро перевела взгляд с ее искаженного лица на дверной проем. Женщина все еще стояла там и смотрела. Но к своему удивлению, я обнаружила, что глаза ее устремлены на меня, а не на мою взволнованную спутницу, и у меня появилось странное ощущение, словно она рассматривает меня не как человека, а скорее, как проблему, которую ей необходимо разрешить. Затем губы ее сложились в легкую усмешку, и она отступила назад, в тень, исчезнув так неожиданно, как если бы и вправду была персонажем какого-нибудь кошмара. Я моргнула, прежде чем заговорила.

– Миссис Дивз, вам плохо? Я могу вам помочь?

Ее лицо было почти меловой белизны, она часто дышала.

– Да, да… – даже голос ее превратился в сиплое бормотание. – Уйдем… давайте уйдем.

Мадам Перье, выражая всяческое сочувствие, поспешила проводить нас. И только когда мы снова были в экипаже, миссис Дивз, заметно напрягая силы, попыталась овладеть собой.

– Огаста, в чем дело? Вы больны? – Викторина проявила куда больше участия к приятельнице своего брата, чем выказывала раньше.

– Эта… эта женщина! Это была Мэмми Плезант… нет! – миссис Дивз выпрямилась и отчасти вернула себе обычную самоуверенность. – Не спрашивайте меня больше. Только молите бога, чтобы вам никогда не узнать этой ужасной, злобной женщины!

Я не хотела выспрашивать ее, чего нельзя сказать о Викторине. Хотя голос ее звучал мягко, и в нем по-прежнему звучала сочувственная нота, похоже было, что она получает некое наслаждение, продолжая допрос наперекор явному нежеланию миссис Дивз. Однако когда мы оставили позади место, где она так неожиданно испугалась, – а я была уверена, что причиной бегства Огасты Дивз был именно страх, – наша дама обрела свое прежнее спокойствие, и отказалась удовлетворить любопытство Викторины. К тому времени, когда мы вернулись в отель, она вновь была во всеоружии.

Однако я была уверена – она сильно переживает, что выдала себя. Стоило нам войти в номер, как она оставила нас, заторопившись к себе в комнату. Викторина же хотела непременно продолжить расследование.

– Кто такая эта Мэмми Плезант, что так расстроила Огасту? Вы кого-нибудь видели в магазине, Тамарис? Я – совсем никого.

– В дверях задней комнаты стояла какая-то женщина – вот и все.

– Всего лишь женщина? Но какая женщина может заставить трястись руки Огасты, а ее лицо так побелеть? Огаста напугана, Тамарис, по-настоящему напугана.

– Я не знаю ничего, кроме того, что мы видели женщину, – осторожно ответила я. Я не сомневалась, что это была миссис Смит: внешность у нее была такова, что тот, кто однажды ее видел, не легко бы забыл. Но я не желала рассказывать Викторине то малое, что было мне известно. А причины, по которой миссис Дивз обнаружила свой страх, мое воображение не могло постигнуть.

Послышался стук в дверь, и Викторина, которая была ближе,

открыла. Вернулась она с запечатанным письмом.

– Послание для Огасты. Как вы думаете, не от Мэмми ли Плезант? – Она взвесила конверт на ладони, словно таким образом могла угадать его содержимое.

– Это не наше дело. – Я мобилизовала весь свой маленький авторитет, если таковой у меня имелся. Но это действительно было не наше дело, и мне не понравилось столь явное любопытство Викторины.

– Ах, но ведь здесь тайна, а тайны так возбуждают. Как жаль, что мы не можем прочесть его. – Викторина еще раз подбросила конверт на ладони.

Она бросила на меня такой озорной взгляд, что я в тот момент почти испугалась, как бы она в самом деле не вскрыла его. Но оказалось, что даже ее любопытство не простиралось так далеко. Она подошла к двери миссис Дивз, постучала и крикнула:

– Для вас письмо, Огаста! Нужен ответ, посыльный ждет.

Последовала пауза, такая долгая, что я поначалу решила, будто миссис Дивз не собирается отвечать. Затем дверь приоткрылась, но ровно настолько, чтобы Викторина могла просунуть конверт внутрь. Спустя несколько секунд миссис Дивз широко распахнула дверь и выплыла наружу, ничем не напоминая запуганную, затравленную женщину, недавно покинувшую нас.

– Дорогой Джеймс! Я могла бы догадаться, что Джеймс Найт непременно сделает что-нибудь такое. – Она захлебывалась словами. – Тереза здесь! Джеймс, узнав о моем возвращении, немедленно разыскал ее. О, Тереза вновь будет со мной!

Отстранив Викторину, она бросилась открывать входную дверь. За ней ожидал человек в ливрее грума.

– Пожалуйста, скажите своему хозяину, что Тереза, конечно, должна прийти ко мне. Так скоро, как только возможно… Нет, дайте мне написать записку!

Оставив дверь открытой, она подсуетилась к столу у окна, схватила листок бумаги, быстро что-то нацарапала и затолкала написанное в конверт, который вложила в руку груму. Когда дверь закрылась, она потерла руки.

– В конце концов, все всегда складывается к лучшему… – Я поняла, что она думает вслух. Затем, словно вспомнив о нас, она торопливо добавила: – Здесь остановился один мой старый друг. Он случайно увидел мое имя в книге регистрации, и оказал мне огромную услугу. До моего отъезда два года назад, у меня была горничная, которой я полностью доверяла. К несчастью, я собиралась надолго за границу, и она не могла меня сопровождать, поскольку ее мать была больна, и она не хотела ее

оставлять. Но мистер Найт случайно встретил ее неделю назад, и она справлялась обо мне. Ее мать умерла, и она бы очень хотела вернуться ко мне на службу. О, Тереза должна вернуться ко мне… с нею я буду чувствовать себя в безопасности!

Думаю, она сообразила, что высказалась слишком откровенно, потому что смутилась и поспешила добавить:

– Тереза – единственная, кому я могу полностью доверять. – Это прозвучало еще менее убедительно, и она переменила тему. – Мистер Найт попросил меня отобедать с ним. Поскольку он очень помог привести в порядок состояние моего покойного мужа, я обязана с ним повидаться. Поэтому я не смогу провести с вами нынешний вечер.

Она убралась обратно к себе в комнату. Едва лишь за ней закрылась дверь, Викторина хихикнула.

– Вот и хорошо! Думаю, мы обойдемся и без вас, дорогая Огаста. – Она снова подошла к своему излюбленному месту у окна. – Тамарис, туман опять наползает. В витринах магазинов зажгли свет, а ведь еще день. В этом городе всегда такие туманы?

Она была права, в чем я убедилась, присоединившись к ней. Газовые лампы витрин вступили в безнадежное сражение с уплотнявшимся туманом.

– Сегодня ночью должно быть полнолуние, – Викторина вертела позолоченную кисть на шторе. – Но разве увидишь луну в этих сырых краях?

Она не дожидалась ответа, вместо этого она схватила меня за руку, увлекая меня обратно в уютное тепло комнаты.

– Давайте все здесь распакуем, – она указала на свертки и коробки, принесенные из экипажа. – Я хочу еще раз взглянуть на свои сокровища.

Вокруг разлеталась смятая бумага, когда мы освобождали из упаковок надушенные перчатки с вышивкой, зонтик, отрезы шелка – их Викторина любовно погладила.

– У Амели талант к шитью. Она может взять это – и вон тот газ, и эти белые розы, сложить вместе и получится такое платье, что даже сердце моего угрюмого братца может дрогнуть, когда он увидит меня в нем!

– У мистера Соважа сердце вовсе не жестокое! – Только ли по обязанности у меня вырвался этот протест? – Ведь всем этим, Викторина, обеспечил вас он.

Она взглянула на меня, слегка наклонив голову: ее блестящие глаза расширились, полные губы тронула улыбка.

– Да, Ален очень щедр. – В ее ответе слышалась слабая тень насмешки. – Я должна быть искренне благодарна за его щедрость. Если я об этом забуду, тогда ваш долг, Тамарис, напомнить мне.

А когда он вернется, я отблагодарю его, как подобает доброй сестре. Вы увидите!

Я подумала, что лучше не углубляться в эту тему, а то она снова попытается проверить, как далеко простирается над ней моя власть. Я с весьма чувствительным огорчением подумала, что она еще не готова признать родственных связей с моим работодателем, как он того желал. Возможно, это превышает или превысит мои силы. Для подобной задачи следовало бы выбрать компаньонку постарше и поумнее.

Ее улыбка стала шире.

– Бедная Тамарис, вас так легко огорчить. Я хорошо знаю, что Ален желает мне счастья… в пределах своего собственного понимания. У меня был хороший день. Мне понравился Сан-Франциско, несмотря на туман. Это не Париж, но и в нем есть свои достоинства. Посмотрите… сейчас я окружена некоторыми из них!

Затем явилась Амели, и принялась спорить или, точнее, разыгрывать некое театральное представление со своей хозяйкой по поводу той или иной покупки. Видя, что они обе увлеклись, я ушла к себе в комнату, но на душе у меня было неспокойно.

Глава пятая.

Разумеется, утром меня искушало желание тоже что-нибудь купить. Приступ благоразумия сменился угнетающим чувством неудовлетворенности. Цены здесь были высоки, и в этой поездке по магазинам я могла бы легко потратить на пустяки больше, чем получала в Эшли-Мэнор за три месяца. А этого я себе позволить не могла.

Но все это еще мало значило в сравнении с поведением самой Викторины. Я была обязана как-то повлиять на нее, или я не та наставница, в которой нуждается мистер Соваж. Если обнаружится, что это так, то мне придется откровенно сознаться в своей неудаче и как можно быстрее исчезнуть. Правда, большую часть времени, несмотря на вспышки своего темперамента, Викторина была достаточно послушна.

Хотя мое беспокойство было мало обосновано, оно все еще не отпускало меня. Я решила ждать и наблюдать, а по возвращении мистера Соважа переговорить с ним и поделиться сомнениями относительно моей пригодности к обязанностям, которые он мне поручил.

Когда я вернулась, убрав пальто и шляпу в гардероб, мой взгляд упал на бювар. Там было мое письмо-дневник к мадам Эшли. Чего бы я не отдала сейчас, чтобы войти к ней в кабинет и попросить совета. Это было… Я даже не смогла бы четко сформировать свои смутные желания, но должна была всеми силами бороться против бесплодных мечтаний. Мое письмо… Оно не удовлетворяло меня. Хотя в нем было сказано много, однако слишком мало говорилось о том, что озадачивало и огорчало меня. Я решила немедленно дописать его и отправить.

Когда я открыла бювар, я снова поняла, что мое личное имущество опять потревожили. Страницы письма были перепутаны. Адресная книжка в коричневом переплете, перламутровая ручка, тонкие листы индийской бумаги, подходящей для таких длинных писем, конверты, маленькая хрустальная чернильница с печаткой на крышке, воск, личная печать моего отца – все было на месте. И все же я была уверена, что это изучали, возможно, даже читали письмо!

Я схватила его и торопливо просмотрела страницы. Нет, я не доверила своих подозрений бумаге. Я писала только о стране и о путешествии по ней – день за днем. Здесь не было ничего, чего бы не мог прочитать хоть весь мир. Но при мысли о том, что это могло быть прочитано украдкой, меня охватила ярость – та же самая ярость, что я ощутила, когда узнала, что кто-то трогал мои

семейные реликвии.

Я позвонила Хетти. В конце концов, она может сказать мне, кто входил в эту комнату сегодня утром.

Но на звонок явилась не Хетти. Эта служанка, тоже цветная, была много моложе, более самоуверенна, пожалуй, даже развязна, и смело глядела на меня. Я почувствовала, хотя и не смогла бы это доказать, что она вполне годится на роль шпионки.

– Я вам нужна, мисс?

На грани бесстыдства были не только ее манеры, но и миловидное лицо, и гибкое, хорошо сложенное тело, которое не могло скрыть даже грубое платье служанки. «Она мулатка, – решила я, – и может легко увернуться от любого неуклюжего вопроса, который я в состоянии задать».

– Где Хетти?

– Хетти ушла, – она лукаво взглянула на меня, как если бы ожидала какого-то другого вопроса, возможного столе. Я решила, что лучше не спрашивать ничего такого.

– Как твое имя?

– Сабмит[11] , мисс.

От неожиданности я едва не рассмеялась. Кроткое старинное пуританское имя для этой девушки было фантастической нелепостью.

– Прекрасно, Сабмит. Будь добра, расстегни мне платье.

В действительности я не хотела, чтобы она ко мне прикасалась, но нужно же было придумать предлог, чтобы оправдать свой вызов. Думаю, она изрядно забавлялась, пока проворно расстегивала крючки и помогала снять мою тяжелую юбку со складками.

Она была превосходна в своей роли – быстрая, чистоплотная, хорошо знающая обязанности горничной. Когда она подошла к гардеробу, чтобы повесить мое платье, то неодобрительно прищелкнула языком и покачала головой.

– Уж эта мне Хетти, никогда ведь не возьмет утюг и не подгладит, что там висит. Давайте-ка я все это поглажу, мисс. Чем дольше оставляешь висеть смятую одежду, тем тяжелее потом с ней управляться.

Я кивнула в знак согласия. И чем больше Сабмит двигалась вокруг, комментируя то одно, то другое, но теперь уже почтительным тоном, тем больше казалась истинной горничной. Мое воображение несколько улеглось.

Пока она трудилась, я закончила свое письмо, и запечатала его. Сабмит, забрав мои платья, ушла. И едва лишь она вышла, раздался стук в дверь, и вошла мисс Дивз.

Волосы ее были распущены по плечам, в руке она держала

гребень. Она принялась ходить взад-вперед, игнорируя мое предложение сесть.

– Если бы Тереза была здесь! – Она держала гребень перед собой, глядя на него так, словно забыла, как им пользуются. – Она так умна. Амели, конечно очень хороша, но ее первый долг служить Викторине, и только Тереза знает, что именно нужно мне. И еще… – Теперь она остановилась, глядя на меня, явно смущенная – Я… против собственного желания я должна заговорить о том, о чем не хотела бы упоминать. Но мой долг принуждает меня предупредить вас.

Ее самоуверенность снова слетела с нее. Она снова принялась расхаживать, ее полурасстегнутый халат распахивался, изрядно обнажая пышную фигуру. Она заговорила полузаконченными фразами, тяжело дыша, словно на бегу или подгоняемая временем.

– Эта Мэмми Плезант… Она… Она – дьявол! Что она делала… нет, я не могу вам сказать. Я могу только предупредить вас. Не вступайте с ней ни в какие отношения ради вашего же будущего и спокойствия вашего духа.

– Но почему я должна вступать, как вы выражаетесь, в какие-то отношения с этой женщиной?

Она снова остановилась прямо передо мной, изучая мое лицо, словно была не совсем уверена, стоит ли сказать. Но когда она заговорила, в ее тоне опять слышалось нечто от ее прежнего холодного превосходства.

– Именно. У нее нет причин искать подходов к вам. Но она жаждет власти. И в ее интересах будет наложить руку на любого из домочадцев Соважей. Я думаю, она попытается добраться и до Викторины. Я, конечно, предупрежу Алена. Но до его возвращения ваш долг – проследить, чтобы она не встретилась с его сестрой. Милое дитя так импульсивно, что ее может привлечь необычное…

– Эта Мэмми Плезант предсказывает судьбу? – логически предположила я. – Это ее способ добиваться власти?

– И это… и другие пути. Для вида она разыгрывает из себя служанку, причем превосходную. Но есть те, кто знает ее мужа. – Огаста Дивз сцепила руки. Я понимала, что она разрывается между необходимостью предупредить и страхом, принуждающим ее молчать.

Я знала, что она боится женщины с разноцветными глазами. Возвратясь мысленно ко встрече в магазине, я вздрогнула. Ведь миссис Смит явно смотрела на меня. Но мой отец не считал ее злодейкой, и если могла женщина, с которой он вел дела, превратиться в Мэмми Плезант, внушающую миссис Дивз столь

сильный страх, то что с того?

– Конечно, я приложу все усилия, чтобы удержать Викторину от подобных встреч, – согласилась я.

Она кивнула.

– Хорошо, что вам вскоре предстоит уехать на Ранчо дель Соль, очень далеко от города. И…

– Мадам, здесь кто-то пришел повидать вас. – Вошла Амели. При звуке ее голоса миссис Дивз вздрогнула, как от удара, но вышла к гостю, и через мгновение я услышала ее голос, полный душевного привета:

– Тереза! Как хорошо снова увидеть тебя! О, Тереза, мне так тебя не хватало… – Затем – стук закрываемой двери, и за ним – молчание.

Я решила не принимать близко к сердцу ее предупреждение. Те, кто прорицает, предсказывая будущее или те, кто (как верят глупцы) могут вызывать духов, способны добиться сильного влияния на простаков, но мне было слишком трудно поверить, чтобы миссис Дивз могла пойматься на это. Она произвела на меня впечатление особы, добивающейся желаемого хладнокровными интригами, не поддающейся порывам чувств. Однако, она была явно потрясена и напугана.

Я не представляла, каким образом Викторину можно привлечь всякой там сверхъестественной чепухой; за время нашего недолгого знакомства она ни разу не обращала внимания на такие вещи. И теперь, под моей охраной, я была уверена, она не падет жертвой соблазна подобного рода.

Как бы я хотела, чтобы мистер Соваж был здесь! Он даже не упомянул, что в Сан-Франциско можно встретиться с такой разновидностью безумия, а я так нуждалась в его авторитете и знаниях, чтобы с этим бороться. Я знала, что во всех городах случаются преступления и прочие ужасы, обычно скрытые от того класса людей, в котором я сейчас вращалась. Хотя отец оберегал меня от жизненной грязи в портах побережья, он никогда не путал, как это обычно бывает, невежества с невинностью. Осторожно и деликатно, как только мог, он открывал мне некоторые аспекты жизни, в которых люди, в равной мере унижая и унижаясь, применяют подлые, низкие средства, чтобы обеспечить свое существование. В городах есть улицы, по которым женщина не осмелится даже пройти, если она еще не погрязла во зле. И порок таится не только в грязи. Его можно найти под прекрасной внешней оболочкой в самых счастливых и респектабельных домах.

Такие вещи понимают, но не обсуждают. И пока будет сохраняться эта оболочка пристойности, общество будет

сохранять status quo. Возможно, в будущем, когда придет время большей открытости, искренность и правда смогут противостоять злу. Но не сейчас.

Я была в состоянии понять, что Викторина, наследующая часть столь значительного состояния, как то, что принадлежало Соважам, будет сочтена превосходной добычей теми, кто рассчитывает нажиться неправедными средствами. Однако при порядках, существующих в кругах, к которым она принадлежит, эти темные личности не осмелятся нападать открыто.

Мои мысли снова вернулись к Амели, а еще – к темной фигуре на затянутой туманом палубе и к прошлой ночи, когда я нашла Викторину лежащей в наркотическом сне. Принять на себя исключительную ответственность я не была готова. Вот вернется мистер Соваж – он сможет решить, что следует делать. Предупреждение миссис Дивз, возможно, возымеет для него больше веса, чем перечень необъяснимых случайностей, который могу представить я.

Они – старые друзья, возможно, даже больше, чем друзья. При такой ставке, как безопасность его сестры, она будет с ним более открыта. Кроме того, она права – чем скорее мы сменим этот скованный туманом город на сельский дом, тем лучше.

Когда я через некоторое время вошла в гостиную, там было пусто. Викторина с трофеями своего набега на магазины исчезла в своей спальне. Ее дверь была слегка приоткрыта, оттуда слышалось беспрерывное журчание диалекта, которого я не понимала. Я подошла к окну.

Туман сгущался. Вздрогнув, я плотнее запахнулась в шаль и подумала, что следует позвонить лакею, чтобы разжег огонь в камине. Вид огня бодрит так же, как и тепло. Когда я двинулась к сонетке, то увидела белую бумажную полоску на ковре возле двери, так как если бы бумажку просунули из холла.

Это был конверт и на нем стояло мое имя, выведенное уверенным почерком. Содержал он единственный листок, который я и поднесла к ближайшей лампе.

«Дочери капитана Джесса Пенфолда. Будучи многим обязанной вашему отцу, я беру в руки перо, чтобы предостеречь его дочь. То, что вы видите, может быть не тем, чем кажется. Смотрите внимательно и будьте осторожны. Если будете в будущем нуждаться в друге, как в прошлом нуждалась я – и обрела его, пошлите известие миссис Плезант, 92, Вашингтон-Стрит».

Миссис Плезант – Мэмми Плезант! Я смяла письмо в шарик, радуясь, что рядом никого нет. На одной чаше весов лежала память, на другой – предупреждение миссис Дивз. Если правда, –

а я была в этом убеждена, – что миссис Смит и миссис Плезант одно и то же лицо, то я склоняюсь в ее пользу. Как сильно я нуждаюсь в руководстве! Если бы я сейчас могла с кем-то посоветоваться… Не с миссис Дивз – я шарахалась от мысли обсуждать это с ней.

Позволить ей узнать, что в прошлом я встречалась с женщиной, которую она назвала «дьяволом» значило дать ей в руки оружие против меня. Я должна знать больше… но к кому я могу обратиться? Мой пол, возраст, положение здесь таковы, что невиннейшая фигура речи может вызвать призрак скандала. А досужие языки облекут призрак плотью. Я не услужу ни мистеру Соважу, ни себе, возбуждая сплетни.

Стук в дверь заставил мое сердце забиться быстрее. Я почти верила, что это сама загадочная Мэмми Плезант. Однако когда я открыла, передо мной был один из лакеев, держащий поднос, на котором лежала визитная карточка с запиской. А на ней я с явным облегчением прочла фамилию «Кантрелл».

Хотя сама я ничего не знала об этом молодом человеке, мистер Соваж ценил его достаточно высоко, чтобы выбрать нашим спутником на время своего отсутствия. И у меня была достаточно веская причина увидеться с ним сейчас, чтобы попросить его обменять мой небольшой запас банкнот на деньги, имеющие хождение здесь.

– Просите мистера Кантрелла войти.

Поскольку записка была адресована в равной степени Викторине и мне, я сочла, что могу позволить себе свободу такого приглашения.

Следовало бы позвать Викторину, но мне нужно было несколько минут побыть с гостем наедине. Осмелюсь ли я задать ему некоторые вопросы, смущающие мой мозг, после того, как попрошу помочь мне с наличными? Сначала следовало выяснить, достаточно ли он благоразумен.

Достав кошелек, я позвала Викторину. Амели ответила, что ее хозяйка одевается, но она передаст ей записку.

Ждать пришлось недолго. Интерес мистера Кантрелла к Викторине был заметен с их первой встречи; возможно, он решил, что приглашение исходит от нее. Если даже и так, он был джентльменом в достаточной мере, чтобы не выказать удивления, увидев меня одну. Я сразу приступила к делу, процитировав предупреждение миссис Дивз, что ни один здешний торговец не принимает банкноты. Он согласился с этим и предложил свой собственный кошелек, чтобы поменять те деньги, что были у него с собой, а остальное обещал принести из банка. Но мои с трудом сберегаемые накопления были столь малы, что он мог бы

перекрыть их, выложив на стол маленькие золотые и тяжелые серебряные монеты. Поблагодарив его, я решила добиться, наконец, хоть какого-то ответа на терзавшие меня вопросы.

– Мистер Кантрелл, есть один вопрос, задать который я имею важные причины. В сущности, я хотела бы спросить об этом мистера Соважа, ибо это может иметь для него большое значение.

Я собрала все свое мужество, в то время как он взирал на меня с той степенью удивления, на какую был способен. И тут я нырнула с головой.

– Не могли бы вы предоставить мне какую-либо информацию о женщине, именуемой миссис или Мэмми Плезант?

Удивление его переросло в потрясение. Лицо приняло странное отсутствующее выражение, что могло быть вызвано как отвращением, так и страхом.

– Смею ли я спросить, где вы слышали об этой особе, мисс Пенфолд?

– Я имею основания полагать, что мы видели ее сегодня, и что она интересовалась нами.

Ненавязчиво намекнув, что здесь может быть замешана Викторина, я подобрала верный ключ. Он кивнул.

– Да, это возможно. Отлично, мисс Пенфолд, но запомните, то, что я скажу – в основном, слухи. Этот город – настоящий кладезь странных историй, и по улицам его ходят люди с весьма необычным прошлым. Миссис Плезант – весьма респектабельная домоправительница мистера Милтона Лэнтина. Вдобавок она владеет и управляет меблированными комнатами, которые сдает некоторым высокопоставленным джентльменам. Она питает огромный интерес и выказывает большую симпатию представителям негритянской расы. До отмены рабства она была известна тем, что использовала некоторые положения калифорнийских законов, чтобы освободить рабов, завезенных на юг против их воли. Она делала значительные вклады в дело Федерации на протяжении войны, а затем обеспечивала работой освобожденных рабов в различных заведениях – в прачечной, на извозном, при сауне и так далее. Она организовала неофициальное агентство по найму, поставляющее вышколенную прислугу не только для отелей, но и для частных домов.

– Все это звучит, как если бы она была во всех отношениях уважаемой особой. Однако ваше поведение наводит на мысль, что это не вся правда, – заметила я.

– Дальнейшее – только слухи. Полагают, что она вызнает тайны, порочащие тех людей, которых она хочет держать под контролем. Так она может оказывать давление, в конечном счете добиваясь собственных целей. Но, повторяю, я лишь передаю

слухи. Правда… это только то, что можно доказать. Однако, я не пожелал бы какой-нибудь леди моего круга знакомства с миссис Плезант.

– Благодарю вас. Ваша откровенность может оказаться очень полезной.

– Есть еще одно… – Сейчас он, казалось, был смущен, словно собирался повторить такое, что я могла счесть нелепицей. – Про нее также говорят, будто она – «королева вуду». Это, насколько мне известно, высшая жрица в некоем языческом культе…

Вуду! Тогда это действительно связано с гаданием. Разве Мари Лаво, Королева Вуду Нью-Орлеана, не прославилась предсказаниями в той же мере, что и проклятиями? Она была, как я слышала, женщиной большого ума, которая, призвав себе на службу невежество и суеверия, извлекала немалую выгоду из своей власти над потусторонними – силами.

– Но все это, конечно, чепуха, – быстро добавил он. – И…

Что еще собирался он сказать, я так и не узнала. Вошла Викторина с листком бумаги в руках.

– Тамарис!.. – сразу начала она, затем, заметив мистера Кантрелла, она приветствовала его улыбкой и адресовалась к нему с одной из тех вспышек детской веселости, из-за которых порой выглядела моложе своих лет.

– Месье, то что вы отважились прийти в такой промозглый вечер, просто ради того, чтобы принести нам добрые вести – подвиг истинной доброты. Ведь на улице уже почти ночь.

Она изящно, но чуть преувеличенно вздрогнула. Мистер Кантрелл был уже совершенно растерян.

– Амели сварит нам шоколад, какого, я уверена, вы не найдете в этой туманной стране. Вы просто должны выпить с нами чашечку. Это ничтожно малая награда за столь добрые вести! Только подумайте, Тамарис, завтра мы будем избавлены от сырости и мрака! Мы едем в загородный дом моего брата. Мистер Кантрелл сопровождает нас, что с его стороны большое одолжение. Ну, может ли что-либо быть приятнее?

Викторина была весела и совершенно очаровательна, какой могла быть, когда хотела. Она проводила нашего гостя к креслу, приказала Амели поторапливаться. Однако, – я все больше и больше убеждалась, как мало ее знаю, – у меня сложилось впечатление, что все признаки удовольствия были показными, и она вовсе не так счастлива, как хочет нас уверить.

Я не заметила, чтобы мистер Кантрелл нашел шоколад столь удачным, как обещала Викторина. Но поскольку именно она наливала ему чашку, он мужественно тянул приторное питье, пока к нам не присоединилась миссис Дивз.

Она являла собой великолепную картину в бархатном платье глубокого гранатового оттенка с изобилием бахромы и бисерных вышивок. При всей моей неприязни я не могла отрицать, что она в равной мере красива и эффектна. За ней, неся ее бархатный плащ, подбитый мехом, следовала высокая худая женщина несколько сурового вида.

Викторина округлила глаза от восторга… пожалуй, издевательского.

– Tres chic, chere [12] Огаста. Но до того, как вы покинете нас, вы должны услышать хорошие новости. Мой брат наконец прислал письмо. Он хочет, чтобы мы завтра уехали на Ранчо дель Соль. Мистер Кантрелл будет сопровождать нас.

Миссис Дивз явно не сочла новость приятной.

– Но мне нужно задержаться в городе хотя бы на день… это связано с деловыми вопросами, – запротестовала она.

– Мы понимаем, Огаста, но так хочет Ален. Он много раз повторял, что вы не должны тратить все свое время на меня и мои дела, когда мы сюда приедем. Он не ждет от вас такой жертвы.

Викторина скромно опустила ресницы, но было совершенно ясно, что она наблюдает за миссис Дивз. Я уже усвоила, что она наслаждается этим тайным поединком.

– Мы будем в полной безопасности с мистером Кантреллом.

Миссис Дивз бросила суровый взгляд на молодого человека, поднявшегося при ее появлении и теперь стоявшего с чашкой шоколада в руках.

– Не понимаю, почему Ален не сообщил нам прямо… – начала старшая из женщин, но Викторина прервала ее:

– Ах, но он так и сделал, Огаста. Он послал телеграмму, а мистер Кантрелл доставил ее. Она адресована мне и Тамарис, значит, нас двоих она и касается. Вас он не упомянул, потому что знал, что у вас есть свои дела, которыми вам нужно заняться.

При всей моей нелюбви к миссис Дивз, я не могла не восхититься, как быстро она приспособилась к ситуации. Возможно, она еще не осознала враждебности, крывшейся за вежливостью Викторины. Но она справилась с собой так быстро, что я подумала: на такое способен только тот, кому не привыкать к превратностям фортуны.

Однако она оставила за собой последнее слово, потребовав, чтобы мистер Кантрелл сопровождал ее хотя бы до дамской гостиной внизу, и у него не было предлога отказаться. Тереза накинула плащ ей на плечи, подала ей веер и вечернюю шаль. Затем, не обращая на нас внимания, горничная прошествовала обратно в комнату своей хозяйки и захлопнула дверь в тот момент, когда входная дверь грохнула за миссис Дивз и мистером

Кантреллом.

Викторина разразилась каскадом смеха.

– Как она разозлилась, наша Огаста! Вы заметили, она изо всех сил старалась это скрыть? Она хотела поехать с нами, как будто она уже напялила кольцо Алена на один из своих толстых пальцев. Но она его никогда не наденет… никогда!

Она снова засмеялась, но на сей раз по-иному: не беззаботным смехом юной девушки, низвергающей авторитеты, скорее уж в этом смехе слышалась злоба. Затем она резко сменила тему.

– А что вы думаете, Тамарис, об этом чопорном мистере Кантрелле? Никогда не поверю, чтобы он хотя бы пробовал шоколад прежде. Но он был слишком вежлив, чтобы морщиться. Я считаю, он очень похож на большого медведя, ходящего на задних лапах. Когда мой брат говорит: «Ап! Сделай это, сделай то!» – он подчиняется. – Голос ее вдруг упал. Потом она вернулась к своему детскому тону. – Тамарис, не делайте такого лица. – Она так изобразила оскорбленную чопорность, что я против воли улыбнулась. – Вы думаете, что я говорю невозможные вещи, которые для jeune fille, для одной из ваших «законченных» юных леди, просто недопустимы. Но я – это я, Викторина. Я не могу быть обструганной и отшлифованной, не могу позволить двигать себя туда-сюда, не могу быть образцовой юной леди. Я могу быть только собой. – Такой серьезной интонации я прежде у нее не слышала. – Я должна быть собой!

Она поставила чашку с такой силой, что фарфор резко клацнул о серебряный поднос. Затем она подошла к окну.

– Полнолуние… сегодня должно быть полнолуние. Но я ничего не могу увидеть сквозь этот удушающий туман! Думаю, я никогда не полюблю этот город. Ее напряженный тон меня озадачил.

– Завтра вы его покинете, – напомнила я.

Викторина являла собой загадку, усложнявшуюся с каждым часом нашего знакомства. Временами она напоминала мне девочек, которых я учила, хотя она была свободна, от глупости, свойственной большинству из них. Но порой она превращалась в совершенно другую личность, которая ставила меня в затруднительное положение.

Однако, ее радовала мысль, что здешнее общество мобильно и не воздвигает слишком высокие барьеры. Здешним критерием были те, кто прибыл сюда в сороковые-пятидесятые годы – «отцы-основатели»… если они преуспели. Недостаток женщин в этот период послужил причиной некоторых странных мезальянсов, которые были бы невозможны на Востоке. Здесь были женщины,

носившие слишком много бриллиантов, ездившие в слишком роскошных экипажах, и у которых были низменные – чтобы не выразиться сильнее – периоды в жизни.

Богатство, которое они выставляли напоказ, зачастую оказывалось эфемерным. Шахта – источник богатства – могла иссякнуть, да и другие случайности съедали имущество иного миллионера за месяцы или недели. Итак, здесь было общество, где наличие – и сохранение – денег служило эталоном.

Викторина пришла из другого круга, из общества (даже если бы оно могло считаться не вполне респектабельным по американским стандартам), бывшего столь же старым, сколь и упадочным. Она была иной, но здесь это не имело особого значения, и она могла уверенно идти вперед, но могла по незнанию новой обстановки и попасть в беду. Моей обязанностью было следить, чтобы ничего такого не случилось, хотя я чувствовала, что мне самой не помешало бы выправить направление по компасу.

– Прикажите подавать обед, Тамарис, – она отошла от окна. – Этот туман… он прямо давит на стекла. Амели! – На ее зов явилась горничная. – Зажги, пожалуйста, лампы, все лампы. Я не люблю туман.

Я проследила, чтобы нам не подавали шампанского. То, что это вино Викторина считала неотъемлемой частью каждой трапезы, значения не имело. Она улыбнулась, когда мы сели за стол.

– Без шампанского? Но, Тамарис, в Сан-Франциско все его пьют. Однако… – она слегка коснулась моей руки кончиками пальцев, – сегодня вечером я буду хорошей. А вы, Тамарис, в своей школе всегда были такой строгой и суровой? Расскажите мне о школе, и как вы раньше жили на корабле.

Викторина делала такие забавные комментарии и выказывала такое дружелюбие, что я поняла: вдалеке от миссис Дивз мы, скорее всего, подружимся. И я загнала все свои тревоги на дно сознания, надеясь, что они вызваны моей мнительностью.

Моя собеседница рано ушла спать, и я вернулась в собственную комнату, взяв с собой несколько журналов, поскольку спать мне не хотелось. «Викторина права, – подумала я, глянув в окно. – Туман давит на стекла, словно какое-то чудовище, рвущееся внутрь». Это кошмарное сравнение заставило меня вздрогнуть, и я опустила портьеру.

Глава шестая.

Этот плотный туман, похоже, глушил звуки. В моей спальне тишину нарушало только тиканье часов. И тишина эта – тяжелая, давящая, удушающая разгоняла мои мысли по темным углам.

Я мечтала о сне, который не приходил, читая слова, которых не понимала. Постепенно я осознала, что прислушиваюсь, хотя и не знала к чему. Наконец, я отложила журналы и встала, несколько озадаченная. Я слышала о втором зрении, и в эту ночь я чувствовала, будто стою на обрыве над темным глубоким омутом, куда некая невидимая, необъяснимая и грозная сила стремится меня столкнуть.

Пока я приводила нервы в порядок и обуздывала свое воображение, раздался звук – глуше, чем ровное тиканье часов, – в гостиной осторожно прикрыли дверь.

Моя собственная дверь оставалась слегка приоткрытой, иначе я бы этого не услышала. Теперь я еще приоткрыла ее, так, чтобы можно было разглядеть небольшую часть гостиной. У двери в холл, держась за ручку, стояла фигура в длинном плаще-дождевике. Это не могла быть Тереза – та много выше; а миссис Дивз, я была уверена, еще не вернулась.

Плащ слегка распахнулся и в глаза мне бросился ярко-желтый цвет. Это был цвет одного из платьев Викторины, которое миссис Дивз осудила, как слишком вызывающее. Викторина надела его и тайно готовилась уйти!

Едва я двинулась, чтобы задержать ее, как она выскользнула в дверь холла походкой, какую нельзя было определить иначе, чем крадущуюся. Одетая только в халат поверх ночной рубашки, я не стала преследовать ее в общем коридоре, да и могла ли я быть уверена, что это действительно Викторина?

Я заглянула в ее спальню. Ночник горел, и с сердца у меня спал камень, когда я увидела, что постель занята. Правда, спящая девушка лежала, отвернувшись от меня. Но невозможно было ошибиться, глядя на темные волосы, выбившиеся из-под кружевного ночного чепчика. Тогда кто же это был?..

Амели! Амели в одном из платьев своей хозяйки, вероятно, отправилась на некое свидание сомнительного свойства. Наконец я смогу получить необходимое доказательство, чтобы устранить ее дурное влияние из жизни Викторины.

Я решила подождать возвращения служанки, чтобы уличить ее. Я слышала, как вернулась миссис Дивз, но не пыталась поговорить с ней. Если я не смогу самостоятельно влиять на Викторину, значит, я не оправдала оказанное мне доверие, и

мистеру Соважу придется подыскать кого-нибудь поопытнее.

По мере того, как тянулась ночь, мои мысли становились все мрачнее. Под тихий бой часов я обнаружила прореху в своем плане. Амели могла сюда и не вернуться. Она жила не с нами, а в комнатах, что были предназначены для горничных и слуг постояльцев. Она могла зайти сюда только за платьем, полагая незаметно подсунуть его обратно утром, когда будет проветривать наши вещи… и тогда у меня не будет никаких доказательств.

Я мерила шагами промозглую комнату, борясь со сном. Когда стрелки часов показали час тридцать, я поняла, что проиграла. Взамен я пообещала себе проследить завтра за возвращением платья. Вернувшись в постель, я попыталась снова все обдумать, но туман сна, такой же плотный, как пелена за окном, поглотил меня.

Разбудил меня резкий стук. Это заставило меня мгновенно осознать, где я, и что между портьерами пробивается яркий дневной свет. Спотыкаясь, я устремилась к двери.

– Тамарис? Вы заболели? – Викторина смотрела на меня, казалось с неподдельным участием. – Уже так поздно. Мы боялись, как бы с вами не случилось чего дурного…

Поздно? Я окончательно проснулась. Конечно, мы же собирались этим утром ехать за город! Но прежде мне никогда не случалось просыпать. И если Викторина уже настолько готова, что ее платья уложены, ее багаж уже упакован, я пропустила шанс увидеть желтое платье.

– Мистер Кантрелл будет здесь меньше, чем через час.

– Миссис Дивз, выглядевшая такой же заспанной, как и я, воздвиглась рядом с Викториной. – Вы, мисс Пенфолд, разумеется, понимаете, что не мешало бы поторопиться?

– Фи… что значит время? – перебила ее Викторина. – Не торопитесь, Тамарис. Пока вы одеваетесь, я велю подать ваши любимые булочки и кофе. И не беспокойтесь о багаже – Амели со всем управится и присмотрит. Мы все равно не сможем разместить в карете наши сундуки, их повезут следом. Но мистер Кантрелл обещает, что они от нас не отстанут.

Она закрыла дверь прежде, чем я успела отвергнуть помощь Амели. И я вынуждена была признать, что если буду укладываться сама, то изрядно задержу наш отъезд. И почему я не собралась ночью, пока несла свою бесполезную вахту? Или я утратила свой здравый смысл, которым всегда гордилась? А гордыня, как известно, смертный грех.

Амели принесла поднос с завтраком и тут же принялась хлопотать, быстро и умело укладывая мои сундучок и сумку. Она

предлагала причесать меня или помочь одеться, но я отказалась. Когда я, покончив с булочками, застегнула последний крючок на платье, она уже так продвинулась, как я и помыслить не могла, прервавшись лишь однажды: она посоветовала мне выбрать из двух моих жакетов тот, что потеплее, поскольку день промозглый.

На сей раз нас дожидалась не пролетка, а скорее, пятиоконное ландо, более приспособленное для дальнего путешествия. Викторина выбрала место справа на заднем сиденье, я села слева, а мистер Кантрелл – напротив нас, спиной к вознице. Нигде не было и следа тумана. Экипаж двинулся по переполненным улицам, при необходимости пропуская конки и подводы. Позади тащился более громоздкий и менее элегантный экипаж, он вез наш багаж под охраной Амели.

Утро было приятное, хотя и холодное. Поэтому мы были рады белому пушистому пледу на коленях, и бархатным подушкам на полу под нашими башмаками. Мистер Кантрелл называл нам местные достопримечательности, мимо которых мы проезжали. Сначала Викторина прислушивалась к нему, затем ее веки начали слипаться, будто ночью она отдыхала не больше моего. Но я сохраняла достаточно бдительности, чтобы оказывать ему внимание.

Иногда мы останавливались на почтовых станциях, чтобы сменить лошадей. Каждая подстава, объяснил мистер Кантрелл, была из собственных конюшен мистера Соважа и охранялась грумом, который получал за эту службу специальную плату. Поэтому мы ехали ровно и быстро, насколько позволяла дорога. И хотя Сан-Франциско пытался вчера задушить нас туманом, я обнаружила, что местность вокруг Ранчо дель Соль, напротив, пылала под солнцем.

Хотя имя скромного ранчо, издавна стоявшего здесь, и было сохранено, нынешняя постройка была совсем иной. Я видела некоторые древние и прекрасные замки Европы, видела поместья, выросшие в прошлом веке вдоль реки Гудзон, а также впечатляющие особняки, которые сейчас строят в Нью-Йорке. Но эта разухабистая смесь разных стилей – сплошь показуха и роскошь – была такова, что у меня просто нет слов описать ее.

В первое утро под этим кровом, когда мы брели через множество комнат, домоправительница миссис Лэндрон выказывала явную гордость тем, что она нам показывала. Я уже знала, что «ранчо» было построено не мистером Соважем. Точнее, оно было плодом высокопарной фантазии некоего Харвери Пикеринга, богатого старателя, который явно приказал архитектору воплотить в жизнь бредовые детали какого-то кошмарного сна.

Когда лихорадка унесла мистера Пикеринга из его сорока комнат, воспоследовало печальное открытие. К ярости наследников все его имущество оказалось заключенным в доме и земельном участке, на них он истратил все свое состояние. Поскольку компания, где мистер Соваж держал контрольный пакет, имела закладные на это имущество, оно легко перешло в руки нового владельца.

Мы ходили за нашим гидом, громко расхваливали все окружающее, в надлежащее время издавали возгласы удивления и восхищения. Но удушающая роскошь, громоздящаяся на роскошь, вскоре порождала неодолимое желание удрать подальше от этих мраморных или полированных полов, целых миль бархатных драпировок и стен, обитых шелком или расписанных фресками.

Здесь была Римская комната и Китайская комната, где (за исключением нескольких сокровищ китайского искусства, расставленных слишком близко друг к другу, чтобы можно было оценить их чистую красоту) была чересчур сильна идея «китайщины». На такое способен только тот, кто никогда не бывал в этой благословенной стране.

Бело-золотая гостиная, украшенная не одной, а сразу двумя люстрами из горного хрусталя, была уставлена шкафами розового дерева, выложенными розовым же бархатом и набитыми такой мешаниной драгоценных безделушек, что понадобились бы недели, чтобы только рассмотреть их все.

Стены другой комнаты были расписаны фресками, изображавшими террасы и руины. Это была гостиная, предназначенная для завтрака и выходившая на застекленную веранду, где, как поведала нам миссис Лэндрон с надлежащим благоговением, паровое отопление поддерживало постоянную субтропическую жару. Она предложила нам прогуляться по оранжерее диковинных растений и питомнику птиц, столь же прекрасных, как цветы, если бы они вдруг оторвались от стеблей и обрели крылья.

Здесь было много диковин, слишком много. Я была повергнута в шок. Даже Викторина почти перестала осматриваться. Наконец, когда нам продемонстрировали слишком, скажем так, мужскую библиотеку, она сказала:

– Это, конечно, великолепно, мадам. У нас просто нет слов. И мой брат должен быть доволен, что здесь все так хорошо обиходится.

Миссис Лэндрон излучала гордость.

– Мистер Соваж всегда бывает доволен.

– А как же иначе? – улыбнулась Викторина. – Но здесь так много всего!

– Ранчо дель Соль – прекрасная резиденция для джентльмена, – самодовольно отвечала миссис Лэндрон.

Я подумала, что она, наверное, смотрит на всю эту роскошь несколько собственнически ибо, будучи ее главным стражем, стала как бы отчасти и владелицей.

Однако для меня это было беспорядочно построенное имение, скорее, серия безвкусных выставок, чем дом. Здесь было так много раритетов, что их количество разрушало красоту, которой они могли бы радовать глаз, если б их было поменьше и они были лучше размещены.

Когда мы стояли в главном зале примерно в два этажа высотой, увенчанном куполом из золотистого стекла, долженствующим создавать эффект солнечного света, Викторина потыкала пальцем в плащ мраморной богини или нимфы, высоко вздымающей канделябр, освещающий нижние ступени огромной лестницы.

– Я так ужасно устала, – произнесла она тоном, который обычно предшествовал у нее периодам вялости. Я еще не знала точно, были ли они следствием настоящего физического утомления или просто проявлением скуки. – Я думаю, что…

Ее прервало появление лакея с подносом, на котором лежало две карточки. Посетители…

Викторина подняла верхнюю карточку.

– Миссис Артур Билл, – прочла она, – затем глянула на вторую. – Мистер Генри Билл. Кто эти люди?

Тон у нее был раздраженным, и я бросила ей предостерегающий взгляд. Если бы она прислушивалась к болтовне миссис Дивз, она бы помнила, что Биллы – наши ближайшие соседи (если можно так выразиться, когда два поместья разделяют мили). Нам следовало быть вежливыми, пусть даже этот визит был сейчас не совсем уместен.

– Они – наши соседи. Помните, что говорила миссис Дивз?

Перед миссис Лэндрон я не могла открыться относительно своих обязанностей, и согласилась с ее ролью здешней хозяйки. Я еще не видела Викторину в кругу равных ей и надеялась, что ни капризы, ни некоторая небрежность не помешают ей войти в местное общество.

– Конечно-конечно. Будьте любезны, проводите их в белую комнату с фресками. Как мило и предупредительно с их стороны приехать поприветствовать нас. Идемте, Тамарис, не будем заставлять ждать наших первых гостей.

Я вздохнула с облегчением. Утренние визиты не бывают долгими. И, возможно, она тоже сознает необходимость с самого начала произвести хорошее впечатление. Мы вошли в белую

комнату с фресками через несколько секунд после того, как туда проводили гостей. Миссис Билл шагала впереди, сопровождаемая самой миссис Лэндрон, и обменивалась с нею мнениями о погоде.

Она была женщиной средних лет, но из тех, кто знает, как использовать каждое ухищрение, чтобы сохранить в неприкосновенности красоту, кстати, и впрямь поразительную.

Ее искусно уложенные волосы были светло-каштанового цвета, считавшегося в нынешнем сезоне самым красивым, хотя кожу отличал матовый тон, обычно присущий темноволосым. В левом углу ее рта располагалась простая красивая мушка, привлекавшая внимание к сочным, призывно сложенным губам.

Она была одной из тех редких женщин, что, отнюдь не теряя своего достоинства и манер, постоянно окружены аурой физического очарования, которого нашему полу не полагается замечать или даже признавать, будто оно существует. Я знала всего нескольких женщин, обладающих таким внешним шармом, но в миссис Билл он был заметнее и, по-моему, даже слегка отталкивал.

– Мисс Соваж? – Она переводила взгляд с одной из нас на другую, пытаясь определить хозяйку дома.

Викторина не ответила. Один взгляд в ее сторону вывел меня из равновесия. Она была очень бледна – неужели она и вправду устала? Она стояла у кресла, ухватившись за его спинку, словно нуждалась в опоре. Я видела, что ее пальцы так вцепились в резное дерево, что суставы побелели. Я шагнула к ней, опасаясь, что она упадет, но тут она заговорила.

– Ну, конечно, вы ведь не знаете. – Она засмеялась, но мне было ясно, что смех этот вымучен. – Я – Викторина Соваж, а это – моя подруга мисс Тамарис Пенфолд. – Она полыхнула улыбкой в мою сторону, но такой беглой, будто вовсе меня не видела.

– Мисс Соваж, мисс Пенфолд, – миссис Билл подтвердила, что поняла. – Могу ли я представить вам своего пасынка Генри?

Она нажала на слово «пасынок» имея на то веские причины: женщине, которая хочет сохранить претензии на юность, не следует признавать этого здоровенного молодого человека родным сыном.

А он был здоровенный, с широкими плечами и толстой шеей, с красным пухлым лицом и такими светлыми волосами, что его брови и ресницы казались почти белыми. Он явно не относился к типу людей, наносящих утренние визиты и сопровождающих дам в разукрашенные гостиные. Я легче могла представить его где-нибудь в поле, на сенокосе, с закатанными рукавами рубахи, обнажающими крупные мускулистые руки.

Этот отпрыск семейства Биллов был медвежеват и неуклюж.

Как он отличался от мистера Соважа! Дорожный костюм не слишком изменял моего работодателя, напротив, и в одежде жителя Запада он обладал той же властностью и достоинством. В Генри Билле ничего такого не было.

Он произнес все надлежащие словеса, держась корректно, даже, пожалуй, чопорно. Удостоив меня лишь одного беглого взгляда, он уже не отрывал глаз от Викторины. И в том, как он смотрел на нее, было нечто не слишком приятное. Однако, судя по реакции мистера Кантрелла и юного Билла, Викторина обещала стать звездой открывающегося сезона.

Биллы не задержались, пробыв ровно столько, сколько требовали правила приличия, пожелав нам приятного пребывания в здешних краях со всеми подобающими изъявлениями вежливости, обещая дальнейшие встречи, когда мы устроимся. Но я заметила, что все эти неопределенные приглашения исходили не от миссис Билл; неоднократно намекал на будущие свидания только ее пасынок.

После их ухода Викторина поднесла руку ко лбу.

– Боюсь, Тамарис, у меня начинается одна из моих мигреней. – Отбросив пышную челку, она прижала пальцы к вискам. Вид у нее был больной. – Боль все сильнее. Я должна лечь, и Амели сделает мне отвар. Нет, – она отмахнулась от меня, – здесь вы ничего не сможете сделать. Со мной всегда так. Боль приходит и уходит. Я знаю, что нужно сделать, чтобы помочь.

Тем не менее я проводила ее в спальню и вызвала звонком Амели. Горничная, явившись так быстро, будто ожидала этого вызова, склонилась над своей хозяйкой, успокаивая ее на диалекте. После заверения Викторины, что теперь с ней все будет хорошо, я вернулась к себе.

Комната Викторины была сплошь розовый атлас и хрустальные канделябры – настоящий будуар сказочной принцессы. Но в собственных апартаментах – спальня, небольшой кабинет, ванная – я чувствовала себя неуютно. Я предпочла бы что-нибудь попроще и посвободнее, вроде моей комнаты в Эшли-Мэнор. Стены были затянуты белым шелком, а поверху – пущен рисованный бордюр из лиловой глицинии. Перед белым камином лежал меховой ковер, вся мебель была позолочена и обита розовато-лиловым бархатом. Для меня это выглядело сплошной показухой. Никакого домашнего уюта.

Я нашла здесь только одну вещь, которая меня порадовала, возможно, потому, что она была не новой и богата только красотой, приходящей с годами. Можно было лишь гадать, как она умудрилась здесь оказаться.

Это был рабочий столик с крышкой из папье-маше, в том стиле, что был в моде во времена детства моей матери, украшенный восточным орнаментом, где золотом и перламутром были изображены длиннохвостые птицы и экзотические цветы. Едва успев приехать сюда, я несколько раз приподнимала его крышку, с удовольствием изучая множество отделений, снабженных оригинальными приспособлениями, перебирала маленькие резные катушки для шелковых ниток, коробочки для иголок и другие, вероятно, предназначенные для хранения бисера и булавок.

Теперь, пресытившись позолотой и бархатом, я подошла к столику и снова подняла крышку. Но… внутри было что-то новое, и оно лежало почти под моей рукой. Я хорошо знала, что воск иногда используют, чтобы очень тонкая нить не спутывалась, но мне никогда не приходилось видеть такой швейной принадлежности.

Медленно и неохотно я достала этот маленький предмет из его отделения. Размером он был едва ли больше моего мизинца, и, конечно, не из чистого воска, какой применяют в рукоделии. Это могла быть миниатюрная свеча с бахромой фитиля на конце. Ей очень грубо были приданы формы человеческой фигуры. Кукла кончалась катышком головы, руки-ноги изображались линиями, сама же она была тускло грязно желтого цвета. И я была совершенно уверена, что не видела ее раньше. На ощупь она была жирная, маслянистая, и я торопливо захлопнула над ней крышку. Моя невинная радость от столика была испорчена. Каждый раз, когда я буду смотреть на него, я невольно вспомню мерзкую маленькую куклу. Я поспешила тщательно вымыть руки.

Двумя днями позже дом, который до того был холодным музеем всего, что можно купить за деньги, вдруг ожил. И я почасту заглядывала в зеркало над моим туалетным столиком, слишком роскошным, чтобы изо дня в день им пользоваться. Все потому, что вернулся хозяин. А в личности Алена Соважа все отрицало чопорную формальность, смягчало показушную пышность, распространяло вокруг его напористую уверенность в себе.

Мои ранние годы – я родилась на корабле, в гавани Сандвичевых Островов – прошли в мужском мире. Поскольку моя мать умерла через два дня после того, как дала мне жизнь, отец, наняв няню Лаллу, оставил меня при себе, к ужасу всех американок на Островах. И после той части жизни, которую я считала лучшей, попав в рафинированно женский мир школы для молодых леди, я начала понимать, насколько свободны мужчины. Мой ускоренный отъезд из Брюсселя – надвигающаяся война

угрожала морским путям – был так неожидан и резок, что, возможно, сломал что-то во мне, и в таком шоковом состоянии я стала достаточно послушной, чтобы принять иные стандарты, весьма ограничивающие женщин в обществе, по чьим законам я теперь жила. Молодые дамы должны были держаться в стороне от живого мира, дабы не погубить драгоценного цветка (невежества, конечно, а не невинности).

Я погребла глубоко на дне души свое истинное «я», учась приспосабливаться, ибо это было необходимо в моем нынешнем положении. И я мыслила достаточно трезво, чтобы понять, что смерть моего отца и гибель его корабля сделали это положение весьма ненадежным. Если бы мадам Эшли не взяла меня наставницей, я бы и вовсе пропала.

Теперь мистер Соваж вновь приоткрыл для меня окошко в настоящий мир действия. Он был единственным мужчиной с необыкновенно сильным характером, вошедшим в мой личный узкий мирок, со времени гибели моего отца. Я твердила себе, что смятение чувств, испытываемое мною, когда он входит в комнату или заговаривает со мной, не имеет под собой никакой реальной основы. И, однако, в его присутствии весь мир для меня менялся. Я жестоко приструняла свои чувства, так же, как раньше скрывала скорбь или утрату, и взывала к здравому смыслу, который должен был дать мне спокойствие, необходимое в моем положении.

И эта борьба убеждала меня, что, возможно, наилучшим решением было бы бежать, оставить это поместье, где все было слишком расточительным, слишком чрезмерным, как превышающие всякую меру массы цветов, приносимых каждое утро, тяжелый бархат и позолота, мрамор и прочая мишура.

Еще одной причиной для беспокойства была горничная Фентон, хлопотавшая сейчас в комнате позади меня. Я больше не была свободна даже в собственной комнате. Неожиданно этим утром я возжаждала свободы, хоть бы самую малость. Викторина имела привычку вставать поздно. Я поднялась не по-светски рано, так что, наконец, у меня был час в моем собственном распоряжении.

Я воткнула в прическу последнюю шпильку. Фентон предложила щипцы для завивки, но уложенные на лбу мелкие кудельки и запах паленых волос были не по мне.

Складки моего полонеза [13] поддерживала жесткая нижняя юбка, но само платье не было таким неудобным, как нынешняя модная одежда. Я накинула шаль и решилась на раннюю прогулку по саду.

Я уже достаточно хорошо изучила топографию этого огромного лабиринта, чтобы найти боковую дверь и погрузиться в

свежесть утра, где изящные кружева свежесплетенной паутины еще были натянуты между розовых кустов. Ранчо дель Соль? Это название заставило меня улыбнуться. Такое название для такого особняка звучало насмешкой. Несомненно, его строитель не имел чувства юмора – он сохранил старое имя скромного дома, снесенного им, чтобы воплотить свое представление о дворце. Хотела бы я увидеть то ранчо. Калифорния должна была иметь какую-то историю до прихода золотоискателей. Сохранились ли где-нибудь ее следы?

– Вы находите этот вид забавным, Тамарис?

От испуга у меня пресеклось дыхание. Я обернулась.

Мистер Соваж стоял совсем рядом. Я удивилась, как он сумел подойти так тихо. Голова его была непокрыта и в свете раннего утра его жесткие черные волосы, казалось, отливали синевой. На шее у него вновь был небрежно завязанный платок, а на ногах – не сапоги для верховой езды, как я ожидала, а мягкая обувь, похожая на ту, что я видела у индейских нищих во время нашей поездки по стране. Правда, эта не только закрывала ступню, но доходила до икр, шнуровалась ремешками, и носы у нее были острые, слегка загнутые. Он был такой по-настоящему живой.

Возможно, я слишком внимательно разглядывала его обувь, поэтому он не стал ждать, пока я отвечу на его вопрос, а притопнул ногой, чтобы лучше ее показать.

– Соваж и одевается как дикарь [14] . Это обувь апачей, она куда удобнее в долгих поездках, чем наша. А теперь, Тамарис, скажите мне, что вы нашли такого забавного в этом розовом саду, что стоите здесь и улыбаетесь.

Возможно, то, что он назвал меня просто по имени, чего прежде никогда не случалось, придало мне храбрости ответить откровенно.

– Извините, сэр, но меня позабавило, что это роскошное поместье называется «ранчо». Им, насколько я понимаю, обозначается нечто в более грубом духе.

Он засмеялся.

– Один из наших анахронизмов, Тамарис. Да, «Ранчо дель Соль» – не слишком подходит для всего этого. К несчастью, ранчо издавна значится на местной карте, так что показалось разумнее сохранить это название. Скажите, что вы о нем думаете?

Его внимательный взгляд смутил меня. Как я могла сказать здешнему хозяину, насколько оскорбляет мой вкус эта ошеломляющая роскошь, бездушность этих комнат и залов? Я колебалась. Конечно, я могла отделаться теми фразами, что я бормотала в ответ миссис Лэндрон во время нашего «большого турне». Но я знала, что не смогу солгать этому человеку даже в

малом.

– Он очень большой…

Я заметила, что улыбка блеснула в глазах Алена прежде, чем показаться на его твердо очерченных губах.

– Честность – лучшая политика, Тамарис. Вижу, вы хорошо это усвоили. Да, он очень велик, полон сокровищ, и обладает всеми возможными удобствами, изобретенными человечеством ко времени его постройки. Но поделюсь с вами тайной – я бы с радостью сменял его на тот дом, что некогда стоял здесь и был почти на сто лет старше.

– Хотела бы я увидеть его… Старый дом, простой, прочный, часть страны… – Откуда я все это знала?

– Здесь сохранились несколько старых построек, еще не стертых с лица земли из-за причуд богатеев. Как-нибудь мы съездим и посмотрим.

Странная слабость поднялась во мне. У меня было огромное желание положить пальцы на его руку, как при нашей первой встрече, когда он подводил меня к своей сестре. Другая же часть моей души яростно боролась с этим желанием. Я должна была победить эти странные, неопределенные мысли, остаться корректной мисс Пенфолд, которую он знал ранее.

– Боюсь, что я задерживаю вас, сэр, вы ведь собирались ехать верхом? – Я уже овладела своим голосом.

– Точнее, уже приехал. Вы должно быть, думаете, что встали рано, но в этих краях иные дни начинаются с рассвета. Который, – он глянул на утреннее небо, – остался позади несколько часов назад. Теперь я собираюсь завтракать. А вы?

Его рука осторожно сжала мою у локтя, и потянула за собой.

Глава седьмая.

– Но эта дорога ведет не к дому…

– Вы еще обнаружите, что завтракать можно не только в одном месте. К примеру, Викторина и Огаста предпочитают завтракать в постели. Хотя при случае могут, позевывая, явиться к столу. Но они теряют кое-что из маленьких радостей жизни.

Я знала, что нарушаю все правила приличия, установленные мною для себя самой, – хотя очень мало что имела возразить по существу, – позволяя увлекать себя по тропинке, обрамленной розовыми кустами под арку, прорезанную в плотной зеленой изгороди, где в миниатюрной чаще стояла маленькая восьмиугольная беседка.

Внутри был стол, покрытый скатертью в красно-белую клетку, как на крестьянской кухне. Тарелки и чашки – не от Хэвисленда, но коричневые и неправильной формы, явно сделанные вручную. Рядом стоял другой столик, поменьше, уставленный кушаньями.

– Но вы ждете гостя… – У меня перехватило дыхание, и на меня накатило двойственное чувство: ощущение свободы и другое, диктуемое здравым смыслом, а также той добродетелью, что вбивали в меня всю последнюю половину жизни – благоразумием.

– Гостью… вас, Тамарис. Решив, что вы, похоже, склонны рано вставать и гулять по росе, я подумал, что мне, возможно, повезет и я вас перехвачу… что я и сделал!

Он засмеялся.

Я подумала, что для него это просто забавное приключение – не больше, чем пикник на природе. Если бы только и со мной было так. В этот момент я жаждала юной безответственности, которую ощутила было, отважившись пойти в розовый сад.

Но мне слишком долго внушали сознание, что мир судит человека не по внутренним, а по внешним проявлениям. Слуги, накрывавшие на стол, каждый, кто мог видеть нашу встречу, обязательно распустят языки. Воображение позволит таким свидетелям изукрасить свое повествование несуществующими «фактами». Такой невинной с виду встречи вполне довольно, чтобы похоронить мою репутацию. Я бешено цеплялась за свой здравый смысл и выучку.

В мире, где жила Огаста Дивз, репутация была первейшей заботой. Лично ей хватило бы и намека, что я, возможно, имела свидание или тайную встречу со своим нанимателем, чтобы предать меня аутодафе. Благоразумие должно победить, и не только ради меня, но и ради Викторины.

– Приятная мысль, сэр, и любезная тоже… – Я гадала, звучит ли для него мой голос так же фальшиво, как для меня самой. – Но вы должны понять, что я не могу отдать должного вашей щедрости и доброте. Как я могу играть роль компаньонки вашей сестры, если сама стану подавать повод к сплетням? И, будьте уверены… – возможно напряжение и злость сделали мою речь лихорадочной, злость не на него (джентльмены не способны видеть ловушки, которые в современном обществе осторожно обходит одинокая женщина), а на само общество, запрещавшее подобное обращение, – что эта ситуация непременно вызовет сплетни. Мужчины, мистер Соваж, свободны делать многое, им прощаются прихоти и капризы, им дозволено радовать себя небольшими нарушениями приличий. Женщинам – нет.

– Не думал я, что дочь капитана Пенфолда будет столь жеманной. – Его лицо окаменело, превратилось в маску.

– Именно то, что я – дочь капитана Пенфолда, обязывает меня придерживаться собственных правил поведения, так же, как он выполнял свой долг. У женщин есть своя дисциплина, пусть даже пустячная, которой они должны подчиняться. Вы не можете говорить «Этого делать нельзя» другим, если сами не готовы этому подчиниться. С тех пор, как вы пожелали, чтобы я сопровождала вашу сестру в обществе, я должна прилагать еще больше усердия для соблюдения приличий. Я слишком молода для роли, которую вы мне поручили, и потому обязана быть вдвойне осторожной. Я не могу сделать ничего, пусть даже, невинного и приятного само по себе, что могло бы вызвать сплетни. Вы поставили передо мной определенную цель, и я не смогла бы исполнять свой долг, если бы пренебрегла им ради собственного удовольствия.

Он прислонился к дереву и смерил меня взглядом, который я не смогла бы объяснить. Словно бы я – так я чувствовала – была страшным зверем, которого он обязан классифицировать. Затем он пожал плечами.

– Отлично, мисс Пенфолд. Суровый долг – прежде всего. И я больше не буду просить вас делать что-нибудь… такое, что поставит под удар ваше положение в обществе.

Он поклонился, резко повернулся и двинулся к беседке. Та же самая холодная формальность, что и при нашей первой встрече. Но это правильно. Я должна была испытать удовлетворение, но вместо этого меня томило чувство заброшенности, которого я не понимала… или не хотела себе слишком четко объяснить.

Я пошла обратно по тропинке, уверенная, что была права, однако сознание выполненного долга не согревало меня. Напротив, я чувствовала безнадежное одиночество, и к тому

времени, как я достигла дома, уже боролась со слезами. Поэтому я заторопилась к себе в комнаты. Конечно, я должна была показаться ему жеманницей. Но что мужчины понимают в сплетнях, откуда им знать, как ужасны те могут быть? Я знала, что я поступила правильно, но я была отчаянно несчастна. Гораздо больше, чем заслуживал этот случай, старалась я внушить себе.

К счастью, Фентон ушла и я смогла поплакать вволю. Хотя я не из тех, кто часто точит слезу. В моем положении слезы – роскошь, которую не следует позволять себе ни слишком часто, ни слишком долго. Что, если Викторина явится без предупреждения и поинтересуется, почему я плачу?

Я уже полностью овладела собой, когда в дверь постучали, и к моему удивлению, появились Фентон и лакей с подносом, который он поставил на маленький столик, поспешно прибранный горничной. На серебряном подносе стояла чашка, не хрустальная, а действительно вырезанная изо льда, и по ее ободу шла широкая гирлянда розовых бутонов цвета слоновой кости. Внутри была земляника, усыпанная тонко наструганным льдом, сохранявшим ее холодной. Рядом – компотница от Беллика, белая и хрупкая как роза, в форме раковины, поддерживаемой морскими коньками. Она содержала горку сахарной пудры. Еще там был бокал темно-зеленого с белым стекла. В него лакей налил немного шампанского.

– Фентон, что это? – Я надеялась, что не выгляжу заплаканной.

Широкое лицо Фентон расплылось в улыбке.

– Хозяин, мисс, случайно встретил меня и спросил, как вам понравился завтрак. Я осмелилась ответить, что вы, насколько я знаю, еще не завтракали. И он приказал подать вам то, что подавали прошлым летом дамам в Саратоге. Вы ведь с Востока, он и подумал, что вам, может, понравится… Знаете, мисс, землянику можно макать и в сахар и в шампанское.

Это что, издевательство? Но я чувствовала какой-то странный жар. Или это предложение заключить мир, благородный жест? Я предпочитала верить, что это означает установление меж нами новых добрых отношений.

– Какая необычная мысль! И как мило со стороны мистера Соважа. Благодарю вас, Харлетт.

Я окунула землянику в сахар и раздавила во рту кисло-сладкую ягоду. Я даже попробовала окрестить одну земляничинку в шампанском.

Но днем мое счастливое настроение вновь упало. Я напомнила Викторине, что мы должны отдать Биллам визит. В

течение прошлых двух дней она измышляла против этого один предлог за другим, в основном – что она недостаточно хорошо себя чувствует. Но она не могла вечно пренебрегать своими светскими обязанностями, поэтому, надув губы, покорилась.

– Эти дурацкие визитки… – раскрыв зонтик, она неприязненно взглянула на шкатулку у себя на коленях. – Какая бессмыслица! Одна от меня, другая от Алена, хотя он вовсе не с нами. Почему?

– Потому, – отвечала я терпеливо, хотя прекрасно сознавала, что она может вспылить, – что он хозяин дома и это сейчас его резиденция.

– Резиденция! Какая чушь! Тамарис, вы всегда все знаете, что надеть, что делать? Для меня это все – скучная игра, которая никогда не кончается. А если бы какая-нибудь женщина когда-нибудь разбила все эти мелочные правила, говорила бы, что ей нравится, делала бы, что хочет… что бы тогда случилось?

Я вспомнила, что утром испытала мучительный соблазн поступить так.

– Так бывало. – Возможно, мой голос прозвучал резко из-за этого воспоминания. Я добавила предостерегающе: – Но затем обстоятельства оказывались не слишком приятны для той, что отказалась играть по правилам.

– И что случалось? Ей всего лишь не нужно было больше делать визиты с карточками?

– Ее больше не приглашали в общество, причем, отнюдь не глупое и не скучное. У юных джентльменов есть матери и сестры, которые придерживаются правил и удерживают их.

– Мачехи, – уточнила она, хихикнув. – У этого медведя, ну, Генри Билла… и я не считаю его таким уж юным. Он слишком большой, слишком толстый. – Взмахнув свободной рукой, она отобразила несовершенство Генри Билла. – Во всяком случае, он не в моем вкусе.

– Возможно. Но вы встретите других, которые вам больше понравятся.

Викторина вздохнула.

– Надеюсь, так и будет, но этот день я считаю потраченным зря.

«Она была совершенно права», – уныло думала я, когда мы возвращались из Фейрлаунз, всего лишь оставив визитки у дверей.

– Значит, эта самая мачеха больна, – заметила Викторина. – Мы едем, глотая пыль, по жаре, чтобы только положить визитки на поднос. Я-то уверена, что вовсе она не больна, просто она умнее нас. Ей захотелось слегка вздремнуть, вот она и говорит:

«Ах, у меня болит голова. Не принимайте никого, у кого хватит дурости явиться с визитом. Скажите, что я нездорова». Что ж, она получила наши визитки, и нам нет нужды ехать еще раз.

Однако день этот, отвратительный и зря потраченный по мнению Викторины, еще не кончился. Когда наш экипаж подъезжал к дому, мы увидели перед главным входом ранчо дорожную карету, из которой мистер Соваж выгружал миссис Дивз.

У Викторины вырвался гневный шепоток:

– Снова она! Сегодня ночью возьму две свечи и… – она прервалась на полуслове, затем продолжила: – Смотрите, она ведет себя с ним, как змея, гипнотизирующая маленького и беспомощного кролика…

Сравнение было страшноватое. Известно, что крупные рептилии добывают себе пищу именно таким гадким способом. Однако Викторина говорила с уверенностью свидетеля подобной мерзости.

– Тамарис… я клянусь вам, она никогда не будет здесь хозяйкой! – Она перешла на французский, что теперь бывало крайне редко, и я уже знала, что это выдавало у нее либо ярость, либо горе.

Тем не менее, когда мы выходили из экипажа, она уже цвела улыбкой. Она легко побежала вперед и обменялась с миссис Дивз, по дамскому обычаю, поцелуем в щечку. Похоже было, что она заждалась свою дражайшую Огасту, как она назвала визитершу.

Ясно было, что мистер Соваж так же рад приезду новой посетительницы, как изображала его сестра. И мы вошли в главный зал дружной компанией, а о чем думал каждый из нас – не имело значения.

Когда вечером, после обеда, мы собрались в Белой комнате с фресками, я позволила себе небольшую вспышку фантазии.

Огаста Дивз играла на фортепиано, а Викторина пела какие-то милые французские песенки. Но что бы случилось, если мы неожиданно подпали под чары, которые заставили бы нас выдать сокровенные мысли, таившиеся за вежливыми пассажами беседы?

На следующее утро я проснулась с чувством утраты. Сон мой истаял так быстро, что я не смогла его удержать, только знала, что во сне этом я была счастлива. И, поразившись, я поняла причину. Сегодня был день моего рождения, хотя никто из ныне здравствующих, кроме мадам Эшли, не мог бы этого вспомнить. Она всегда в этот день устраивала для меня чаепитие. А когда был жив отец, меня ждала коробка маленьких подарков и дорогое письмо.

Теперь об этом некому позаботиться. Но – нельзя жалеть

себя! В качестве покаяния я позволила Фентон исполнить обязанности горничной леди так, как она их понимала. Хорошее решение, и, как обнаружилось, в конце концов не слишком для меня мучительное.

К моему облегчению, она не предлагала больше щипцов для завивки, уложив мои темно-каштановые волосы с такой сноровкой, какой я, наверное, никогда не достигну. В присутствии миссис Дивз я хотела выглядеть как можно лучше – чисто женское оружие, к которому мы все время от времени прибегаем.

Фентон подала мне серебристо-серое платье, отделанное фиолетовым сутажем, и от этого душа моя почему-то вновь воспряла.

– Хозяин велел передать вам, мисс, что семейный завтрак сегодня будет в Зеленой комнате.

Фентон привела в порядок широкий бант из фиолетового бархата, удерживающего, согласно моде, сзади складки на платье.

Согретая мыслью, что могу предстать миру в наилучшем виде, я спустилась по лестнице. Опять земляника во льду? Мне не хотелось думать об этом. Но меня ожидал другой сюрприз.

Там сидела Викторина, а мистер Соваж встал, чтобы несколько церемонно подвести меня к стулу, возле которого на столе был не только букет чайных роз, но и несколько пакетов в оберточной бумаге, перевязанных цветными лентами.

– Вы кажитесь такой изумленной, Тамарис! – Викторина засмеялась. – Неужели вы думали, что мы забудем о вашем празднике?

– Но… как вы узнали! – Я села, слегка взволнованная.

– Ален знает все. Как ты узнал, Ален?

– Есть очень мало вещей, каких я не знаю о капитане Пенфолде и его семье, ведь мы очень многим ему обязаны. А уж день рождения узнать куда как легко.

Его сестра кивнула.

– А теперь, Тамарис, вы должны открыть ваши подарки, и угадать, что от Алена, а что от меня.

Руки мои слегка дрожали. Это было так неожиданно. Мой отец всегда отмечал этот день и теперь он словно был рядом со мной и разделял мое волнение. Такой специфический оттенок моей радости был чем-то совершенно неожиданным.

В первом свертке оказалось роскошное издание стихов Элизабет Браунинг. Взяв его в руки, я выразила благодарность мистеру Соважу. Викторина захлопала в ладоши.

– Угадала с первого раза.

– Конечно. – Он улыбнулся мне. – Разве ты не понимаешь,

Викторина, что порядочная молодая леди может принять от джентльмена только хорошую книгу или, возможно, коробку конфет. Все соблюдают приличия.

В голосе его не было ни тени вызова, но счастье мое слегка померкло. Что это, насмешка?

Я быстро взяла второй сверток, в котором нашла резной ларчик из сандалового дерева. Я узнала его – Викторина купила его в «Китайском базаре». Внутри, на хлопковой подкладке, лежало хрустальное сердце, крепящееся к бархатной ленте. Я была очарована прелестной безделушкой и, по настоятельному требованию Викторины, поспешила надеть ее на шею, восхищаясь тому, как она подходит к кружеву моей новой шемизетки.

Следующий сверток содержал предсказанные мистером Соважем конфеты. Но они были не в обычной коробке, а в филигранной, восьмиугольной, украшенной эмалевой бабочкой на крышке – такой натуральной, что, казалось, она вот-вот улетит. Сами сладости были прикрыты засахаренными лепестками роз и фиалок, способными прельстить даже герцогиню.

Я почти стерла язык в благодарностях. Не только потому, что подарки были так милы, но, в основном, из-за того, что они вообще были. Мистер Соваж быстро сказал, что пора переходить к еде, поскольку с развлечениями, как он выразился, покончено. И тут же начал какой-то забавный рассказ, думаю, чтобы помочь мне скрыть мои чувства.

Еще он говорил о том, что следует устроить бал на ранчо – это лучший способ представить Викторину обществу – в назначенный день в доме будет множество гостей.

Викторина, в высшей степени возбужденная, обрушила на него бурю вопросов.

– И мы должны сшить новые платья! – решительно заявила она. – Видите, Тамарис, как я была права, что купила этот атлас! Амели сошьет мне такое платье!..

Ее брат снисходительно рассмеялся.

– Ты ведь уже тогда его себе представляла, cherie? Конечно, у тебя будет наряд, подобающий случаю, и у мисс Пенфолд тоже.

– Но она ничего себе не купила! – прервала его Викторина. – Она только смотрела, но ничего не покупала.

– Это легко поправить, – заметил он. – Я предусмотрел это. Из города уже едут сюда самые искусные модистки от мадам Рашель с прекрасным набором тканей. Вы обе должны выбрать все необходимое, чтобы род Соважей мог высоко держать голову.

– Ален… – Улыбка Викторины угасла, в голосе ее прозвучали сейчас серьезные ноты. – Почему мы носим такое варварское имя?

Ведь на самом деле ты герцог с древними и прославленными титулами, так почему же ты предпочитаешь зваться просто мистером Соважем? Я бы…

Его снисходительного взгляда как не бывало.

– Я не герцог, и у меня нет другого имени! – резко ответил он. – Потому что я не француз, но американец. Мы отказались от родового имени и титула давным-давно… и оба они пусты и бесполезны.

Викторина нахмурилась, но не стала с ним спорить. Вскоре после этого он встал, но задержался возле моего стула, чтобы сказать:

– Мисс Пенфолд, своим разговором о покупках Викторина напомнила мне, что я проявил забывчивость в отношении вашего гонорара. Если вы присоединитесь ко мне в библиотеке в… – он взглянул на часы, – в половине одиннадцатого, мы сможем обсудить этот вопрос. Сейчас же я задержался и заставляю Уилсона ждать.

Когда дверь за ним закрылась, Викторина сказала:

– Хотела бы я, чтобы мой брат не придерживался этих странных воззрений. Это правда, Тамарис, во Франции он был бы герцогом. Мадам Варенн много раз говорила мне об этом, когда я жила у нее. То же самое было и с нашим отцом. Он разозлился на маму, когда она однажды воспользовалась своим настоящим титулом, хотя та имела полное право так поступить.

– Но если ваш брат американец, он не может пользоваться никакими титулами, кроме тех, что допускает общая вежливость, – заметила я.

– Но ему этого вовсе не нужно! Изгнание его семьи давно закончилось. Он мог бы жить во Франции. Там я была бы по меньшей мере графиней, а не просто мадемуазель Соваж. Ненавижу это грубое имя и все, что оно значит!

Это была одна из ее кратковременных вспышек ярости, и я пожалела, что завтрак моего дня рождения кончается на такой ноте. Но я хорошо знала, что лучше не пытаться ее успокаивать. Все пойдет по заведенному образцу – она вернется к себе в комнату, и там Амели станет баловать и задабривать ее, пока снова не приведет в хорошее настроение. Я собрала свои подарки. Нежный аромат роз успокоил меня, и я решительно принудила себя вспомнить лишь то, за что была благодарна.

Когда наступило назначенное мне время, в библиотеке еще никого не было. Книги всегда влекли меня, и я медленно пошла вдоль стеллажей, читая названия, тисненые золотом на богатых кожаных переплетах. Многие авторы были представлены полными собраниями сочинений, и я догадалась, что большая часть

библиотеки, как и остальное имущество дома, приобретены прежним владельцем напоказ. Здесь были книги Теккерея, Диккенса, тома с описаниями путешествий и тому подобное. Но я с удовольствием обнаружила романы Джейн Остин и произведения сестер Бронте, которые недавно произвели настоящую бурю.

Сравнивая положение Джейн Эйр в качестве гувернантки со своим собственным, я невольно улыбнулась. Как бы то ни было, здесь нет безумной жены, ночами бродящей по залам мистера Соважа. «Такая мелодрама, – самодовольно подумала я, – встречается только в книгах. Никакой безумной жены… только миссис Дивз…»

Неожиданно я прижала ладони к щекам. Здесь не было зеркала, но я чувствовала такой жар, словно я покраснела. Сравнение своей участи с Джейн Эйр, даже в шутку, означало, что я серьезно интересуюсь мистером Соважем. Я отшатнулась от этой мысли, отказавшись от честной оценки своих переживаний. Я должна была взять себя в руки, пока он не пришел.

Медленно пройдя между шкафами, я оказалась перед большим столом, заваленным бумагами. В самом его центре лежало нечто столь странное на вид, что я приблизилась, чтобы рассмотреть лучше.

Это был маленький мешочек из темной ткани, к нему привязаны черные перья. Сработано это было грубо, словно руками малого ребенка. Но я инстинктивно знала, что это не игрушка. Я подумала, что хоть я и не склонна к фантазиям и всегда стараюсь обуздать свое воображение, но здесь таится нечто очень странное… очень мрачное и пугающее. Оно приковывало внимание, словно живой хищник, рычащий с неприкрытой угрозой.

– Что это, Тамарис?

Снова мистер Соваж удивил меня своим беззвучным появлением. Поскольку я вздрогнула, он в оправдание добавил:

– Я напугал вас? Извините. Но что так привлекло ваше внимание?

– Вот. – Я указала на мешочек. – Это… это выглядит странно, и что-то в нем мне совсем не нравится.

Он обогнул стол и нагнулся. Затем со сдавленным возгласом отпрянул назад, к камину, не отрывая взгляда от мешочка. Пошарив позади себя, он схватил каминные щипцы и только с ними в руке вновь приблизился к столу.

– Вы не трогали его?

Его реакция, столь неожиданная для такого человека, встревожила меня. Я быстро ответила, что не трогала.

– Хорошо! Потому что никто не знает…

Но что именно никто не знает, он не объяснил. Вместо этого он взял мешочек щипцами и затолкал его в камин, затем опустился на колени на пол и забросал мешочек дровами. И только когда тот вспыхнул, мистер Соваж поднялся на ноги.

– Что… что это было? – я решилась, наконец, спросить, пока он стоял, глядя на огонь.

– Это… да, Тамарис, пожалуй, мне следует довериться вам, поскольку это добралось и сюда. Как вам известно, обстоятельства жизни моей сестры в ранние годы были не совсем обычны. Вы уже слышали, что она была брошена своей матерью, – последнее он произнес так, будто обнаружил, что оно трудно выговаривается, – на попечение родственницы. Эта женщина была рождена и воспитана в Вест-Индии, где процветают дичайшие суеверия. К несчастью, многие дети белой расы там отданы заботам туземных нянек и впитывают почти с рождения веру в такую мерзость, как вуду…

– Вуду?!

– Вы слышали о нем? – Внимание Алена переключилось с пламени на меня.

– До войны мы с отцом бывали в Новом Орлеане. Там мы слышали всякие истории об этом.

– Да, верно… – Он кивнул. – Этот культ завезен в Луизиану беженцами от восстания рабов на островах почти столетие назад. Вуду нелегко уничтожить, Тамарис. Он поистине порочен и смертельно опасен. Те, кто практикуют вуду, уверяют, будто достигают своих целей с помощью магии, на самом же деле они пользуются наркотиками и тайными снадобьями, которыми подчиняют себе остальных. То, что я только что сжег – это «гри-гри», один из способов навести проклятие на жертву. И мне известно, что от простого прикосновения к нему можно смертельно заболеть. И присутствие этого здесь означает… – Он тронул кочергой полыхающие дрова, и вдруг оттуда вырвался клуб желтого дыма со странным запахом. – Назад! – воскликнул он.

Он двигался так быстро, что не успела я опомниться, как он схватил меня за плечо, потащил за собой к ближайшему окну и распахнул его, впустив свежий холодный ветер.

– Значит, – снова начал он, – я стал мишенью этой дешевой магии. Я непременно должен узнать, как это здесь оказалось.

– Но зачем… кто может желать вам зла?

Я все еще переживала его прикосновения, переживала слишком сильно, чтобы совладать с этим.

Глава восьмая.

Его смуглое лицо казалось сейчас жестким и мрачным, словно на его месте сейчас оказался один из его предков – воинов из племени кри. Я отшатнулась. Этот его новый облик даже испугал меня. Вся сила, которую, как я чувствовала, он удерживал в себе, была на грани яростного взрыва.

– Когда моя сестра была под так называемой «опекой» этой особы, она была преступно вовлечена в знакомство с неким Кристофом Д'Лисом. Он – племянник мадам по боковой линии, его прислали во Францию, чтобы он получил образование. Он, как и многие представители смешанных рас, очень красив, привлекателен и достаточно ловок, чтобы увлечь юную и впечатлительную девушку. Мадам поощряла это знакомство, и когда я нашел Викторину, она считала себя помолвленной с этим типом. Будучи сам смешанной крови, я знаю, какая это тяжкая ноша для человека, и не стал бы считать это преградой. Но вскоре я обнаружил, что он не только незаконнорожденный и полукровка, но, вдобавок, погряз в занятиях вуду. Парень, похоже, был жрецом этого культа! А после я узнал, уже когда вырвал Викторину из этого гнездилища порока, что он угрожал не только вернуть свою «невесту», но и навлечь кару на всех, кто их разлучил. Я надеялся, что, доставив ее сюда и окружив теми, кому могу доверять, я сумею защитить ее. Но обнаружить здесь э т о!.. Теперь я должен отыскать брешь в нашей защите и провести следствие.

Прежде, чем я успела подумать, у меня вырвалось имя:

– Амели!

– Что «Амели»?

Что я могла ответить на такой прямой вопрос? Рассказать о нескольких странных случаях? Но Викторина так привязана к своей горничной, что если брат вмешается между ними, это снова оттолкнет ее от него. И все же я сообщила то, что видела, добавив, впрочем, что всему этому может найтись и другое объяснение. Он слушал, жесткое и мрачное выражение не уходило с его лица, однако он кивнул.

– Если Викторина так доверяет Амели, ничего нельзя сделать без веских доказательств, вы правы. К тому же, и Амели кажется столь преданной своей хозяйке… Но кто знает… может, что-то заставляет ее делать то, что Викторина попросит, даже ко вреду для моей сестры? Вы совершенно правы, что рассказали мне это. За Амели тоже стоит последить. А в этом доме, вдали от города… да, сейчас мы не будем ничего ни говорить, ни делать.

Хотя он не брал с меня никаких обещаний, одно я дала добровольно.

– Я никому ничего не расскажу об этом… – я указала на камин.

Отвратительный тяжелый запах развеялся. Ален закрыл окно, вернулся к очагу и сгреб пепел кочергой. Затем он взял лист бумаги со стола, каминной щеткой смел на него пепел, свернул бумагу в пакет и запечатал воском.

– Ничего из этого не должно оставаться в доме.

Я была, мягко говоря, удивлена. Его поступок, думала я, не свойствен человеку, имеющему дело с вульгарным суеверием, скорее уж тому, кто верит, что столкнулся с чем-то по-настоящему опасным и могущественным.

Возможно, он угадал мои мысли, ибо спросил:

– Вы считаете меня суеверным дураком, Тамарис? Но я видел… да, я видел более чем странные вещи, которые никак не поддавались рациональному объяснению. «Гри-гри» – это сконцентрированное зло, проклятие… так ли уж трудно поверить, в конце концов, что оно способно причинить вред?

Море, где я провела свое детство, хранило свои легенды. Я слышала много странных историй. И никто не может отрицать, что порой в ее жизни отучаются вещи, не имеющие никаких логических объяснений.

– Нет, – медленно ответила я, – думаю, что вы правы. Стать мишенью ненависти и злых намерений – значит, жить под тенью. В мире есть многое, чего мы не в силах понять. Я не считаю, что вы ошиблись, желая, чтобы даже пепел этой мерзости оказался подальше отсюда.

Он положил пакет на стол.

– Так и будет… вскоре. Но… – Отбросив мрачные мысли, он живо сказал: – Вы ведь пришли сюда по другому поводу.

И он быстро объяснил, что плату я буду получать частью наличными, частью же она будет переводиться на мой счет в банке. Он говорил со мною так, словно я разбиралась в делах не меньше его, и я восприняла это как комплимент.

Щедрость его условий соответствовала образу жизни, которую мне предстояло вести. Я уже осознала, что мой гардероб нуждается в обильных дополнениях. И он снова твердо повторил, что я должна заказать, что пожелаю, из высланных нам материй, и добавил, что на ранчо есть две постоянные швеи, ждущие заказов.

– Девушки будут только рады, – он засмеялся, его воинственный настрой полностью исчез. – С тех пор, как моя сестра вышла замуж, они заняты исключительно тем, что ставят

метки на белье, и от этого тоскуют. Подумайте и выберите все что нужно. Если понадобится что-то еще, пошлем в город. Я хочу, чтобы Викторина оставалась здесь. – Он взглянул на пакет. – Если Д'Лису достанет наглости и упорства преследовать нас, его легко будет выследить здесь, в моем имении.

Я искренне поблагодарила его за доброту и щедрость, хотя это укрепляло барьер, обязанный, как я понимала, оставаться между нами. Казалось, мистера Соважа смутили мои слова, и он принялся перебирать бумаги на столе, словно намекая, что я свободна. Несколько мгновений тесной связи меж нами, вызванные «гри-гри», теперь явно отошли в прошлое.

Викторина, миссис Дивз, Амели и две служанки были в швейной. Фентон, очевидно, исключенная до моего прихода из этого очаровательного круга, проводила меня туда. Они были полностью поглощены созерцанием модных изданий, изображавших чрезвычайно изысканно одетых женщин.

– Идите, взгляните сюда, Тамарис! – Викторина походила на ребенка, окруженного грудой новых игрушек. – Все это, – она указала на рисунки, – от Мэзон-Родригеса, не меньше. Кроме этих, от сестер Кертье, от Минеора и… – ее тон сделался почтительным, – от Ворта. Мадам Рашель прислала их нам с мадемуазель Армтедж.

– Видите ли, леди, – мисс Армтедж поклонилась мне, – вы можете быть уверены, что таких моделей в Сан-Франциско еще не видели, поскольку эти издания прибыли только что. Могу вас заверить, что они исключительны.

– Тамарис, что вы думаете об этом? – Викторина показала мне одну из картинок. – Смотрите – газ поверх атласа… отделано розами… Разве не то, что нужно?

Разумеется, материи, выбранные ею должны были превосходно подойти. Изображенный наряд был явно предназначен для юной девушки, чей эфирный облик подчеркивался бы пышной тонкой юбкой на тюлевой основе. Подобранную спереди драпировку и пуфы турнюра хорошо будет подобрать белыми шелковыми розами по выбору Викторины, каждая из которых будет сверкать хрустальными росинками, укрепленными на лепестках или листьях.

– А теперь выбирайте вы, Тамарис!

Я уловила враждебный блеск в косом взгляде миссис Дивз. Однако она не стала возражать, когда я стала перебирать картинки, которые, в отличие от эфирного выбора Викторины, предлагали платья, предназначенные для дам с более консервативными взглядами.

У моей матери было несколько украшений, не имевших

большой ценности, но хранимых за изысканную красоту. И среди них я неизменно предпочитала гарнитур, который мой отец купил ей в Генуе во время медового месяца. Он был из мраморной мозаики в итальянском стиле и состоял из броши, серег, ожерелья, и парных браслетов красного золота с мозаичными вставками – черный мраморный фон, на котором были выложены белым и зеленым словно бы живые белые фиалки среди листьев. Поскольку именно этот убор должен был украшать мое вечернее платье, мне следовало учитывать это при выборе.

Я должна была, конечно, выбрать фасон и модель богаче, чем я когда либо носила, поскольку к этому обязывало положение, однако я не хотела привлекать к себе излишнее внимание.

Но большинство этих французских моделей не привлекало меня. И, откладывая рисунок за рисунком, я начинала уже думать, что мне придется скопировать одно из моих «восточных» платьев. Но тут мне попался рисунок, который я принялась внимательно изучать.

Поскольку я прошла уже больше полдороги к тому, чтобы стать старой девой – я только что отметила свой двадцать пятый день рождения – эта модель мне подходила больше.

Я представляла его себе из серебристого шелка с черными кружевами и, возможно, фиалками. Но при упоминании о выбранных мной материях Викторина скорчила гримаску.

– Но они же для старых дам, Тамарис. Вы ведь молодая! Я улыбнулась.

– Недостаточно молодая для газа, Викторина.

– Совершенно верно – изъявила торжественное одобрение миссис Дивз. Это немедленно заставило меня предположить, что я, конечно, излишне консервативна и буду выглядеть старомодно. Но сейчас я уже не могла изменить выбор, и только сказала, что должна посмотреть ткани.

– Огаста гораздо старше вас, а она собирается надеть золотой атлас, украшенный райскими птицами! – заявила Викторина.

Я заметила, что миссис Дивз чуть нахмурилась. Разница в нашем возрасте, столь откровенно подчеркнутая, не могла быть ей приятна.

Возможно, я и сама, оказавшись на ее месте, получила бы мало удовольствия от таких речей. Однако, у меня не было желания затмевать ее.

Глядя на Амели, отвечавшую на возбужденные расспросы своей хозяйки, как лучше будет расположить букет роз – так или эдак, трудно было представить, что изящная юная служанка может иметь отношение к омерзительному предмету, который нашли мы с Аленом. А Викторина – с тех пор, как она

распростилась со своим мрачным нежеланием уезжать, – выказывала ли она когда-либо сожаление или недовольство?

Она, должно быть, забыла Д'Лиса, возбужденная новой обстановкой и новыми людьми. Возможно, она с облегчением освободилась от этого полукровки, довольствуясь ролью балованной сестры одного из богатейших людей Побережья? Но как ни трудно мне было заставить себя поверить, будто что-то может ей угрожать, я не должна была забывать о такой возможности.

Мисс Армтедж наблюдала за распаковкой тканей. Хотя сама она была дурно сложенной коротышкой, однако являла собой пример, как можно скрыть такие недостатки превосходным вкусом в одежде. Она ловко двигалась, драпируя сверкающие отрезы на стульях и столах, указывая на достоинства каждого. Пока Викторина выбирала ткани на костюм для верховой езды, дневные и прогулочные платья, более изысканные наряды для приемов, а мисс Армтедж делала беглые краткие заметки в отделанной слоновой костью записной книжке, я сделала собственный выбор. Атлас, не серебристо-серый, как я предполагала поначалу, а того цвета, что называют «жемчужным», то есть не чисто белый, подобающий лишь очень юным, а с легким серебряным оттенком. Черные кружева, о которых я думала, будут превосходно на нем смотреться. Тем временем Фентон достала из огромной коробки с шелковыми и бархатными цветами, вступив при этом в состязание с Терезой (которую она, я уверена, недолюбливала), букетики белых бархатных фиалок.

Затем я выбрала кое-что еще – бисквитную тафту на платье для приемов, зелено-белый ситец в стиле «Долли Варден». Тем временем Фентон, войдя в азарт, вытаскивала кружева и прочие штучки-дрючки, которые, как она уверяла, освежат мои старые платья.

Швейная, снабженная двумя машинками последней модели (хотя девушки лучше шили на руках), гудела как улей. Были разосланы приглашения на бал, и ответы лились рекой. Знаменитые французские рестораторы из Сан-Франциско прислали мэтра, надзиравшего за обустройством на кухне и в столовой, где на время ужина должен был расположиться буфет.

Бедная миссис Лэндрон крутилась, словно под ее развевающимися юбками были вместо ног колеса, проверяя то, распоряжаясь насчет этого, готовя комнаты для гостей, которые останутся на уик-энд.

Викторина, отдав распоряжения насчет своего платья и видя, как они начали исполняться, все больше раздражалась из-за долгих примерок. Несколько раз ее укладывали в постель

мигрени, и для ухода за ней призывалась Амели. В подобных случаях обе они ясно давали мне понять, что моя помощь нежелательна.

Меня начинали слегка беспокоить эти мигрени, поскольку я знала, что Викторина принимает исключительно снадобья, приготовленные Амели, а они неизменно вызывают глубокий сон. Пробуждалась же она снова здоровой телом и духом. Однако я решила при первой же возможности посоветовать мистеру Соважу вызвать собственного врача. Правда, в эти дни я видела своего работодателя только за обедами по вечерам, и в присутствии остальных говорить об этом не могла.

В эти дни соседи нанесли нам новые «утренние визиты», дважды приезжал Генри Билл. Но миссис Билл мы больше не видели, хотя она и приняла приглашение на бал. Генри упомянул о возвращении своей сестры из фешенебельной школы на полуострове, но я заметила, что он совсем не говорил о мачехе.

Было совершенно очевидно, что он очарован Викториной, хотя она – столь же очевидно – не поощряла его. Думаю, миссис Дивз благоволила ему: когда он приезжал, она становилась сама любезность.

Наши бальные наряды были закончены и висели в платяных шкафах. К огромному удовольствию Викторины брат подарил ей традиционное жемчужное ожерелье юной леди, впервые вступающей в свет. К нам начали прибывать гости, и я обнаружила, что люди они весьма разные.

Большинство мужчин были связаны деловыми интересами с мистером Соважем, их имена имели солидный вес в деловых кругах. Некоторые из них принадлежали к французской колонии города. Все их дамы были одеты в соответствии с нынешней модой, как я и ожидала. Но я заметила некоторую разницу в манерах, свидетельствующую о размытости этого общества. Хотя матери должны были приложить усилия, дабы войти в этот мир элиты, дочери хорошо в нем освоились. Здесь были две признанных красавицы сезона в сопровождении родителей, но ни одна, с моей точки зрения, не могла сравниться с Викториной.

Из-за переизбытка гостей в главном доме были заняты два коттеджа, где разместились холостяки. А дам было столько, что мне стоило большого труда хотя бы запомнить имена.

Хотя истинной хозяйкой была Викторина, миссис Дивз, под предлогом помощи ей, совалась везде, елико возможно. Если девушка и замечала это вторжение, она воздерживалась от комментариев.

Я была горда ее манерами, ибо она держалась как нельзя лучше и была совершенно очаровательна. Находясь в центре

внимания, она демонстрировала лучшие стороны своей натуры.

Обед в вечер бала был сервирован в малом салоне и продлился недолго. Думаю, что дамы удовольствовались бы, перекусив у себя в комнатах, пока доводили до совершенства свои туалеты. Вместо этого нам пришлось одеться пораньше.

Фентон причесала меня, слегка взбив волосы, чего в обычные дни я не любила, и очень искусно разместила в прическе украшенный цветами гребень.

Я знала, что у меня очень мало шансов рассчитывать на что-то большее, чем вежливое беглое внимание, но благодаря Фентон я никогда не выглядела привлекательнее, чем в ту ночь. Гарнитур моей матери смотрелся прекрасно, я поняла это, когда надела серьги, приколола брошь на корсаж (что был декольтирован не так низко, как настаивала Викторина), присовокупила ожерелье и застегнула браслеты поверх своих длинных перчаток.

Букеты были доставлены каждой даме заранее с комплиментами от мистера Соважа. Мой был составлен из чайных роз и сопровождался короткой запиской, выражающей сожаление, что это не белые фиалки. Благоухающие цветы были в хрустальном держателе, прихваченном цепочкой с кольцом, которое можно было надеть на палец. Мой веер резной слоновой кости из Китая был подарком отца.

– Мисс… – Фентон уселась на пятки (она стояла на коленях, поправляя мой короткий шлейф), – вы выглядите просто прелестно! – Ее простое лицо сияло.

– Благодаря твоим трудам, Фентон. – Я подобрала юбку и сделала глубокий реверанс. – Вся честь принадлежит тебе.

– О, мисс! – Я была удивлена чувством, прозвучавшим в ее голосе. Когда ее прислали ко мне, я отнеслась к ней, как к помехе той малой независимости, на которую, как мне казалось, имею право. Возможно, я чувствовала неловкость оттого, что прежде у меня никогда не было личной горничной. А она порой поглядывала так неодобрительно, будто эта ситуация устраивала ее не больше, чем меня. Но с недавних пор мы стали ближе. И я уверена – она была горда, одевая меня, за что я и воздавала ей должное.

Мои юбки прошелестели по ковру, когда я вошла в комнату Викторины. Там я увидела ту, что, должно быть, вышла прямо из сказки – принцессу, какой мечтают стать все маленькие девочки. Волосы ее падали свободно, оплетенные двойной нитью жемчуга. Ее прекрасные плечи выступали из волн газа, окружавших ее атласный корсаж, словно из пронизанного солнцем летнего облака, туго облегающего юное тело. Нам часто случается читать о неземной красоте, но мы редко видим ее воочию, как я видела в

тот вечер.

– Тамарис… но это платье вам замечательно идет, – она закругляла перламутровый держатель с белоснежными розами.

– Викторина! Я никогда не видела никого прекраснее вас! – сказала я от всего сердца.

Она подхватила свои пышные юбки и медленно повернулась, глядя в зеркало через плечо.

– Что до меня, то я думаю, что Амели сработала как нельзя лучше. Ты слышишь, Амели, tres bon!

Амели, держа сверкающий веер, глядела на Викторину со странным выражением, которого я не могла понять. Уж не зависть ли?

Тень моего прежнего недоверия и неприязни подступила снова. Но сейчас было не время об этом думать, ничто нынче вечером не должно омрачать счастья Викторины.

Миссис Дивз была так великолепна, как я и ожидала. Ее золотые юбки украшенные райскими птичками с золотыми клювами и маленькими рубиновыми глазками, роскошью своей подобали, самое малое, герцогине. Однако мне было неприятно видеть маленьких птичек, убитых, чтобы сделать из них украшения на платье. Расточительность, родственная той, что была в обстановке этого дома, против нее все во мне восставало. Золото на золоте, красный бархат, вещи, которые по отдельности могли бы быть прекрасны, но на роскошной выставке отвращали сильнее, чем ласкали зрение.

Моим кавалером за обедом был майор Беркли из Президо, весьма импозантный в своем мундире и церемонно вежливый. Он принадлежал к холостякам и его разговор, который он завел явно ради соблюдения приличий, касался местных достопримечательностей.

Однако он несколько оживился, когда я упомянула замечание мистера Соважа о некоторых старых калифорнийских домах, которые еще не были снесены. Он сказал, что квартировал здесь до войны, и с большим воодушевлением описал загон для скота на таком ранчо. Моим соседом слева был весьма пожилой человек, который, когда мы обменялись формальными приветствиями, отпустил мне парочку цветистых комплиментов, но потом гораздо больше интересовался содержимым своих тарелок и бокала.

Даже сам дом сегодня изменился. Теперь в большом зале под центральным куполом располагался круг из пуфов, крытых алым бархатом. Он замыкал кольцом пирамиду из красных и белых камелий, окаймленных красными же и белыми розами, их благоухание почти ошеломляло. На балконе второго этажа

расположился оркестр, наигрывавший тихую музыку для променада, повсюду были расставлены диваны и кресла.

Два больших салона, где на стенах аппликации из непрозрачного хрусталя с мифологическим рисунком перемежались зеркалами во весь рост, превратились в один огромный бальный зал после того, как убрали разделявшие их панели. У входа в него стоял мистер Соваж с Викториной по правую руку и со мной (наперекор всем моим попыткам уклониться) по левую.

Миссис Дивз не попала в это маленькое общество избранных, хотя, не сомневаюсь, сильно на это рассчитывала. Вместо этого она очутилась среди прочих гостей, где, с принужденной улыбкой, понизив голос, с лихорадочной живостью болтала со своим соседом по столу.

От того, что оказалась выставленной напоказ, я чувствовала себя так неуютно, что мне казалось невероятно трудным запоминать имена и лица, когда начали прибывать гости и каждой даме преподносилась у дверей программа танцев.

Мистер Соваж уже отпустил нас, когда я улучила момент, чтобы глянуть на свою собственную программу. Поскольку наш долг хозяев при встрече гостей был уже выполнен, я приняла приглашение майора, который, хоть и не блистал грацией, достаточно уверенно чувствовал себя в лансье, исполняемом вторым, большим, оркестром.

Если мистер Соваж и проигнорировал желание миссис Дивз разыграть роль хозяйки, он со скрупулезной вежливостью пригласил ее на второй танец, открыв бал с Викториной и передав ее затем кавалеру помоложе. А на третий танец, на вальс, он пригласил меня. В такой толпе, когда люди постоянно перемещались, направляясь то пройтись по крытой веранде, то посидеть в центральном зале, трудно было держать Викторину в поле зрения, особенно потому, что все прочие светские дебютантки также были в белых платьях. Я пыталась разглядеть ее, когда мой партнер резко спросил:

– Вы кого-то высматриваете, Тамарис? У вас здесь какой-то знакомый, с которым вы хотите встретиться? – Тон его был резок, без тени шутливости.

– Нет, сэр. Но вам хорошо известно, что я здесь по несколько иной причине, чем остальные гости. Я присматриваю за Викториной.

– Долг превыше всего. – Голос его стал мягче. – Не думаю, что сегодня вам следует исполнять свой долг столь ревностно. Думайте не о мисс Пенфолд, образцовой леди-наставнице, идеальной компаньонке в доме, но, скорее о Тамарис, что сама

достаточно молода, и, конечно, достаточно красива, чтобы наслаждаться балом.

Только он ужасно ошибся.

Обед был сервирован в полночь, и мой кавалер по последнему вальсу, любезный молодой человек, чье имя в тот день я так и не сумела запомнить, проявил себя большим знатоком по части выбора из представленных в изобилии миндальных бисквитов, бланманже причудливых форм, тортов с ликером (которого, на мой взгляд, могло быть и поменьше), вишен в коньяке, разнообразных желе и тому подобных соблазнительных блюд. После того, как он церемонно усадил меня на пуф в холле дожидаться его возвращения с шампанским, я улучила свободную минуту, чтобы поискать Викторину.

И я увидела ее – не рядом, а на балконе, где она стояла, опираясь на серебряные перила, и беседовала с мужчиной. Отблеск газового света упал на его лицо, и я вздрогнула. Его черты были мужской версией лица Амели! «Нет, – подумала я, – мне, должно быть, мерещится…»

Прежде, чем я успела встать, вернулся мой кавалер, а у меня не было веской причины, чтобы сбежать. Тем временем молодой человек оставил Викторину и теперь она сидела, словно бы ожидая той самой услуги, которая только что была оказана мне. Кто же был этот мужчина?

Я не чувствовала подлинного вкуса лакомств на тарелке, невпопад отвечала на реплики своего спутника. Надеюсь, это была не откровенная грубость, во всяком случае, он не выказывал никаких признаков скуки. Но я уже не могла больше ждать.

Поблагодарив его по возможности любезно, я объяснила, что должна повидать Викторину. Извинение было жалкое, но он воспринял его вежливо. И, возможно, с облегчением, поскольку в качестве соседки за ужином я была явно не на высоте.

Поднявшись на балкон, я увидела, что Викторина снова уходит. Сейчас она, накинув на плечи кремовую китайскую шаль, спешила к боковому коридору, что сворачивал к задней части дома. Я обязана была удержать ее от любой глупости. Подобрав свой слишком тяжелый шлейф и придерживая юбки, я последовала за ней.

Хотя парадные залы дома были переполнены, здесь царили тишина и пустота. К счастью, Викторина не оглядывалась, а расслышать погоню она не могла. Миновав нижний холл, она вышла в сад, но не в ту его часть, где волшебный блеск висячих фонарей освещал статуи и дорожки.

Юбки мои зацепились за куст, и я вынуждена была на мгновение остановиться. Из-за этой задержки, как ни коротка она

была, я и потеряла Викторину. Однако она не успела бы уйти далеко, к тому же, в этих густых зарослях проход был только один. Я спешила, дрожа, подхватив юбки повыше и прижимая их к себе как можно плотнее. У Викторины была шаль, а мои обнаженные плечи студил ночной ветер.

Развилка на дорожке – куда пойти? Сад так велик, а тропинку можно потерять, ибо они пересекаются и разветвляются. Возможно, я так и не найду Викторину. Тропинка справа от меня вела в освещенную часть сада… Тут я уловила запах табака; кто-то из мужской половины гостей вышел наружу воздать долг привычке, не одобряемой большинством дам.

– Мисс Пенфолд!

Я обернулась и увидела Генри Билла.

– Могу ли я вам чем-либо помочь?

Даже тусклый свет фонарей выдавал мое волнение. Мне следовало быть очень осторожной, чтобы не навлечь на Викторину какого-нибудь нескромного подозрения.

Это означало – я должна навлечь нескромные подозрения на себя. Я нечувствительно выдавила улыбку.

– Ваше появление удивило меня, мистер Билл. – Для моего собственного слуха мой тон не передавал истинного смущения. Но, возможно, я недооценивала свои способности по части притворства, ибо сейчас он усмехался, и усмешка эта, адресованная мне, была отвратительна, поскольку было слишком ясно – он думал, что я спешу на некое свидание.

– Прошу прошения, милая леди, – поклон, который он отвесил, являл скрытое оскорбление, и краска ярости бросилась мне на щеки. И я не могла пренебречь ею, как рассчитывала. – Одной вам, должно быть, здесь очень одиноко. Могу я разделить ваше уединение? Луна сегодня достаточно яркая для прогулок и…

Я должна была найти Викторину! Но я не знала, как отвязаться от нежеланного спутника. Был только один действенный способ – подтвердить все его подозрения. Так я и поступила.

– Вы очень любезны, мистер Билл. Но так случилось, что у меня уже есть провожатый, который может подойти в любой момент…

И снова эта мерзкая усмешка!

– Ну конечно, милая леди. Он выиграл – я проиграл. Я не буду третьим лишним. Но могу я спросить: не видели ли вы Викторину? Следующий танец за мной, а я нигде не могу ее найти…

– Она, возможно, уже вернулась, сэр. Вам лучше поискать ее в

доме. – Мой ответ был окрашен нетерпением.

Он усмехнулся еще шире и снова отвесил поклон.

– Естественно. Примите мои извинения.

Я проследила, чтобы он ушел, до того как удалиться самой, подозревая, что он может задержаться, имея целью подсмотреть, с кем я встречусь. Только убедившись, что он исчез из поля зрения, я свернула на левую дорожку.

Гравий белел в лунном свете, из дома до меня доносились приглушенные звуки музыки. Но мне почему-то казалось, будто я отрезана от знакомого безопасного мира. Я продрогла, переволновалась и, что хуже всего, была уверена, что не исполнила свой долг. Если бы я лучше смотрела за Викториной, то смогла бы предупредить эту полуночную вылазку.

Я остановилась, чтобы прислушаться, и до меня донеслись голоса. Они шептались так тихо, что я могла разобрать только несколько слов, да и то на диалекте, на котором Викторина обычно беседовала с Амели. И, напрягая слух, я сумела уловить лишь три слова: «Канун Святого Иоанна».

Глава девятая.

Поскольку я не была католичкой, даты праздников святых ничего для меня не значили, но я теперь могла пробираться на звук голосов. Впереди, там где дорожка поворачивала, живая изгородь все еще укрывала собеседников. Пока я соображала, стоит ли двигаться открыто, я услышала хруст гравия под тяжелыми шагами. Они удалялись. Отбросив всякую осторожность, я кинулась за поворот.

Передо мной открылась лужайка с небольшим прудом, куда, нежно журча сбегала вода фонтана. Тут же стояла садовая скамейка из кованого железа. На ней сидела, а точнее, лежала Викторина.

Ее шаль соскользнула на землю, голова откинулась, глаза были закрыты. Я подбежала к ней, улавливая сквозь розовое масло, которым она обычно душилась, какой-то странный запах, неопределенный, но отталкивающий.

– Викторина! – Я схватила ее за руки, лихорадочно горячие. Она открыла глаза и уставилась на меня, как на постороннюю. Потом принялась водить кончиком языка по губам, словно только что отведала чего-то такого, что бы хотела попробовать вновь. Затем ее взгляд перестал блуждать, и я почувствовала, как напряжение покидает ее: руки ее расслабились, голова запрокинулась еще сильнее. Глаза ее снова закрылись, и вдруг гримаса боли исказила лицо.

– Викторина! Вам плохо?!

– Oui, – ответила она очень тихим, слабым голосом, – очень больна, Тамарис. Пожалуйста, не оставляйте меня. – Она схватила меня за руки, стиснув запястья с конвульсивной грубой силой.

– Позвольте мне сходить за помощью…

– Non! Останьтесь, пожалуйста, останьтесь. Я так triste… страдаю… у меня кружится голова… все болит, все плывет… Останьтесь со мной, не покидайте меня! – Викторина продолжала сжимать мои запястья с силой, какой я бы никогда не заподозрила в хрупкой девушке. Она словно цеплялась за якорь спасения.

Я вынуждена была остаться. Но я была обеспокоена. Разумеется, эти приступы – не просто предлог избегать нежелательных ситуаций. Викторина нуждалась в гораздо большем, чем забота преданной, но невежественной горничной. – Викторина? Тамарис?

Ни разу в жизни я не испытывала такой радости – на лужайку

вышел Ален. Судорожная хватка Викторины ослабла. Я едва успела подхватить ее, чтобы она не соскользнула на землю.

Вдвоем мы доставили ее в дом. Ален нес ее, а я отводила кусты, чтобы не цеплялись за платье и шлейф. Когда мы принесли ее в спальню, Амели уже была там, словно знала, что она может понадобиться. Пока она хлопотала, укладывала хозяйку в постель, разрешив мне оказать лишь минимальную помощь, Ален дожидался в гостиной. А я так мало могла объяснить ему…

– Она больна, – Амели стрельнула враждебным взглядом через постель. – Всегда одно и то же – головные боли, когда она слишком разволнуется. Сейчас она спит, а когда проснется, все будет в порядке, уверяю вас!

Я подумала, что сейчас Викторина, наверное, просто спит. Но то, что такие приступы взывают к лечению – самоочевидно. Однако, когда я вышла к Алену, то подумала, что обсуждать это в комнатах Викторины не стоит. Амели может держать ухо востро не только ради своей хозяйки, но и по каким-нибудь собственным причинам.

– Что случилось? – я уловила нетерпение в голосе Алена. – Что вы обе делали в саду, Тамарис?

Я сделала предостерегающий жест в сторону двери и спокойно ответила:

– У Викторины началась мигрень. Она подумала, что прогулка на свежем воздухе поможет.

Выражение его лица слегка изменилось. Он успел заметить и понять мое предупреждение, ибо сказал:

– Хорошо, что вы нашли ее. Мы должны дать ей отдохнуть.

Он открыл дверь в холл, пропустил меня вперед, а затем плотно захлопнул ее за нами. Он ничего не говорил, пока мы не достигли моей комнаты. Потом, не оставляя мне пути к отступлению, Ален открыл дверь и сделал мне знак войти.

Я опасалась, что Фентон дожидается меня. Но комната была пуста и освещалась только одной притушенной лампой.

– А теперь выкладывайте правду. Что случилось?

Я принялась описывать молодого человека, с которым видела Викторину на балконе, и лицо Алена окаменело.

– Значит, я ошибся, – прервал он меня, словно бы размышляя вслух. – Значит, он все-таки осмелился прийти сюда! И если возможно… Но, скажите, как вы-то попали в сад"

Я изложила свою историю как можно короче, но не опустила встречи с Генри Биллом. Ален кивнул.

– Да, я тоже его встретил. Я увидел вас с террасы и последовал за вами. Хорошо, что я это сделал.

О чем же он тогда подумал? Будто я столь ненадежный страж,

что могу направиться на тайное рандеву после всех моих рассуждений о долге? Но ни презрение Алена, ни возможные подозрения не брались сейчас в расчет. Имела значение только Викторина.

– Вы смогли бы узнать этого молодого человека?

– Да. Без всякого сомнения.

– Отлично. Я хочу, чтобы вы пошли со мной. Если вы увидите его, покажите мне. Мне его описывали, но лично с ним я никогда не встречался. А всем прочим скажем, что Викторина плохо себя чувствует и ей нужен отдых.

Когда мы вернулись в холл, то сразу столкнулись с миссис Дивз.

– Ален! Где вы были! Судья Стивене с супругой уже собрались уезжать.

Полностью игнорируя меня, она по-хозяйски подхватила его под руку и потянула за собой. Я могла понять его затруднение. Но теперь мне приходилось охотиться за таинственным собеседником Викторины в одиночку.

Это было нелегко. Все гости непрестанно ходили туда-сюда не ограничиваясь при этом одним залом. Как можно в таких условиях найти кого-то? Я все же попыталась, но быстро обнаружила, что приходится то и дело останавливаться и обмениваться любезностями с гостями. Ален сделал фатальную ошибку выставив меня в начале бала принимать представления и тем придав мне, отчасти, статус хозяйки.

Достигнув застекленной веранды, я увидела кружок дам, образующих свиту пожилой величавой особы, в которой я опознала грозную миссис Уильям Гвин, почти два десятилетия возглавляющую местное общество. Черный бархат и жемчуга весьма приличествовали ее роли, и, судя по почтению окружающих, она еще пребывала в зените своей власти.

С краю этого маленького кружка, который я попыталась было обойти, я увидела даму, не столь занятую обхаживанием своей предводительницы, как прочие. Миссис Билл, разодетая в лиловую парчу и усыпанная бриллиантами, оглядывалась, словно искала кого-то. Затем ее глаза встретились с моими.

Она грациозно отделилась от общества и отрезала мне путь к бегству в оранжерею.

– Мисс Пенфолд! – Она столь громко произнесла мое имя, что я была вынуждена оказать ей внимание. – Я еще не имела случая поговорить с мисс Соваж…

Я была удивлена, поскольку совсем недавно она всячески давала понять, что вовсе не желает продолжать знакомство. Но сейчас она держалась столь уверенно, что я не могла

вывернуться, не прибегая к открытой грубости.

– Викторина плохо себя чувствует, миссис Билл. Она только что удалилась к себе. Мигрень, знаете ли…

На мгновение мне показалось, что она готова оспорить мое утверждение. Затем какая-то новая мысль, похоже, сдержала этот порыв, и она произнесла совершенно иным тоном:

– Какая жалость. Она такая красавица. Сегодня вечером я слышала множество комплиментов в ее адрес. Надеюсь, ее недуг не очень серьезен?

– Вовсе нет, – отвечала я со всей уверенностью, на какую только была способна. – Она подвержена таким приступам, когда устанет или переволнуется. Сегодня ей хватило и того и другого.

– Да, важный вечер для каждой девушки – ее официальное вступление в свет, – отсутствующим тоном произнесла миссис Билл. Вы ведь уже давно знакомы с мисс Соваж, не правда ли, мисс Пенфолд?

Я почувствовала, что она спрашивает неспроста, и забеспокоилась. Но чистая правда в таком случае – неплохая защита.

– Только с ее приезда в Нью-Йорк. – Я вовсе не лгала.

– Так вы не знали ее во Франции… когда она была младше?

– Нет, миссис Билл.

– Странно, что она не приехала к своему брату раньше. Моя сдержанность, похоже, вынуждала ее открываться все больше и больше. В ее голосе звучала требовательная нота. Конечно, история прошлого Викторины уже должна была стать общим достоянием. Слухи и сплетни на этот счет тоже сыграли роль. И то, что Ален Соваж уезжал на призыв дотоле никому не известной сестры, просто обязаны были знать все «старые семейства».

– Я ничего об этом не знаю, миссис Билл, – твердо ответила я.

Хотя тщательные ухищрения помогали ей сохранить видимость юности, однако сегодня она казалась несколько увядшей, возможно, из-за яркого света. Взгляд ее стал тяжелым.

– Конечно, вы обязаны так говорить! – вспыхнула она. – Должно быть, ей стоило большого труда восстановить треснувшую лакировку светских манер. – Объяснюсь откровенно: я, как мать, хочу узнать побольше о молодой леди, к которой мой сын пытает довольно сильный интерес.

Ее объяснение было столь очевидно фальшивым, что она, должно быть, осознала это, еще не кончив говорить. Я не верила, что она испытывает к Генри какие-либо материнские чувства. Она даже не пыталась объяснять дальше, только уставилась на меня каким-то диким взглядом. Я удивилась, потому что прочла в ее взгляде отчаяние, превосходившее все мои представления.

Словно… словно она обнаружила в Викторине некую опасность.

Она отвернулась, вертя в руках отделанный кружевами веер. Хотя она и недурно владела лицом, стиснутые руки ее выдавали. Я услышала треск пластин слоновой кости. Она как-то странно взглянула на сломанный веер, слабо вскрикнула и бросилась прочь.

Я вышла на веранду. Там тоже были люди, хотя толпа и начинала редеть, поскольку подавали ранний завтрак. Некоторые гости вызывали свои экипажи. Но нигде я не увидела того молодого человека.

Позже в главном зале я встретилась с Аленом, провожавшим гостей. Он вопросительно взглянул на меня и я молча ответила, покачав головой. Миссис Дивз наконец добилась места рядом с ним и была по-королевски самоуверенна. Я выскользнула прочь, не пытаясь заговорить с ним.

Солнце уже вставало, когда я обрела покой у себя в комнате. Я успела нанести визит Викторине, и нашла ее спящей, с Амели на страже. В гостиной дожидалась другая служанка, присланная Аленом на всякий случай, а точнее, как я предположила, для уверенности, что никто не нарушит покой Викторины.

Фентон, помогавшая мне снять платье, выказала редкую предупредительность и не болтала. С тех пор, как я последовала в сад за Викториной, миновала тягостная, длинная, хлопотливая ночь, и я была рада, что она, наконец, кончилась. Я проспала почти весь день, но сон не освежил меня и, поздно проснувшись, я сохранила воспоминание о беспокойных снах, и голова у меня болела. Но позже, выпив чаю, я немного пришла в себя.

Придя к Викторине, я нашла там миссис Дивз, сидевшую в кресле у самой постели. Девушка полулежала на подушках и, хотя она выглядела еще слабой, лихорадочный румянец сошел с ее щек. Она улыбнулась мне.

– Наконец-то, Тамарис! – Она достала маленькие часики из кружевного кармашка на внутренней стороне полога, сверилась с ними, и нахмурилась с шутливой укоризной. – Вы все спали и спали. Амели дважды ходила к вам, но Фентон прогоняла ее прочь. Вы что, принимали какие-то порошки?

– Нет. Это просто усталость после долгой ночи, полной волнений. Но как вы себя чувствует, Викторина?

Она зажала уши ладонями.

– Я не хочу больше слышать этого вопроса! Я чувствую себя гораздо лучше, но никто в это не верит. Теперь Ален говорит, что в понедельник мы поедем в город, и там мне придется показаться врачу, чтобы доказать, что я всего лишь немного утомилась. В комнатах было так жарко, что я вышла в сад, потом пошла

слишком быстро и продрогла… и поэтому у меня разболелась голова. И для всех этих ахов и охов нет ни малейшего повода! Я говорила Алену, но он не слушал. Он сделал суровое лицо и сказал, что я непременно должна показаться доктору. Ну и прекрасно, так я и сделаю. Вот тогда Ален усвоит, как глупы его сомнения, и мы больше никогда о них не услышим. Со мной всегда бывало так, даже в раннем детстве. Амели знает, что надо сделать, чтобы я снова почувствовала себя лучше. А обращаться к врачу – глупость.

Но я была уверена, что в саду она с кем-то встречалась. Если Кристоф Д'Лис преследует ее, если именно его я видела с ней на балконе, вполне можно предположить, что она обещала встретиться с ним. Эти слова, что я уловила – канун Святого Иоанна… Следовало найти святцы и посмотреть, какое это число.

Но сейчас я приняла – для вида – объяснения Викторины, и вежливо поприветствовала миссис Дивз, выразив надежду, что ей понравился бал.

– Просто чарующая ночь. Да вы и сами должны знать, мисс Пенфолд. Сад прекрасен в лунном свете, особенно для интимных бесед и прогулок, не так ли? – В ее словах слышалась плохо скрытая злоба.

Я вздрогнула, на мгновение решив, что она была свидетельницей тайного свидания Викторины. Однако ее злоба явно была направлена на меня.

– Мистер Билл очень любезен, – продолжала она, эдак лениво мурлыча. – Только, возможно, мне следует предупредить вас, мисс Пенфолд, что относительной свободой в обществе пользуются только замужние дамы, а незамужняя, даже и в зрелых летах, встретит много суровых глаз, готовых отметить малейший промах в ее поведении.

– Это хорошо известно, миссис Дивз. – Если она ожидала каких-либо протестов от оскорбленной невинности, то она промахнулась. Я заметила в лице Викторины слегка злорадное удовольствие, смешанное с удивлением. Наверное, она гадала, что я делала в саду.

– Мистер Билл? – повторила Викторина. – Тамарис, возможно ли, что галантный Генри проявил прошлой ночью внимание к вам? Ах, какое разочарование! Я ведь думала, что он ездит сюда ухаживать за мной! – Она насмешливо вздохнула. – Итак, вы увлекли в сад мистера Билла, или он увлек вас? Фи, Тамарис, вы всегда так много говорите о поведении, подобающем леди. Неужели на вас так сильно повлияла луна?

Ее тон был легок, пусть даже в нем и содержалось немного яду, но отнюдь не злоба, как у миссис Дивз.

– Я была в саду, потому что увидела, как вы покинули дом, и испугалась – правильно, как оказалось – что вам станет плохо. Разыскивая вас, я столкнулась с мистером Биллом. Вот и вся история про мои прогулки при луне.

Викторина рассмеялась.

– Если он курил одну из этих tres horreurs [15] сигар, которые он обожает, то я довольна, что он не нашел меня. Ненавижу этот запах. Мне от него худо, даже хуже, чем от моих мигреней. Pauvre[16] Тамарис…

Она состроила такую рожицу, что я не могла не подхватить ее смех.

– О, все было не так уж страшно. Мы были на воздухе, и он уже докурил сигару, прежде чем встретился со мной. Мы говорили всего минуту или две. Он искал вас, ведь вы обещали ему танец.

– Так он и сказал, – заметила миссис Дивз.

Я гадала, что произошло между нею и Генри Биллом. Если он намекнул, что я направлялась на свидание, ее бы это только порадовало. Однако Генри Биллу следовало бы заодно намекнуть что здесь замешан другой мужчина, а не он сам.

В любом случае, сейчас эта сплетня не имела значения, поскольку Ален Соваж знал правду. И если миссис Дивз захочет опорочить меня перед ним, она не преуспеет.

Остаток дня я провела с Викториной. Миссис Дивз лишила нас своего общества вскоре после моего прибытия, оповестив, что должна присоединиться к Алену, который собирался править сам каретой четверней (последняя новинка в здешних краях), чтобы провезти избранных гостей по поместью. Когда за ней закрылась дверь, Викторина села прямо и с силой произнесла:

– Настоящая d'chat! Разве вы не слышали по ее голосу, что она прямо пышет торжеством! Она уже воображает себя хозяйкой, приказывающей всем… включая меня! До тех пор, пока не спихнет меня замуж за чьего-нибудь дуболома-сынка с жирным загривком и грубыми лапами! Говорю вам: она не получит Алена, не получит! – Ее изящные руки сжались в кулаки, и она ударила ими по покрывалу, накинутому на ее колени.

– Я думаю, ваш брат сам должен решать вопрос относительно своей женитьбы, и не сомневаюсь, что он сделает это разумно, – отвечала я по возможности спокойным тоном.

Однако триумф, которого прошлой ночью добилась миссис Дивз, помешав Алену в поисках незнакомца, не выходил у меня из головы, как и то, что она разыгрывала роль хозяйки, провожая гостей. Но Викторина была в сильном возбуждении, и я поспешила успокоить ее, напомнив, что он не предлагал миссис

Дивз принимать гостей, а предназначил эту роль Викторине. Именно ее он усадил во главе стола прошлой ночью, и ей же предоставил открыть бал.

– Да, вы правы, – согласилась она. – Но когда дело касается женщин, мужчина становится совершенно слепым и не видит даже самых явных ловушек. Я не люблю Огасту, а она решила непременно стать женой Алена. – Она сунула руку под подушки и вытащила, крепко зажав в кулачке, какой-то предмет. Я уловила блеск золота, но не разглядела, что она держит, поскольку она прижала руку к груди, стиснув то, что прятала, между телом и ладонью.

Веки ее опустились. Сперва я подумала, что это от утомления, но затем поняла, что она глубоко задумалась. В это мгновение она отдалилась от меня. Амели вышла вперед и сделала мне знак. Я обнаружила, что покорно, без слов поднимаюсь из кресла, чтобы оставить Викторину и ее самозванную охранницу одних. Сейчас я хотела бы увидеть Алена и увериться в его присутствии, что сгущающиеся тени – лишь плод моего воображения. Но Ален был с гостями, и мне пришлось ждать в одиночестве.

Викторина спустилась к обеду, оживленная и очаровательная. Возможно, ей пришлось пересилить себя из опасения, что, если ее не будет, миссис Дивз и дальше будет разыгрывать здешнюю хозяйку. Но если даже и так, следов усилий не было видно.

Поскольку это был воскресный вечер, мы предавались пристойным развлечениям. Несколько часов мы провели в Белой комнате с фресками, где две девушки из Брайтона пели и музицировали, а джентльмены периодически выходили, наверное, покурить и обсудить вопросы политики или бизнеса, считавшиеся слишком сложными для женского разумения.

Ален этим вечером не совершал тайных вылазок в сад, он оставался сидеть между Викториной и миссис Дивз. Я держалась в стороне от общества, довольствуясь возможностью просто посидеть и отдохнуть.

Когда на следующий день мы ехали в Сан-Франциско (точнее, через два дня, потому что Ален хотел оградить Викторину от переутомления и растянул наше путешествие вдвое), миссис Дивз все еще разделяла наше общество. Викторина много чего бубнила на этот счет, я лишь надеялась, что ни Амели, ни Фентон, сидевшие с нами в карете, не расслышат ее. Она выражала надежду, что дорогую Огасту в легком экипаже Алена будет всю дорогу тошнить, и это, конечно, несколько охладит ее брата. Однако, если быстрая езда и вызвала у миссис Дивз подобные ощущения, она не выказала никаких признаков дурноты.

В эти часы у меня было время глубоко и серьезно поразмыслить о себе самой. Чувство долга не позволяло мне покинуть Викторину, ведь она была действительно больна. Но какой-то внутренний инстинкт предупреждал, что я лишусь душевного спокойствия, если останусь. Я нашла в себе силы взглянуть правде в лицо. Ален Соваж (я уже больше не думала о нем как о «мистере Соваже») стал для меня – безо всякой моей на то воли – центром всего, он слишком сильно занимал мои мысли. Стоило ему войти в мою комнату, чтобы я потом весь день ощущала его волнующее присутствие.

Романтическая любовь, как ее описывают авторы чувствительных романов… Я долго испытывала серьезные сомнения, что такое чувство вообще существует, считая его писательским вымыслом, и никогда бы не поверила, что буду подмечать малейшее движение единственного мужчины, ловить каждое его слово, удерживать себя, но страстно желать малейшего предлога побыть с ним.

Это открытие смутило меня. Меня даже страшило то, что таилось на дне моей собственной души. Спасение было в отчужденности, в стремлении избегать всего, что могло поколебать маску, которой я так старательно прикрываюсь. Ведь если я буду настолько глупа, что уступлю этому новому чувству, я уже никогда не буду хозяйкой себе.

Впервые за долгое время я нуждалась в совете женщины старше и мудрее себя, кому я могла бы рассказать все без утайки и спросить, что мне делать с этим? Может быть, мне следовало покинуть это семейство, пока я не увязла слишком глубоко и оставалась еще надежда вернуть покой для сердца и ума.

Однако мне не к кому было обратиться. Из всех, с кем прежде сталкивала меня жизнь, близок мне был только отец. И даже если бы он был здесь, существовало нечто, чем я не могла бы поделиться даже с ним. Следовало полагаться только на себя, и ошибка могла стать роковой.

Осознав это, я испугалась. Я чувствовала себя так, будто меня все быстрее и быстрее несет к чему-то мрачному и опасному, а у меня нет ни сил, ни желания бороться.

Ален поместил нас в том же отеле, где мы останавливались раньше. Викторина, казалось, пребывала в добром здравии: она была полна сил, без устали сновала по квартире, бросаясь от окна к окну, чтобы посмотреть, что делается внизу. Довольно странно, что она ни разу не предложила поездить по магазинам, хотя мы выезжали в город каждый день. Обычно мы посещали Вудвард-Гарденз, где могли полюбоваться знаменитыми черными лебедями на озере и цветочными лужайками вокруг оранжерей.

Викторина предпочитала наблюдать эти красоты, оставаясь в экипаже. И, когда я предлагала посетить картинную галерею, а миссис Дивз – театр, ответом Викторины неизменно было «позже». Поскольку она не была больна, я полагала, что она чего-то ждет… или, может быть, кого-то? Возможно, она боялась оказаться в отсутствии, когда появится этот кто-то.

Доверенный врач Алена уехал на побережье, и мы должны были ждать его возвращения, в то время как сам Ален был завален множеством дел. В те дни я узнала о лихорадочной спекуляции акциями рудников, причем занимались этим не только мужчины, но и женщины тоже. Я наслушалась удивительных историй о судомойках, которые вчера еще стояли у своих корыт, а на следующий день могли накупить бриллиантов, чтобы унизать свои опухшие красные пальцы.

Я гадала, втянуты ли компании Соважа в эту авантюру. Но когда миссис Дивз однажды спросила о таком помещении капитала, Ален довольно резко отозвался о подобной купле-продаже. Его интересы занимали не только рудники – в эти дни я узнала о его власти над целой «империей», включающая в себя скотоводческие ранчо, лесоразработки, шахты, пакетботы и торговые корабли, пересекающие Тихий океан.

На третий день нашего бесцельного сидения в городе он вернулся поздним утром, принеся с собой, как всегда, свежий ветер, ожививший наше тепличное, расслабляющее бытие.

– Берите ваши шляпки, леди, ваши мантильи, жакеты, все, что вам потребно. Мы едем с визитом.

Он был так оживлен и напорист, что я сразу встала, заинтригованная и тем, и другим. Но Викторина, раскинувшись на диване, томно спросила:

– Куда мы едем?

Голос ее прозвучал капризно, словно она сразу хотела сказать «нет», но не решалась.

– На «Рани». Корабль только что встал на якорь и привез сокровища, которые вас удивят. А теперь поторопитесь, экипаж ждет.

Возможно, именно магическое слово «сокровища» разогнало тучи, набежавшие на чело Викторины. Я сама была немало возбуждена, пришпиливая шляпку, и на меня нахлынули воспоминания… слишком сильные. Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз ступала на палубу корабля, вдыхала его особую атмосферу, которая, сочетая в себе множество запахов, для меня неизменно означала счастье.

Глава десятая.

Пока мы ехали, Викторина задавала множество вопросов. Но я сидела молча, мысленно предвкушая предстоящее. Эта часть города отличалась от той, что я уже видела, ибо мы сейчас углубились в дебри Варварского Берега с его дурной славой.

Шум и крики достигали наших ушей даже сквозь закрытые окна кареты. Здесь, как я слышала, бродили банды хулиганов, а полицейские (специально отбираемые за силу и отвагу, вооруженные как ножами, так и пистолетами) осмеливались появляться только по двое и по трое. Этот район города славился по многим морям. В грязных ночлежках и безымянных пьяных притонах вербовщики занимались своим ремеслом, подбавляя наркотики в выпивку подгулявших матросов, обирали их до нитки, и затем отправляли их, бессильных и зачастую смертельно больных, пополнять команды стоящих на якоре кораблей.

Мой отец никогда не действовал через вербовщиков. Он рассказывал, что дважды в этой гавани ему вместе со своей командой приходилось драться, чтобы вышвырнуть их с палубы. А от его историй о портовых кварталах Сан-Франциско меня дрожь пробирала.

Но когда мы наконец ступили на палубу «Рани», я огляделась кругом с почти болезненным чувством. «Рани» была одним из тех прекрасных клиперов, что ныне, увы, быстро вытесняются пароходами.

Нет больше прекраснейших кораблей из всех, что когда-либо плавали, воплощенной мечты моряков, бесстрашно бороздивших на них воды, где никогда прежде не видели американского флага. «Рани» принадлежала к вымирающему племени, и за это я любила ее.

Нас встретили капитан и его первый помощник. Когда нас проводили вниз, Викторина посетовала, что с трудом удерживается на ногах, но я обнаружила, что не утратила морской походки и не нуждаюсь в чужой руке для поддержки.

Капитан Мэксфилд принял нас по-королевски. Нам были поданы коробки с засахаренным имбирем и другими чужеземными сластями. Хотя для меня они не были ни чужеземными, ни экзотическими. Я разглядывала разные диковины из далеких стран, вроде тех, что собирал когда-то мой отец: свитки китайских картин, устрашающую маску, рот которой был усажен зубами акулы, малайский нож, на чьем лезвии оставил следы морской воздух.

Я поклевывала имбирь и переводила взгляд с одной стены на

другую, покуда мои грезы не прервал первый помощник.

– Извините, мисс Пенфолд, но, как поглядишь на вас, можно подумать, что вы уже бывали здесь раньше.

– Бывала. – Заметив его удивленный взгляд, я объяснила. – Нет, я не имела в виду ваш корабль. Но моим отцом был капитан Джесс Пенфолд, и я плавала вместе с ним много лет. В сущности, я и родилась на борту корабля.

– С ума сойти! – Я подумала, что в своей модной упаковке выгляжу весьма далекой от спартанской морской жизни. – Капитан Пенфолд? О, я слышал о нем в Кантоне. Он был в большой дружбе с купцом Хо. Там о нем до сих пор вспоминают.

– Я так рада! – Человек должен оставаться в памяти тех, с кем он был связан при жизни. И то, что его все еще вспоминают с уважением, наполнило меня гордостью и счастьем.

– И еще я слышал, что он разбил пять пиратских джонок в Японском море, – продолжал мистер Уиккер. – Но это уж сказка!

Я улыбнулась.

– Одна из тех, что рождаются при пересказе. Я, видите ли, была там. Всего-то было две джонки, и у одной, должно быть, пьяный рулевой, так неустойчиво она шла. Но когда они атаковали, это было страшно.

– Две или пять – какая разница? Нужно быть настоящим мужчиной, чтобы сделать такое. С этими восточными пиратами я не пожелал бы встретиться, разве что с парой пушек, готовых к бою, и с пистолетом в каждой руке. Большая потеря, мисс Пенфолд, что эти дьяволы с конфедератских рейдеров загубили такого человека и его команду, – прямодушно закончил он.

И снова я была тронута, польщена и горда мыслью, что о моем отце так вспоминают.

– Итак, леди, – капитан, до того беседовавший с Аленом, встал. – Мистер Соваж считает, что вам будет интересно взглянуть на сливки нашего груза до того, как их запрут в банковских сейфах.

Он подошел к небольшому сейфу, прочно привинченному к полу, и вынул оттуда металлический ящик. Из него капитан достал несколько ящичков поменьше, обернутых индийским хлопком-сырцом, и тут нам открылись сказочные сокровища.

В одном ящичке были жемчуга, матово мерцавшие на тусклом сырце. Второй ящичек содержал камни с Цейлона – рубины и сапфиры, а третий – нефрит. Не тот нефрит, что обычно экспортируется на Запад, но полупрозрачный «императорский» нефрит, который так строго охраняется в пределах Китая, что большинство уроженцев Запада даже не подозревают о его существовании. Этот нефрит являл собой не просто камни, как в

других контейнерах, но был обработан и покрыт резьбой. Здесь была бабочка, две превосходных серьги, браслет, на котором были вырезаны крошечные сложные сценки – все это вполне могло принадлежать придворной даме.

– Этот нефрит… Как он вам достался? – вырвалось у меня. Капитан Мэксфилд усмехнулся.

– Честным путем, мисс Пенфолд, хотя вы, возможно удивитесь, когда узнаете, каким. Дело в том, что нам повезло в Проливах. Пираты пытались сыграть с нами одну из своих дьявольских штучек – пустили по воде шлюпку с закрепленным торчком веслом, а на него привязали обрывок рубахи – вроде как сигнал бедствия. Однако один из наших, что ходил на корабле, несколько лет назад едва не вляпался в такую ловушку. Поэтому мы сделали вид, будто заглотили приманку, а сами захватили их дау [17] , когда она подвалила к нашему борту. Это, – он постучал по крышке ящика обветренной смуглой рукой, – мы нашли в кающе капитана. Неизвестно, ни где он захватил это, ни когда. В любом случае, законных владельцев нет: они, скорее всего, давно мертвы. Поэтому эти сокровища – наша законная добыча.

– Так и есть. После аукциона или продажи – это уж как вы решите, – живо сказал Ален, – вырученная сумма будет разделена между командой. Я дам вам расписку за ящик и отправлю его прямо в банк. Сам Таккер должен оценить его. Он может предложить вам выкупить их; мой совет – соглашайтесь. Его ювелирный магазин – лучший в городе.

– Мы оставляем все это на вас, мистер Соваж. В любом случае вы получите долю судовладельца.

– В этом случае – нет. – Ален покачал головой. – Я не могу претендовать на добытое в бою. Вы рисковали своими жизнями, а не я.

Капитан достал перо, бумагу и чернила, Ален написал расписку. Поверх его склоненного плеча я взглянула на миссис Дивз и Викторину. Первая хмурилась, но глаза Викторины были устремлены только на драгоценности. На ее лице был написан своего рода голод – словно она видела пищу, лежавшую вне пределов ее досягаемости.

На меня драгоценности тоже произвели впечатление, особенно нефрит. Но затем я содрогнулась, представив, каким путем они попали в руки пирата из Проливов. Я была уверена – всякий, кто наденет их, зная их историю, никогда не сможет чувствовать себя чистым.

– Ален, – спросила Викторина, когда мы снова оказались в карете. – Эти прекрасные вещи… Кто их купит?

– Возможно, Таккер. Его «Бриллиантовый Дворец» может себе

это позволить. И в любом случае капитан Мэксфилд может довериться ему как честному оценщику. Что ж, теперь вы повидали то, что можно назвать «сокровищами Индии».

– «Сокровищами Индии»… – мечтательно повторила она.

– Но большая часть выручки пойдет на ветер! – В голосе Миссис Дивз звучало раздражение. – Эти люди были вполне готовы отдать вам долю судовладельца, Ален. А теперь она уйдет в карманы простых матросов и будет растрачена в подобных местах! – Она взмахнула затянутой в перчатку рукой в сторону улиц Варварского Берега.

– Не простых матросов. Очень даже не простых, если они оказались способны сделать то, что сделали. Нет, судовладелец получает доход от обычных торговых рейсов. Эта же находка стала следствием того, что они рисковали своими жизнями. И они так же вправе извлечь выгоду из своих усилий, как и все прочие люди. Этот нефрит… он, должно быть, составлял гордость какой-нибудь принцессы или императорской наложницы. Каким ветром занесло его в сундук пирата в Проливах?

– Таким, о котором я бы не решилась говорить подробно, – высказала я вслух свои прежние мысли.

– Совершенно верно, – согласился Ален.

Мы не сразу вернулись в отель, сначала Ален свозил нас в знаменитый французский ресторан «Пудель». Там нам подали яства, каких я не видела и не пробовала с тех пор, как покинула Брюссель на борту «Королевы Индии». Когда мы уже вставали из-за стола, я мельком заметила у колонны смуглого человека, смотревшего на нас.

Был ли это тот самый молодой человек, с которым я видела Викторину на балконе? Или он мне уже мерещился в любом мужчине сходного роста и цвета кожи? Взгляд мой был столь мимолетен, что я не была уверена.

Когда Ален уже усаживал нас в экипаж, подбежал официант. Он прошел мимо мистера Соважа и протянул Викторине сложенный носовой платок.

– Мадемуазель уронила вот это…

Викторина пробормотала слова благодарности, скомкала платок и сунула его за кружевную манжету платья. Вполне незначительный инцидент и явно невинный… но он отложился в моей памяти.

Когда мы вернулись в «Лик-Хауз», Алену поднесли телеграмму, содержание которой заставило его нахмуриться. Он сжал губы, и все резкие линии его лица обозначились сильнее.

– Дурные новости? – быстро спросила миссис Дивз. Она явно готовилась выразить сочувствие, но я не могла представить,

чтобы Ален Соваж захотел этого, какие бы удары не нанесла ему жизнь.

– Снова нелады на «Лошадиной подкове». Думаю, что я напрасно послал разбираться Паркинсона: он просто не умеет как следует работать с людьми. Пришло время сменить его там, но это означает новую поездку в Вирджиния-Сити. Я должен ехать как можно скорее.

– Итак, – заметила Викторина после его отъезда, – он не отослал нас обратно в деревню. Здесь есть что сделать, что повидать…

– Но вы же ничего не хотели делать! – Я была более встревожена переменой обстоятельств, чем осмеливалась высказать. Снова вся ответственность была на мне, и если Викторина только и дожидалась, чтобы Ален уехал… что я могла сделать?

– Это потому, что Ален все время говорил о docteur и что я не должна переутомляться, пока ему не покажусь. Теперь здесь больше нет Алена, никто не качает головой и не говорит, что мне следует вести себя осторожно. Я не больна, я ему так и говорила – и всем вам тоже, – но он никогда не слушал. И тогда, и раньше у меня была простая мигрень и немного кружилась голова. Теперь я не чувствую ничего подобного, и мы будем делать, что захотим, но уже без мрачной мины Алена. – Углы ее рта опустились, словно она передразнивала брата.

Однако она не собиралась начинать незамедлительно, за что я была благодарна, Напротив, она удалилась в спальню, сказав, что сейчас должна отдохнуть.

Мы уже получили визитки от тех, кто побывал на балу, но были избавлены от тягот обязательных визитов болезнью Викторины и еще тем, что мы приехали в город исключительно чтобы повидаться с врачом.

Я подумала, что миссис Дивз будет тяготиться нашей изоляцией и отсутствием Алена. Теперь она могла возобновить связи с прежними друзьями, и мне придется одной опекать Викторину.

До сих пор девушка была достаточно свободна, но беспокойная живость, которую она снова выказала утром, бродя от окна к окну, меня обескуражила.

Миссис Дивз удалилась с грудой записок, на которые она, по ее словам, должна была ответить незамедлительно.

На меня тоже подействовало беспокойство Викторины, и я не могла усидеть ни с книгой, ни с шитьем. Викторина с самого начала нашего знакомства ясно показала, что ее единственное чтение составляют модные журналы. Если она и открывала книгу,

то лишь из любопытства: чтобы посмотреть что такого привлекательного находят в ней другие.

Хотя у нее были ловкие пальцы и она умела делать разные забавные пустячки вроде чепчиков, жабо и тому подобного из обрезков кружев, лент и искусственных цветов, но и на этом не могла сосредоточиться надолго. Она отбрасывала рукоделие незаконченным, потеряв к нему всякий интерес, предоставляя Амели делать последние стежки.

Сейчас же она хлопнула в ладоши, как делала всегда, призывая горничную – жест, который, по-моему, неприятно напоминал обычаи рабства. Правда, ни госпожа, ни служанка, похоже, не считали его оскорбительным.

– Амели! Принеси мне карты! – приказала она таким резким тоном, какого я никогда не слышала у нее в обращении с горничной.

Амели же, вопреки своему обычаю мгновенно подчиняться, двинулась не сразу. Я видела, как шевельнулись ее губы, будто она хотела что-то сказать. Потом она вопросительно глянула в мою сторону.

– Ты что, не слышала? – Нетерпение Викторины росло. Похоже, она отвергала некий немой протест служанки. Ее пальцы метнулись к горлу, отчасти приоткрыв под кружевом сорочки змеиное ожерелье. – Принеси сейчас же карты!

Амели вышла с явной неохотой, а Викторина выбрала один из маленьких столиков и быстро освободила его от вазы с розами, серебряного подноса с визитками и полупустой коробки конфет. В довершение она сдернула пурпурную плюшевую скатерть, обнажив полированную столешницу.

Пинком отшвырнув скомканную скатерть, она двумя толчками подвинула столик к своему креслу. Вернулась Амели с черным ларчиком в руках, но не сразу передала его хозяйке. Напротив, она стояла у стола, прижимая свою ношу к груди, словно бы не желая уступать. Пристальный взгляд Викторины встретился со взглядом служанки. Медленно, очень медленно Амели поставила ларец. При этом стал ясно виден ее отвратительный браслет с пауком. Я гадала, зачем она носит это украшение, столь искусное, что я вздрагивала всякий раз, как его замечала.

– Ты можешь идти! – в голосе Викторины был лед.

Амели медленно удалилась. Если она задерживалась, надеясь, что настроение хозяйки изменится и та снова ее позовет, то она просчиталась.

Викторина не обращала на меня внимания. Она вела себя так, словно была в комнатке одна, двигалась быстро, как будто

повторяла действия, многократно проделанные раньше. Она коснулась крышки ларчика, та откинулась, и Викторина извлекла колоду карт.

Это была не обычная колода вроде тех, какими играют в вист. В белых, прекрасно ухоженных руках Викторины они выглядели так, как если бы она зачерпнула из канавы пригоршню грязи. Насколько я могла разглядеть, их с обеих сторон покрывала именно застарелая грязь. Такими мерзкими картами могли бы играть на Варварском Берегу, но Викторине они явно не внушали отвращения.

Она трижды перетасовала карты перед тем, как разложить их на столе лицом вверх на какой-то запутанный манер, не принятый ни в одном известном мне пасьянсе. Некоторые карты укладывались крест-накрест. И пользовалась она не всей колодой, а только частью ее. Для нее это явно было серьезно, сосредоточенность ее достигла такой силы, какой она никогда раньше не выказывала.

Последние несколько карт легли рубашкой вверх. Эти она собрала одну за другой, рассмотрела и раскидала направо и налево. Я была так удивлена, что привстала, чтобы посмотреть через ее плечо.

На этих картах не было обычных мастей. Сердца, бриллианты, дубинки и шпаги [18] – ничего подобного. На них были нанесены совсем другие рисунки, но они были настолько покрыты грязью, что их трудно было рассмотреть, только на одной виднелась рука, сжимающая кинжал, а на другой – черная змея, обвившая жезл.

Викторина перевернула последнюю карту и присоединила ее к одной из кучек, потом нахмурилась и что-то забормотала на диалекте, которого я не понимала. С жестом то ли нетерпения, то ли ярости сгребла карты в кучку и швырнула их обратно в ларец.

Прежде, чем я успела о чем-то спросить, она отпихнула столик с такой силой, что он едва не упал, и встала. Только теперь она вспомнила, что не одна в комнате, и повернулась ко мне.

– Я очень устала, и пойду отдохнуть.

Ее отрывистый тон мало напоминал обычную растянутую речь и вид ее вовсе не свидетельствовал об усталости. Напротив, глаза блестели, тело напряглось. Однако она так плотно захлопнула за собой дверь, что я растерялась.

Когда появилась миссис Дивз, дабы объявить, что сегодня мы обедаем с ее подругой, из комнаты Викторины вышла Амели, сказав, что у ее хозяйки мигрень, и она не желает ничего, кроме чашки шоколада.

– Но она же чувствовала себя гораздо лучше! – миссис Дивз была явно раздосадована. – Ну, хорошо, я пошлю записку Эндрюсам…

– Вам нет нужды отказываться от приглашения. – Мне вовсе не улыбалось провести вечер наедине с миссис Дивз, раздраженной тем, что ее лишили развлечений. – Я, конечно же, останусь здесь. И мне вполне хватит пары сэндвичей и чашки кофе. Мистер Соваж оставил пакет с новыми книгами – они пришли утром по почте, – и я прекрасно проведу с ними время. Если Викторине что-нибудь понадобится, я буду рядом.

Она было заколебалась, но жажда удовольствий победила. Я вздохнула с облегчением, когда она уехала. Еще раньше я отпустила Фентон на весь вечер к ее сестре, и в гостиной воцарилась полная тишина.

В пакете с книгами я нашла трехтомный английский роман с весьма интригующим названием «Лунный камень». Имя автора – Уилки Коллинз – было мне смутно знакомо, но сама книга была для меня внове. Я уселась, взяв в руки первый том, и приготовилась спокойно провести вечер. Если за мной и наблюдали из спальни Викторины (что вполне могло быть), я этого не заметила.

Амели пришла за подносом, на котором мне приносили ужин. Но я остановила ее, спросив о самочувствии Викторины. Амели сказала, что госпоже лучше, что она попросила супу и бисквитов, но больше ничего. Она так торопилась уйти, что я не стала ее задерживать.

Книга оказалась захватывающей, даже слишком, решила я, когда читаешь весь вечер в одиночестве. Теперь я чувствовала безотчетный страх и печаль, как будто мне передались тревоги персонажей. Поэтому я отбросила книгу и отправилась спать.

Примерно через час, все еще не в состоянии успокоиться, я накинула халат, надела домашние туфли и решила пойти бросить взгляд на Викторину. Остановившись в дверях ее комнаты, я увидела ее в постели. Она спала, все было в порядке, я могла вернуться. Но я никак не могла уснуть. Воспоминание о мерзких картах врывалось в мой мозг, едва лишь я закрывала глаза. Почему я не попросила Викторину объяснить, что они значат? Если она часто брала в руки эти отвратительные карты, то и вправду могла от этого заболеть! Сама древняя черная Смерть могла налипнуть на них.

Кажется, я задремала, потому что неожиданно я снова оказалась в каюте «Рани». Но добродушный капитан, Ален, миссис Дивз – все они исчезли. Я была наедине с Викториной, и с ее лица на меня смотрело то, что делало ее совершенно другим

человеком – зло.

Ее пальцы ловко двигались, раскладывая эти ужасные карты, но не для пасьянса, а для игры на двоих. На столе между нами высилась груда драгоценностей, с которых медленно стекали струйки крови. Мой ужас перед прикосновением к этим картам, которые она принуждала меня взять, был так велик, что я проснулась, обнаружив, что сижу в постели с беспокойно колотящимся сердцем.

Я задержалась только для того, чтобы набросить халат: я должна была пойти к Викторине и убедиться, что она – не та демоническая тварь, какая привиделась мне в моем фантастическом сне; так сильно повлиял на меня этот кошмар.

И эта потребность развеять иллюзию не оставляла меня, пока я не пересекла темную гостиную и не приоткрыла дверь Викторины. Девушка лежала спокойно и мирно спала. Какая глупость – так впечатляться нелепым сном!

Однако я все же приблизилась к ее постели. Спящая повернулась к ночнику, и теперь я могла видеть ясно ее лицо.

Это была не Викторина!

В постели лежала Амели, одетая в ночную рубашку и чепец своей хозяйки. Если бы она не повернулась, иллюзия в тусклом свете была бы полной. Только случайность… спасибо тревожному сну!

Я схватила спящую девушку за плечи. Мой страх сменился яростью. Что за интрига здесь сплелась?

– Просыпайся! – Я встряхнула Амели со всей силой. – Что ты здесь делаешь? Просыпайся!

Я рывком подняла ее с подушек. Но ее голова бессильно свесилась на плечо, а веки даже не дрогнули. Я слышала ее дыхание, тяжелое и прерывистое. Я снова встряхнула ее, предположив, что она пьяна.

Но где Викторина? И почему на Амели ее ночной чепец и кружевное белье? К чему эта подмена?

Служанка мертвым грузом лежала у меня на руках без малейших признаков сознания. Я опустила ее на подушки. Что делать? Куда ушла Викторина и зачем? Я боролась с паникой, пытаясь рассуждать спокойно. Была Амели участницей заговора или, каким-то образом, его жертвой? Ее беспомощное состояние вновь пробудило мои страхи.

Решив, что следует все толком осмотреть, прежде чем звать на помощь, я зажгла вторую лампу, и, держа ее в руке, прошла через комнату к гардеробу. Распахнув его, я отчасти получила ответ на свой вопрос.

Без сомнения, здесь рылись в спешке. Мантилья лежала на

полу, платья были в полном беспорядке, а два саквояжа, стоявшие раньше в глубине, исчезли. Беглого взгляда на столик у трюмо хватило, чтобы понять – пропал ларец с драгоценностями Викторины и некоторые ее косметические принадлежности.

Я могла дать этому лишь одно объяснение – побег. Но почему она бросила Амели в таком состоянии? Я-то считала, что узы, связывающие ее с Викториной, таковы, что она тоже должна была бежать.

Когда я подняла лампу повыше, что-то заставило меня обратить внимание на полуобгоревший клочок бумаги. Я подобрала его и с уцелевшего обрывка просыпался желтоватый порошок. На смятом обрывке было написано несколько слов. Я разгладила его и прочла по-французски: «достаточно для…»

Я осторожно положила бумажку на стол. Достаточно для чего… для кого? Был ли здесь завернут наркотик для Амели? Я быстро стряхнула несколько крупинок порошка, налипших на мои пальцы, обратно на бумагу, и аккуратно свернула ее: следовало узнать, что это за порошок.

Затем я вернулась к постели, но только для того, чтобы столкнуться с новой напастью. За те несколько минут, что я была занята поисками, с девушкой произошла перемена. Она, казалось, боролась за каждый вдох, и промежутки между глотками воздуха увеличивались. Когда я коснулась ее лба, он был холоден как лед. Амели нуждалась в срочной помощи!

Поставив лампу, я дернула сонетку, вызывая ночного портье. Пока я стояла, ожидая ответа на свой неистовый призыв, в замке гостиной послышался скрежет ключа, и дверь распахнулась, пропуская миссис Дивз.

Увидев меня в дверях спальни Викторины, она застыла на месте.

– В чем дело?

Глава одиннадцатая.

Признаться, что не сумела выполнить свой долг, всегда нелегко, а сделать это перед миссис Дивз, которая, как мне было отлично известно, меня недолюбливает, было особенно трудно. Но сейчас речь шла, возможно, о жизни Амели и, конечно, о безопасности Викторины.

Я начала вкратце излагать, но, прежде, чем я успела кончить, она буквально оттолкнула меня, решив, что лучше посмотреть самой.

Я было последовала за ней, но тут раздался стук в дверь, и я впустила коридорного, пришедшего на мой вызов.

– Вызовите врача, и как можно скорее!

– Здесь есть доктор Бич, мэм. Этажом ниже, он живет здесь. Если он у себя…

– Вызовите его. Если его нет, найдите кого-нибудь еще… только быстрее!

– Да, мэм. – Он поспешно удалился. Пухлые пальцы вцепились в мою руку.

– Что вы делаете? – требовательно вопросила миссис Дивз.

– Вызываю врача для Амели. Я уверена, что ее жизнь в опасности.

– Вы что, спятили?! – взвизгнула она. – Не понимаете, что такой скандал может отразиться на репутации Алена? Эта негодяйка набралась наркотиков. Оставьте ее в покое, и она поправится. Но если вы примешаете сюда посторонних, пойдут сплетни…

Я оттолкнула ее руку.

– Вы хоть посмотрели на нее? Я мало знаю о наркотиках, но уверена: она в смертельной опасности. Ей необходима помощь, причем как можно скорее.

Отстранив миссис Дивз, я вернулась к постели. Дыхание Амели стало еще тяжелее даже для моего неискушенного слуха. Мне никогда прежде не приходилось сталкиваться ни с одной серьезной болезнью, но сейчас я была уверена, что Амели в опасности. Миссис Дивз встала против меня с другой стороны постели.

– Вы – законченная дура, и Ален никогда не простит вам! Вы бы сперва подумали, где может быть Викторина, а уж в последнюю очередь беспокоились бы об этой мерзавке. Я собираюсь телеграфировать Алену…

– Ради бога!

Если она думала напугать меня – не важно. Ален нужен здесь.

Только ему по силам остановить Д'Лиса. Чего бы я только не отдала, лишь бы он сейчас оказался здесь!

– Будьте уверены, я сообщу ему все, – продолжала она, не обращая внимания, что Амели борется за каждый глоток воздуха, злорадно сверля меня глазами. Но в этот момент меня не волновало, что она ему сообщит, главное – чтобы он приехал.

– Кто-то заболел?

Мы одновременно взглянули на дверь. Там стоял плотный мужчина в парчовом халате, его взъерошенные волосы вздыбились, как петушиный гребень.

– Я – доктор Бич. Ну, леди, в чем дело?

Миссис Дивз быстро отошла от постели, словно отстраняясь от малейшего участия в происходящем.

– Я иду посылать телеграмму. – Она обращалась ко мне, а не к нему. Высоко подняв голову, она прошла мимо него, не произнеся не слова.

Доктор наблюдал ее маневр с некоторым удивлением, затем повернулся ко мне.

– А теперь, юная леди, скажите, в чем же дело? Я объяснила, пока он быстро осматривал Амели.

– Да, она отравлена наркотиком, – согласился он. – Нужен горячий кофе, как можно больше. Нужно поднять ее, заставить ходить, даже если придется тащить ее волоком – лишь бы она двигалась. Я не знаю этот наркотик, но симптомы позволяют предположить какое-то снотворное, причем в лошадиной дозе.

– Я приготовлю кофе, мисс Тамарис!

Вздрогнув, я оглянулась. Вернулась Фентон, и никого на свете я бы не была так рада видеть. При взгляде не ее угловатую нескладную фигуру у меня сразу полегчало на душе. Я знала, что мы не дождемся ни малейшей помощи от миссис Дивз, но Фентон могла оказаться надежной опорой до приезда Алена.

Хотя Амели была в опасности, я не могла позволить себе забыть о Викторине. Куда она сбежала, с кем? Возможно, с каждым мгновением, что мы тратили на борьбу за жизнь Амели, ее безрассудная юная хозяйка все дальше удаляется от нас. Однако я не знала, что еще можно предпринять. Возможно, когда Амели придет в себя, она сообщит нам какие-то полезные сведения.

Мы боролись за нее несколько последующих часов, силой вливая черный кофе ей в горло. После первой же чашки ее жестоко вырвало, но доктор сказал, что это обнадеживает.

– Пусть извергнет хоть часть отравы, – объяснил он. Фентон очень помогла нам, а вот миссис Дивз мы так и не увидели. Нам пришлось тяжело потрудиться, поскольку двое из нас постоянно

водили Амели по комнате. Она стонала и вяло отбивалась. Однако, я сомневалась, что она сознает свое положение. Время от времени она открывала глаза, но нас, судя по всему, не узнавала. Или притворялась, имея на это свои причины?

Наконец доктор Бич заключил, что кризис миновал, и мы уложили ее в постель. Я рухнула в кресло, неожиданно осознав, что меня трясет – сказывались усталость и нервная реакция. Когда я уселась, ко мне подошел доктор, держа веер с тайником в пластине. Он принюхивался к выемке.

– Вы знаете, что здесь было? – спросил он.

– Здесь нет ничего, принадлежащего мисс Тамарис! – Фентон мгновенно оказалась рядом со мной. – Вам лучше спросить мисс Викторину. Это ее комната, а эта девушка – ее горничная.

– Не надо, Фентон, – прервала я ее, хотя ее заступничество согревало мне сердце. – Что это, доктор?

– Нечто такое, чего я не знаю. – Он уставился на меня так, словно силился прочесть мои мысли. – Я видел, а точнее, нюхал, это раньше, но когда и где… – Он пожал плечами.

Вдруг он резко повернулся к постели. Приподняв лампу и поднеся ее к Амели, он принялся пристально ее изучать. Ее ночной чепец свалился, и роскошные черные волосы волнами рассыпались по подушкам. Обычный темно кремовый цвет ее кожи стал теперь желтоватым и черты лица заострились, словно она болела уже много дней. Поставив лампу, доктор Бич снова обернулся ко мне.

– Эта девушка из Нью-Орлеана?

Я удивилась: какая разница, откуда родом Амели?

– Нет, из Франции. Или из Вест-Индии… я не знаю точно.

– Да, она очень похожа на les sirenes.

Я никогда прежде не слышала этого выражения. Он, должно быть, заметил мой удивленный взгляд. И хотя он не покраснел, но отвел глаза, словно бы смутившись.

– Это просто термин. Используется для описания молодых цветных женщин определенного типа. – Он снова взял веер. – Я хотел бы взять это с собой.

– Вы не скажете мне, что подозреваете?

– Я сам не уверен. – Доктор Бич покачал головой. – Просто догадки, и ничего такого, что можно обсуждать с молодой леди. Когда мистер Соваж вернется, я бы хотел сразу же повидать его.

– Разумеется.

– А пока, – заговорил он авторитетным тоном медика, – я пришлю одну из гостиничных служанок посидеть с этой девушкой. Вам же, юная леди, лучше всего тоже пойти прилечь. Вот… – Он извлек из своего саквояжа пакетик и передал его

Фентон. – Проследите, чтобы она приняла это в стакане горячего молока. Затем пусть никто ее не тревожит, пока она не проснется сама.

Я вовсе не собиралась выполнять его указания, хотя и не заявляла об этом впрямую. Только что насмотревшись на действие снотворного, я с содроганием решила, что никогда в жизни не стану его принимать. Конечно, утро вечера мудренее, но не в этом случае. Мы спасли Амели, но что с Викториной?

Я не оправдала доверия… горькая правда. Однако оставалась слабая надежда, что я сумею поправить ситуацию. Если я сумею обнаружить какой-то след до приезда Алена, у меня будет чем ему помочь.

В моей комнате дожидалась Фентон. Нужно было уговорить ее помочь мне – сама я была слишком измучена и выбита из колеи.

– Фентон, мы должны найти мисс Викторину!

Она кивнула, не возразив ни словом… чего я от нее почти ожидала.

– Я знаю, мисс, вас это сильно беспокоит. Но где мы будем искать?

Меня сердечно тронуло немедленное предложение помощи, прозвучавшее в этом «мы».

– Кто-то должен был видеть, как она покидала гостиницу.

– Если вы начнете задавать вопросы, мисс Тамарис, помощи не будет, только сплетни. Приличнее будет сохранить это в тайне, когда она снова вернется домой. В этом городе любят сплетни, а если уж грязь налипнет, отмыть ее будет тяжко.

Фентон, конечно, была права. Но я была уверена, что Викторина не в меньшей опасности, чем Амели, и надо спешить.

– Здесь есть люди, которых я немного знаю… – продолжала Фентон нерешительно, словно не вполне была уверена, какое подобрать следующее слово.

– Ты хочешь сказать – слуги? Они не расскажут мне, но могут рассказать тебе?

– Да, мисс, отсюда, похоже, и надо начинать.

– Тогда попробуй, Фентон! Если сумеешь разыскать хоть самый слабый след…

– Я сделаю, что смогу, мисс Тамарис.

Она вышла, а я прошла в ванную и умылась холодной водой, надеясь, что это поможет мне мыслить яснее. Затем я поспешила к своему гардеробу и осмотрела его содержимое.

Я выбрала очень простое платье из альпака, которое Фентон настолько презирала, что предлагала выбросить. Вместо этого я взяла его с собой, собираясь носить на взморье, куда Ален

собирался нас отвезти. Оно было тускло-синего цвета, отделанное только черной тесьмой, с укороченной «прогулочной юбкой» – то, что в Эшли-Мэнор мы называли «одежда для дождливых дней».

Если мне придется идти на поиски Викторины, я должна быть как можно незаметнее. В таком платье, завернувшись в плащ, полностью подобрав волосы под самую старую шляпу я, возможно, не буду бросаться в глаза.

Но куда идти и как, я не знала. Ни одна дама из общества не выходит одна на улицу. Если у нее нет иного спутника, она берет с собой служанку. Но были причины, по которым я не могла взять с собой Фентон. Я вынула кошелек, достала оттуда несколько золотых и серебряных монет, завязала их в носовой платок и спрятала во внутренний карман платья. Затем я обулась в самые прочные свои башмаки, хотя даже они предназначались для поездок в экипаже, а не для ходьбы пешком.

Полностью одетая, за исключением шляпы и плаща, я вернулась в комнату Викторины. В полумраке виднелась женская фигура, склонившаяся над спящей девушкой. Я увидела руку, скользнувшую под подушку, словно в поисках чего-то.

– Что вы делаете? – спросила я.

Женщина в испуге оглянулась, и я узнала Сабмит. И когда она посмотрела на меня, я удивилась выражению ее лица.

Если когда-либо из человеческих глаз на меня взирал откровенный страх, то именно в это мгновение. Рука, выпорхнувшая из-под подушки, сжалась в кулак, словно обхватив некий предмет. Мне показалось, что я уловила блеск золота.

– Что это у тебя?

Твердо шагнув к ней, я схватила ее запястье. Она попыталась вырваться, затем замерла. Ее лицо по-прежнему оставалось маской ужаса.

– Что там у тебя? – повторила я, притягивая ее руку под свет лампы.

– Вот, смотрите! – буквально выплюнув эти слова, она разжала пальцы.

Браслет с пауком упал на постель. На нежно-розовом покрывале он выглядел еще отвратительнее.

– Z'araignee! – сейчас Сабмит и вправду плюнула – пятно слюны расплылось рядом с мерзким украшением.

– Ты украла его! – Но почему она хотела стянуть вещь, вызывавшую у нее столь явное отвращение?

– Я взяла его потому что это – зло. И она злая, хотя и не так сильно, как…

Вдруг поток ее слов иссяк, словно ей зажали рот. Сабмит была парализована страхом, и я, судя по выражению ее лица,

сейчас мало чего могла от нее добиться.

Я подошла к туалетному столику Викторины и нашла там носовой платок. Через него я взяла браслет, чтобы не дотрагиваться до него пальцами, потому что любое прикосновение к нему было мне противно. Для чего предназначался этот ужасный предмет, оставалось для меня загадкой. То, что Амели носила его, усиливало мою неприязнь к этой девушке. Неужели виной тому было слишком сильное предубеждение против насекомых?

Наша борьба за жизнь Амели научила меня жалости. Амели, какова бы она ни была – порождение рабства, оставившего за собой тяжкое наследие. Как смею я судить кого-то строже, чем себя?

Я сжала гадкий браслет в руке, стараясь сообразить, что с ним делать. Но я так устала, что не могла принять быстрого решения.

– Что вы с ним сделаете? Оно плохое… Очень плохое…

– Что ты собиралась с ним делать? – ответила я вопросом на вопрос.

– Отнести его к… – Она снова осеклась, но, понимая, что должна что-то ответить, продолжила: – Я бы отнесла его туда, где от него больше не было бы вреда. Тогда она, – Сабмит указала на Амели, – тоже не смогла бы причинить вред!

– Сабмит… – Может, это шанс разузнать что-либо о Викторине? В этом отеле большинство слуг были негры, что они скажут Фентон? Сабмит была явно потрясена, в таком состоянии духа, она, возможно, будет откровеннее. – Ты знаешь, что мисс Соваж пропала?

Она ответила быстрым кивком.

– Ты не знаешь, кто-нибудь видел, как она вечером покидала гостиницу? Поможешь мне узнать, была она с кем-то или одна, и… – куда она пошла?

Всякое выражение мгновенно исчезло с ее лица. Ко мне повернулась одна из тех пустых масок, какие другая раса использует, когда отказывается от любого общения. Я наблюдала это у китайцев, и у полинезийцев на Островах. И я уже знала, что эту маску так просто не пробить.

– Что вы с ним сделаете? – проигнорировав мой вопрос, она задала свой, указывая на браслет.

– Не знаю. Наверное, сохраню, покуда Амели о нем не спросит.

– Он навлечет на вас несчастье, большое несчастье! Такая леди, как вы, не должна держать у себя ничего… такого. Отдайте его мне, и я сделаю лучше – вот увидите! А если оставите его

себе, с вами непременно случится несчастье.

В этом пророчестве она ошиблась, чему я позднее получила доказательство.

Тогда же я положила браслет во внутренний карман, в то время как Сабмит исподтишка косилась на меня. Она явно верила, что, пренебрегая ее добрым советом, я навлекала на себя беду.

Уверенная, что сейчас ничего от нее не добьюсь, я вернулась к себе в комнату. Не в силах спокойно ждать Фентон, я расхаживала из угла в угол. Любая просьба о помощи могла вызвать огласку, даже скандал, и погубить Викторину.

Такое решение может исходить только от Алена. Когда он сможет приехать… и приедет ли? Может, и мне следовало послать телеграмму – не с оправданиями, а для того чтобы объяснить ему серьезность положения. Однако, я смела полагать, что миссис Дивз уже обрисовала картину в самых мрачных красках, какие только возможны.

Легкий стук в дверь побудил меня спешно впустить Фентон.

– Что ты узнала?

– Довольно странная история, мисс Тамарис. Кое-кто видел, как она уходила отсюда. Но не мисс Викторина… они говорят, что это была Амели.

– Но это невозможно! – Тут меня осенила неожиданная догадка. – Викторина в одежде Амели?

Это предполагало заговор, спланированный заранее. Неужели Викторина отравила свою служанку, с которой, казалось, была в самых добрых отношениях, переоделась в платье своей жертвы и в таком виде скрылась? Это имело бы смысл, если бы не белая кожа Викторины. Нет, это было невозможно.

– Те, кто ее видел, говорят, что это была Амели, – повторила Фентон. – Она вышла через служебный выход и села в фиакр.

– Когда?

– Насколько я могла понять, чуть позже девяти.

Значит, она ушла за несколько часов до того, как я обнаружила Амели. А сейчас почти что утро. Викторина тем временем могла покинуть город в поезде, карете, даже на корабле!

– Они уверены, что это была Амели? – повторила я.

– Не понимаю, как можно перепутать с ней Викторину, даже если та была в платье Амели.

Фентон кашлянула.

– Ты знаешь что-то еще?

– Мисс Тамарис, есть способы подтемнить кожу. Если женщина хочет изменить свою внешность, это сделать совсем

нетрудно.

Но это значило, что Викторина готовила бегство уже давно. Голова у меня так закружилась, что я вынуждена была ухватиться за спинку ближайшего кресла. Передо мной встали две Викторины: одна – легкомысленная девушка с переменчивым настроением, другая – коварная и незнакомая. Какая же из них настоящая?

От этого зависело многое. Если Викторина поступила так по чужому наущению, она, возможно, уже раскаивается в своих опрометчивых действиях. И теперь ей должно быть страшно. Однако если она спланировала это сама, тогда никто из нас не разгадал ее характера. Даже Ален обманулся. Викторина может быть где угодно, но не хотелось бы преследовать ее, как беглую преступницу.

– Вы можете осмотреть ее комнату, мисс Тамарис… Фентон дала хороший совет. Я не могла больше сидеть без дела. Ждать… но чего? Только возвращения Алена, когда мне придется признаться, что я не оправдала его доверия.

Хотя мне было противно перетряхивать чужое нижнее белье и рыться в чьих-то личных вещах, я обязана была это сделать. И я пошла вместе с Фентон, обнаружив по пути, что Сабмит исчезла. Амели была оставлена без присмотра, что шло прямо в разрез с приказами, полученными горничной.

Но я была даже рада этому, потому что не могла бы искать, если бы она наблюдала за мной. Фентон прошла в ванную, а я сперва направилась к небольшому письменному столу.

Викторина, как было мне хорошо известно, никаких писем не писала: за все недели, что мы провели вместе, я никогда не видела ее за этим занятием. И сейчас я не нашла адресной книжки. В ящике не было ни бумаги, ни конвертов, зато в маленькой корзинке для бумаг лежал скомканный лист и записка, небрежно разорванная на четыре части. Я выложила обе находки на стол и сперва разгладила смятый лист.

От него исходил отчетливый запах духов Викторины. Значит, какое-то время она носила его при себе. Это оказался довольно грубо выполненный рисунок – сердце, заштрихованное черным. Из самой его середины торчало нечто, смахивающее на меч с раздвоенной рукояткой. Из точки соприкосновения меча с сердцем разлетались красные штрихи, неприятнейшим образом намекающие на кровь, бьющую из смертельной раны. Наконец, из острого конца черного сердца к рукоятке меча, высунув раздвоенный язык с угрозой или вызовом, извивалась золотая змея.

При всей грубости исполнения, в рисунке была мрачная сила,

словно он был изготовлен с темными целями. Под рисунком шла краткая подпись по-французски: «Сегодня в девять».

Я отложила рисунок в сторону, и стала складывать вместе разорванные клочки. Почерк на них был настолько оригинальный, что у меня возникло чувство, будто я уже видела его прежде, но не могла вспомнить, когда и где. Здесь тоже была единственная короткая фраза, но по-английски: «Удовлетворитесь, потому что больше не будет».

– Мисс Тамарис… – Фентон вышла из ванной, держа в руках бутылочку. – Я была права, – торжествующе заявила она. – Это краска для кожи…

Выходит, Викторина и вправду спланировала все это. И скомканный рисунок…

В моей памяти встала мысленная картина: официант в «Пуделе», падающий ей носовой платок. Как быстро она смяла его и сунула за манжету! В ресторане… тот молодой человек, которого я видела – неужели он нарисовал эту страшноватую картинку и переслал ее Викторине прямо на глазах ее брата? Значит это был, тот самый Кристоф Д'Лис, что балуется вуду? А рисунок – знак принуждения этого злобного культа? Теперь события связывались в единую цепь, хотя это были, конечно, одни предположения.

Когда Амели поправится, ее следует осторожно расспросить. А до тех пор ее следовало охранять. Если ей умышленно дали огромную дозу наркотика, она все еще может быть в опасности. Но это выглядело уже слишком мелодраматично. Я не могла поверить, что Викторина способна на хладнокровное убийство. Она, должно быть, не рассчитала дозу какого-то зелья, которое волей или неволей проглотила Амели. Не следовало придумывать лишних ужасов.

Когда Фентон ставила передо мной бутылочку, широкий рукав ее платья задел небольшую стопку записок, и они посыпались на пол. Все они были с пожеланиями быстрого выздоровления. Вчера их принесла миссис Дивз, настаивавшая, чтобы Викторина ответила на каждую.

Среди них был кремово-белый листок, который привлек мое внимание. Я положила его рядом с обрывками, вынутыми из корзинки, и принялась сравнивать их между собой. Для меня не осталось сомнения, что обе записки написаны одной рукой.

Пожелания были выражены в совершенно формальных выражениях, а подписана она была… миссис Билл!

– Что такое, мисс? – Фентон собирала остальные записки. – Вы что-то нашли?

– Ничего, что я могла бы понять, – призналась я. Потом я

велела Фентон принести большой конверт с моего собственного стола. В него я вложила записку от миссис Билл и обрывки из корзины для бумаг. Я уже почти запечатала его, когда увидела полуобгорелый клочок из камина, о котором совершенно забыла. Порошок следовало отдать доктору Бичу, но сейчас было слишком поздно. Я вложила его в тот же конверт, и написала на нем имя Алена.

Рисунок я сохранила, потому что хотела уличить Амели, когда она проснется. Голова у меня жестоко болела, я отчаянно устала. Однако в то же время во мне билась какая-то лихорадочная энергия.

Теперь следовало встретиться с миссис Дивз и узнать, получила ли она ответ на свою телеграмму. Долго ли нам придется ждать Алена? У меня и понятия не было о расстояниях. И где-то будет Викторина, когда он приедет? Надо было делать хоть что-то!

– Мисс Тамарис, – Фентон отвлекла мое внимание от мрачных мыслей. – Послушайте… почему бы вам теперь не отдохнуть? Если все равно нет никакого следа к мисс Викторине…

Я покачала головой, хорошо сознавая свою тупость и растерянность.

– След должен быть, Фентон, должен! Или я не знаю, что может случиться. У нее, – я кивнула на Амели, – может быть ключ ко всему. Ее нельзя оставлять одну. Прошу тебя, Фентон, пожалуйста, присмотри за ней, и позови меня в ту же минуту, как она очнется!

Она согласилась с видимой неохотой. Но когда я добавила, что она – единственная, кому я могу это доверить, Фентон смягчилась. Почему она принимала так близко к сердцу мои дела, я не знала, но чувствовала за это глубокую признательность.

Вернувшись к себе в комнату, я положила конверт для Алена на видное место на столе. При этом я услышала шорох, встревоживший меня. В комнату без стука проскользнула Сабмит. Ее тускло-коричневое платье горничной было полускрыто шалью, она надела старомодный чепец, надвинув его так, что он почти закрывал ее лицо.

– Что ты здесь делаешь?

После сцены в комнате Викторины я склонна была относиться к этой девушке с некоторой опаской, уверенная, что она знает нечто, чем не хочет поделиться. Теперь же, к моему удивлению и глубочайшей неловкости, она приложила палец к губам, призывая к молчанию, выпростала из-под шали руку, сжимающую конверт и протянула его мне.

Викторина! Таким образом она, должно быть, пытается связаться со мной! Единственно с этой мыслью я быстро схватила послание и разорвала конверт. Однако письмо оказалось совсем от другой женщины.

«Если вам нужна помощь в поисках вашей пропажи, не исключено, что нижеподписавшаяся сумеет ее оказать. Ступайте с Сабмит, поскольку наша встреча должна быть приватной, и она послужит вам проводником».

Этот напыщенный слог сам по себе был странным. Однако подпись удивила меня еще больше: «Мэри Элен Смит».

Глава двенадцатая.

Загадочная «Мэмми Плезант», на которую миссис Дивз навесила ярлык «дьявол», против кого предостерегал меня мистер Кантрелл, но которую уважал мой отец. Уже второй раз она предлагала мне помощь, и теперь я положила на весы собственные воспоминания против вспышки миссис Дивз и двусмысленных слов мистера Кантрелла. Я предпочла поверить воспоминаниям.

– Куда мы пойдем? – спросила я служанку.

– В ее дом – на Вашингтон-стрит, – Сабмит спрятала руки под шалью.

Вот так я сделала свой выбор… возможно, глупый и поспешный. Но мне это казалось тем самым шансом, о котором я молила с тех самых пор, как обнаружила исчезновение Викторины.

Я положила записку на стол, рядом с конвертом, адресованным Алену, и схватила шляпу и плащ.

Хотя на улице не было удушающего тумана, легкая морось заставила меня плотнее закутаться в плащ. Мы вышли из отеля через служебный выход, по задним коридорам. Там нас уже ждал наемный экипаж, и я вскарабкалась в его затхлое нутро, пропахшее лошадиным потом и застарелым табачным дымом. Хотя Сабмит не давала кучеру никаких указаний, экипаж двинулся сразу же, как только мы уселись.

Я забилась на сиденье по возможности дальше от окна. Плохая погода – хорошее укрытие: на улице и на тротуарах почти никого не было. Однако у меня было странное чувство, будто за мной следят. Сабмит, казалось, разделяла мои чувства: она скорчилась в своем углу. Я страстно желала расспросить о цели нашей поездки, о женщине, приславшей мне письмо, но какой-то инстинкт говорил мне, что девушка не ответит.

Поскольку я не знала города, у меня и понятия не было, куда мы едем. Подъемы, сменявшиеся крутыми спусками, были заметно тяжелы для лошадки, тащившей наш экипаж. К моему облегчению, кучер не пользовался хлыстом. Вместо этого он терпеливо позволял тащиться как придется, так что о скорости говорить не приходилось.

Я с трудом обуздывала свое нетерпение. Я была уверена, что скорее дошла бы пешком, если бы только знала дорогу. Поэтому я заставляла себя думать не о потерянном времени, а о том, что могу, наконец, попросить о помощи.

Но как Мэмми Плезант сумеет помочь, я не догадывалась. Я

уже начинала думать, что поступила весьма опрометчиво и готова была приказать вернуться в отель, когда мы остановились перед трехэтажным зданием, несколько более претенциозным, чем окружающие его. Я бросила взгляд на табличку под фонарем – «Вашингтон-стрит».

Я потянулась было за носовым платком, куда увязала свои деньги, прикидывая, сколько заплатить кучеру, но Сабмит замотала головой.

– Нас привез ее человек; не надо платить. Движения на улице почти не было, а тротуар был пуст.

Сабмит легонько коснулась моей руки, указывая на дверь, которая сразу же открылась, как будто за нами наблюдали.

Меня встретил запах табака, тепло и богато обставленная гостиная сразу за прихожей. Но я успела бросить лишь беглый взгляд на всю эту роскошь, перед тем как девушка, открывшая дверь, поманила меня за собой. Сабмит осталась позади.

Привратница была белой, и на ней был изукрашенный оборками и кружевами пеньюар, каким и Викторина не побрезговала бы. Ее светло-каштановые волосы были завиты в длинные локоны, свободно падающие на плечи. Если бы я встретила ее в каком-нибудь другом месте, то приняла бы за балованную дочку респектабельных родителей.

Она ничего не говорила, только жестом пригласила меня следовать за ней вверх по лестнице, а затем – пройти по устланному ковром коридору, двигаясь так быстро, словно мы должны были избегать свидетелей. Дойдя по коридору до последней двери, она дважды постучала и остановилась, чтобы пропустить меня вперед.

Дверь открыла та самая женщина, которую я видела в модной лавке.

– Миссис Смит? – рискнула я спросить. Она улыбнулась, и улыбка ее была теплой.

– Когда-то я была миссис Смит, миссис Джеймс Смит. Теперь, годы спустя, я стала миссис Плезант. Но поскольку вы знали меня под моим прежним именем, я решила подписаться им. Входите, мисс Пенфолд.

Комната, куда она меня пригласила, имела весьма элегантный вид. Я удивленно оглядывалась, поскольку никак не могла определить природу этого заведения.

Стены покрывали полосатые обои «устричного» и розового цветов. У черного мраморного камина стояли два кресла из резного розового дерева, обитые гвоздично-пурпурным бархатом. Между ними располагался столик с подносом, на котором стоял серебряный прибор. Темно-серые бархатные портьеры полностью

закрывали окна, а свет в комнате исходил от почти прикрученного газового рожка и двух ламп.

Хозяйка была женщиной неординарной, насколько я помнила ее. Сразу ощущался какой-то личный магнетизм. Одета она была в платье с пышной юбкой, старомодного покроя, но из роскошного шелка цвета сливы, с изысканным белым кружевным воротником и такими же манжетами. Они очень шли к черному батистовому чепцу в форме сердечка. Агатовые серьги и кулон усугубляли мрачный тон ее одежды, но в общем создавалось впечатление элегантности и, возможно, большего вкуса, чем у модных платьев новейшего фасона.

Она стянула с меня плащ, взяла за руку и подвела поближе к огню. От ее шелестящих юбок исходил аромат роз.

– Вы помните меня.

Это было утверждение, не вопрос.

– Да, вы приходили на «Королеву Индии» побеседовать с моим отцом.

– Капитан Пенфолд сильно рисковал, помогая моему народу. Я осталась перед ним в долгу, который до сих пор не имела случая отдать. Возможно, я сумею расплатиться, услужив сейчас его дочери.

– Ваше письмо… вы говорили, что можете сообщить мне что-то о пропаже…

Я примостилась на самом краешке предложенного мне кресла, пытаясь прочесть хоть какой-то ответ на ее приятном спокойном лице.

Она сдвинула салфетку с приборов на подносе. Затем налила в маленькую рюмку для ликера что-то из флакона, оправленного в серебро.

– Выпейте это, дорогая. Это настойка дикого клевера моего собственного приготовления. Вам нужно укрепить как тело, так и душу. – Голос ее успокаивал, внушал доверие.

Однако, что я вообще знала об этой женщине? Давняя встреча, вспышка миссис Дивз, предостережения мистера Кантрелла… И все же, глядя на нее, я не сомневалась, что она желает мне добра.

Я проглотила питье. Вкус был странный, но не противный. Тепло камина прогнало дрожь, которая, должно быть, била меня с тех пор, как я нашла бесчувственную Амели.

Затем хозяйка налила мне чашку кофе, сняла крышку с тарелки с яичницей-болтуньей и беконом. Я начала есть, сначала потому, что она меня принуждала, а затем потому, что еда была очень вкусной, а я сильно проголодалась. И все это время она почти ничего не говорила, только улыбалась своей

снисходительной улыбкой.

Я встречала многих женщин, имевших какие-то претензии на власть и авторитет, но никогда прежде не видела столь уверенной. Создавалось впечатление, что если она пожелает, ничто не сможет противостоять ее воле.

– Вы ищете Викторину Соваж, – сказала она, когда я отказалась от добавки и немного расслабилась. – Это мы сейчас и обсудим.

Моя недоверчивость еще не полностью испарилась в этой спокойной комнате и под влиянием хозяйки. Я прямо спросила:

– Откуда вы знаете, что Викторина исчезла?

Улыбка миссис Плезант не исчезла, напротив, стала еще шире.

– Детка, везде есть глаза и уши. И языки, разносящие все новости. А также… но об этом мы поговорим позже. Сами видите: мне было несложно выяснить, что именно вы хотите узнать. Если мисс Соваж все еще в городе, мне об этом сообщат. Если она уехала, выяснят, на чем и куда. Однако на такие розыски требуется время. Это огромный город, и в нем много мест, где могут скрываться люди, не желающие, чтобы их обнаружили. Под этой крышей бывают гости с высоким положением, члены городского управления. Капитан Лейз из сыскной полиции, например…

– Нет! – прервала я ее. – Никакой полиции, пока так не решит мистер Соваж. Скандал, открытое расследование…

Она наклонила голову с королевским достоинством.

– Это понятно. Когда вернется мистер Соваж, он волен принимать те решения, которые сочтет наилучшими. Но до того, как он вернется, может пройти много времени.

Все тревоги вновь нахлынули на меня.

– Я знаю! Если бы мы только могли поскорее найти ее… я чувствую, что мы обязаны… ради ее же безопасности!

– Время может иметь большое значение, – согласилась она. – Я потороплю своих людей. Поскольку те, у кого есть передо мною обязательства, работают во многих местах в городе, они многое видят и слышат. Только скажи им, что мы ищем определенную девушку, и они ее выследят.

– Она… она, вероятно, изменила свою внешность. Моя служанка нашла бутылочку с краской для кожи. Викторина должна сейчас выглядеть, как ее горничная Амели, а та – квартеронка.

– И она бежала с мужчиной.

– Откуда вы знаете? Ваши люди уже нашли ее? – Я привскочила со стула.

– Нет. Но в подобных случаях за всеми загадками всегда скрывается мужчина. Возможно, вас предупреждали, что такое может случиться? Ведь есть мужчина, против которого предостерегали мисс Соваж? Возможно, ей запретили с ним видеться? Расскажите мне все, что знаете.

Предала ли я доверие Алена, рассказав ей все? Но какое это имеет значение, если всего несколько слов помогут найти Викторину? Поэтому я поведала все, что слышала о Кристофе Д'Лисе.

– Вуду, – повторила миссис Плезант. – Причем с тех островов, где его влияние очень сильно.

– Вот еще… я нашла это в комнате Викторины нынешним утром. – Я достала скомканный лист бумаги со странным рисунком. Она взяла его и выражение ее лица резко изменилось. Улыбка исчезла, губы сжались, веки опустились. Когда она перевела взгляд с бумаги на меня, ее разноцветные глаза смотрели холодно и испытующе.

– Эзили Кур-Нуар, – сказала она.

– Что это значит?

Внимательный взгляд снова устремился на бумагу.

– Лучше вам никогда не знать этого, детка. Но если это так… нет! – Она встала. – Такого в моем городе не случится!

Столь собственническое утверждение, вероятно, было бессознательным, но весьма показательным. Ее королевская повадка исходит из сознания власти, неожиданно осенило меня. И на чем бы не основывалась эта власть, миссис Плезант была уверена в своих силах.

– Это часть верований вуду? – поинтересовалась я.

– Да, так называемого вуду. Сейчас вы останетесь здесь, а я отдам необходимые распоряжения. – Но она продолжала стоять, глядя на бумагу. – Оно поднимается… – Она снова прервалась, затем продолжала прежним ласковым тоном: – Я вернусь, как только смогу. Никто не должен знать, что вы здесь. Это не такой дом, в котором стоит показываться леди вашего круга. Вы меня понимаете? Ради сохранения вашего доброго имени вас не должен видеть никто из моих гостей.

Я поняла, что предупреждение ее вполне серьезно.

– Но я не могу оставаться здесь…

– Можете и должны, пока не сумеете уйти незаметно. Разве я не сказала, что у меня долг перед вашим отцом? Я не втяну его дочь ни в какие дела, способные замарать имя Пенфолд. Сплетни дешевы, как говаривали в старину. Здесь всегда ходит множество дурацких слухов, и в большинстве своем – грязных. Мы же сделаем все возможное, чтобы найти мисс Соваж, хотя сдается

мне, что она, осмелилась ступить на темный путь.

Мисс Плезант не вернула мне рисунок. Все еще держа его в руке, она вышла. Мгновением позже я услышала отчетливый скрип ключа, запирающего дверь. Сделала ли она это, чтобы меня не потревожил никто из ее пресловутых «гостей» или для уверенности, что я не пренебрегу ее предупреждением? Правда, в этот момент я бы просто не могла никуда убежать: ноги мои отяжелели не меньше, чем веки, и вялость, порожденная утомлением и нервным перенапряжением, погрузила меня в полный видений сон.

Проснулась я не в кресле у камина, а на диване, укрытая пальто. Я была еще сонной, но не настолько, чтобы не заметить миссис Плезант. Она снова сидела за чайным столиком, откинув голову на спинку кресла. Она пристально разглядывала некий маленький предмет, который держала щипцами.

Щипцы… Так Ален держал «гри-гри» перед тем, как сжечь! Ален! Я села со сдавленным восклицанием, и хозяйка повернулась, чтобы взглянуть на меня.

Затем, словно бы не желая, чтобы я видела то, что она держит, она сунула щипцы в самую середину огня. И снова я вспомнила Алена. Где он? Вдруг он вернулся, и узнал, что я пропала? Нужно было как можно скорее вернуться в отель.

– Викторина… вы что-нибудь узнали о ней?

– Совсем немного. Она не с тем мужчиной, о котором вы говорили. Однако он здесь, в городе, и за ним следят. – В голосе миссис Плезант звучала решимость. – Я уверена, что он ее где-то прячет. Значит, мы должны найти ее прежде, чем он поймет, что его присутствие обнаружено.

– Вы сможете это сделать?

– Со временем – да. – Она сказала это с такой уверенностью, что я ей поверила.

– Время… давно ли я здесь? Ален… мистер Соваж… он вернулся?

Она улыбнулась, и ее магия вновь сработала: я смягчилась, успокоилась.

– Сейчас пять часов. И мистер Соваж еще не вернулся. Сабмит сообщила, что телеграмма в Вирджиния-Сити его не застала – он уже уехал на другой рудник, еще дальше на север. Но за ним послали.

– Я должна вернуться в отель, – я отбросила шаль, укутывающую мои колени. Голова у меня кружилась, хоть я в этом и не признавалась.

– Не надо беспокоиться. Я уже послала записку миссис Дивз. Она знает, что вы не только в безопасности, но и пытаетесь

отыскать Викторину.

Миссис Дивз… которая называла эту спокойную, улыбчивую женщину дьяволом. Если Огаста Дивз подумает, что я в сговоре с Мэмми Плезант, какую историю преподнесет она Алену? Я встала, глядя на свои плащ и шляпу.

– Вот вы и расстроились. Но почему? Вам нечего бояться Огасты Дивз. Теперь она понимает, что должна помогать вам, а не мешать.

– Но она говорила так, словно ненавидит вас! – Я была так удивлена, что брякнула это, не подумав.

Мягкая улыбка миссис Плезант ничуть не изменилась.

– У нее нет причин ненавидеть меня, детка. Я бы сама сказала ей об этом, но она мне не поверит просто потому, что страх порождает страх. Иногда люди совершают глупые поступки, и кое-кто узнает об их глупости. Отсюда – страх огласки. Надо сказать, я знаю много тайн и хорошо умею их хранить. У миссис Дивз нет причин бояться меня, есть лишь причины помогать вам и мисс Соваж. И она сделает все, что сможет, лишь бы нам помочь. А что до вашего ухода отсюда… это пока невозможно. Мои гости приезжают, и вы должны оставаться невидимой. Позже мы изыщем для вас возможность незаметно уйти. К тому же, лучше, чтобы вы оставались здесь, пока мы не узнаем, где находится мисс Соваж. Возможно, к тому времени она лучше разберется в характере Д'Лиса, и будет только благодарна за то, что ее нашли. Если он не зайдет слишком далеко…

– Вы имеете в виду такие действия, после которых она вынуждена будет выйти за него замуж?

– И это… и кое-что другое. – Миссис Плезант не стала уточнять вторую часть своего замечания.

Итак, мне пришлось удовольствоваться тем, что она вышла и вскоре снова вернулась, опять неся поднос с едой. Это было превосходно приготовленное мясо, соблазнительное даже при отсутствии аппетита. Однако мое заточение начинало меня раздражать. Я даже принялась подслушивать под дверью, когда миссис Плезант снова ушла. Слышался смех, приглушенные голоса. Какая-то женщина томным голосом спела сентиментальную балладу, и наградой ей был взрыв аплодисментов. Дверь снова была заперта, но теперь миссис Плезант прямо сказала об этом, заявив, что не хочет, чтобы кто-нибудь ворвался ко мне.

Мысли о совершенной мною глупости мешались с беспокойством о судьбе Викторины. Я вздрагивала, рисуя себе, что будет, когда вернется Ален. Ведь моя роль в этой странной истории могла вызвать лишь осуждение.

Миссис Плезант являла собой загадку, которую я не могла разгадать. Она пригласила меня в дом, где, по ее собственному признанию, меня никто не должен был видеть, однако помощь она предлагала, вне всякого сомнения, честно. Ее рассуждения о миссис Дивз… не сквозил ли в них намек на шантаж? И вдобавок еще вуду…

Амели была отравлена почти до смерти. Не стала ли Викторина второй жертвой, покорной рабой чужой воли? Я слышала о странных наркотиках, порождающих галлюцинации… Возможно, эти дьявольские снадобья и родились из культа вуду? Я уже почти потеряла терпение, когда вернулась мисс Плезант.

– Вы что-нибудь узнали? – спросила я, прежде чем она успела закрыть дверь.

– Мне только намекнули, но теперь мы можем действовать. Если она действительно там, где я думаю, мы сумеем вывести ее оттуда. Однако, слух дошел до меня через третьих лиц и вполне может оказаться ложным. Но мне сказали, что она верит, будто надежно укрылась, пока Д'Лис не придет за ней, и что она полностью предана ему. Я не знаю, как убедить ее уйти оттуда. Разве что силой, но это может привлечь нежелательное внимание. Все, что я могу, это представить дело так, чтобы все были уверены, будто она уходит по собственному желанию. Вы понимаете?

– Где она? – Эта речь, полная полунамеков и умолчаний, раздражала меня. Я хотела просто правды.

Думаю, она взвесила преимущества откровенности перед сдержанностью, прежде чем ответила. Возможно, из-за того, что я была дочерью своего отца, она сказала:

– Мне сообщили, она в «Красном Петухе». Это гостиница… французская гостиница.

Хотя ударение, сделанное ей на слове «французская» ни о чем не говорило мне (в этом я совершенно не была искушена), я догадалась, что имелось в виду.

– Но тогда… она… – Меня охватил такой ужас, что я не могла связно говорить.

– Нет, она там только скрывается, клянусь вам.

– И вы вполне уверены, что она там?

– Я уверена настолько, насколько можно быть уверенной, не увидев ее лично. По возвращении Д'Лиса мои люди потеряли его след, и мне неизвестно, когда он собирается забрать ее. Так же, как неизвестно, когда он вообще вернется.

– Тогда мы должны пойти за ней. Она знает меня… и, конечно, послушает. Она не может быть окончательно потеряна для добра, она ведь так молода!

– Если она не послушает, – миссис Плезант говорила столь обдуманно, что это придавало ее словам еще больший вес, – вы должны будете принять все меры, чтобы заставить ее пойти с вами. Если мы сумеем доставить ее сюда, Д'Лис не сможет нас побеспокоить.

– Но мы должны отвезти ее обратно в отель!

– Сделать это до возвращения мистера Соважа было бы непростительной глупостью. Если вы не сможете убедить ее, как вы сможете держать ее узницей в собственной комнате, не привлекая лишнего внимания?

Ее логика была безупречной, Но я, похоже, ступила на тропинку, уводящую все дальше и дальше в трясину. Однако я согласилась с ее предложением, хоть и неохотно.

– Вы не можете пойти со мной в таком виде. Вы должны стать похожей на посетительницу подобных мест. Нет… – Она прочла отвращение в моем взгляде. – Не на обитательницу. Но обычно служанки в таких домах – негритянки или полукровки. Большинство из них поступает туда через мое агентство по найму прислуги. Поэтому сегодня я могу просто привести служанку познакомить ее с местом, а она может захотеть или не захотеть туда наняться. Это откроет нам двери дома. Если мисс Соваж там, тогда вы обязаны убедить ее уйти с нами. Если она откажется – есть другой способ…

Миссис Плезант прошла через комнату к высокому шкафу прекрасной китайской работы, чьи двойные дверцы были инкрустированы перламутром. Достав из кармана связку ключей, она отперла замок. Внутри были два ряда выдвижных ящиков. Из одного она вынула бумажный пакет.

Так же аккуратно закрыв и заперев шкаф, она выложила пакет на стол, поближе к свету лампы. С минуту она внимательно изучала его, потом кивнула, словно отвечая собственным мыслям.

– Не трогайте это, – предупредила она. – Я вернусь очень скоро.

Миссис Плезант вышла столь быстро и бесшумно, что, казалось, растаяла, как персонаж какой-нибудь фантастической истории. Вскоре она вернулась, держа в руке носовой платок. Расстелив его на столе, она высыпала на него содержимое пакета – шафраново-желтый порошок, затем связала уголки льняного квадратика так, что получился узелок.

– Если она откажется вас слушать, у вас будет это. Будьте готовы быстро развязать его… вот так… – Она подцепила платок пальцем, показывая, как развязывается узел. – Потом бросьте порошок ей в лицо!

– Что-о? Что он с ней сделает?

– Если она под влиянием Д'Лиса, как мы подозреваем, она придет в себя, вдохнув порошка. На очень краткое время она превратится словно бы в сомнамбулу. Вы возьмете ее за руку, и она пойдет за вами послушно, как малый ребенок…

– Но что это такое? – Мне претила сама мысль пользоваться столь жутким оружием, даже если от этого зависело будущее Викторины.

– Это измельченная трава, точнее, смесь трав. Действие ее продолжается недолго, и она безвредна, клянусь вам.

Что-то в ее голосе убедило меня. Только сам способ был очень странным, и я надеялась, что мне не придется к нему прибегнуть. Миссис Плезант обернула второй носовой платок поверх первого и быстро сказала:

– Вы должны затемнить себе кожу, а я принесу вам чепец, чтобы довершить ваш маскарад. Распустите волосы, чтобы их можно было туго заплести и убрать под чепец.

Как ни противно мне было, я знала, что это необходимо. Расстегнув корсаж, я позволила ей протереть мое лицо и шею ваткой, смоченной в темной жидкости. Я взглянула в зеркало, пока она туго-натуго заплетала мне волосы, и убедилась, насколько темная кожа изменила мой облик. Я и вправду могла сойти за мулатку.

Приготовленный ею чепец так же скрывал лицо, как и тот, что носила Сабмит. Но из-под него к тому же выбивались жесткие черные кудряшки, и, когда эти кудряшки были уложены на моей нынешней коричневой коже, волосы мои стали соответствовать обличию.

Мой плащ уступил место более поношенному и потрепанному. А вот мое платье сойдет, решила она. Затем в дверь осторожно постучали, и она окинула меня последним изучающим взглядом.

– Экипаж ждет, пора ехать. О, вы забыли! – С этим раздраженным восклицанием она схватила узелок с порошком и сунула мне. – Держите его в рукаве так, чтобы легко можно было достать. Ваш отец был человеком огромного мужества и решимости. Внешне вы на него не похожи, но если вы унаследовали черты его характера, то уповайте на них.

Мы спустились по черной лестнице, прошли через кухню, полную восхитительных запахов, где моя спутница задержалась, чтобы проверить содержимое нескольких кастрюль и перекинуться парой слов по этому поводу с поваром. Я же отступила в тень, и толстяк-повар не обратил на меня никакого внимания.

– С этим делом, – заметила миссис Плезант, когда

захлопнула заднюю дверь, и теперь лишь слабый отблеск одинокого фонаря озарял нам дорогу к высокому дощатому забору, – нужно покончить как можно скорее. Чистая удача, что мистер Лэнтин с семьей уехали из города. Если бы они были сейчас здесь, я обязана была бы оставаться в их доме… а они должны скоро вернуться.

Она толкнула доску изгороди, отодвинувшуюся, словно дверь, и я, подхватив юбки, пролезла вслед за ней. С той стороны, на улице, нас ждал экипаж. Он мог быть тем же самым, что доставил меня сюда, но точно я этого не знала. Миссис Плезант не давала кучеру никаких указаний, но он тронул, словно точно знал, куда надо ехать. Мелкая утренняя морось прекратилась, но в воздухе висела тяжелая сырость. В свете редких уличных фонарей в канавах поблескивала вода. Движение на улицах сейчас было более оживленным, и нашей колымаге приходилось вертеться и вилять.

Впереди я увидела отблеск огненно-красного света, и не на уровне земли, а в воздухе. Обогнавший нас экипаж остановился, двое мужчин вышли из него, громко смеясь, и распахнули дверь под этим сигнальным маяком. Теперь я видела, что фонарь сделан в виде багряно-красного петуха. Это, без сомнения, была вывеска.

Но мы не остановились у парадной двери. Напротив, наш экипаж проплюхал до угла квартала и свернул налево, в другую темную аллею, где кучер, наконец, остановился. Миссис Плезант вышла.

– Подбери юбки, девушка! – приказала она мне, словно я и вправду была служанкой. – Нет смысла идти на встречу с мадам Сели с грязным хвостом!

Это было необходимое предупреждение. Мостовая здесь, которую я могла лишь смутно различить, была покрыта смердящей грязью. Я ступала со всей возможной осторожностью, пока не добралась до забора, где моя спутница открыла калитку. Потом мы оказались в маленьком захламленном дворике без выхода. К счастью, задняя его стена сильно прогнила, мы протиснулись в дыру и оказались на вымощенном кирпичом дворе, более пригодном для ходьбы, чем только что покинутая аллея.

– Успокойтесь и держитесь чуть позади меня, – шепотом предупредила миссис Плезант.

Я едва не пропустила дверь в стене дома. К ней со двора вела единственная каменная ступенька. Миссис Плезант уверенно ступила на нее и постучала в дверь несколькими короткими ударами.

Дверь приоткрылась, и мы вошли в тесный коридор, освещенный только свечой, которую держала открывшая нам женщина. Я ее почти не разглядела, заметив лишь, что она была негритянка и носила чепец и передник горничной. Не уловила я и слов, которые прошептала ей миссис Плезант. Женщина повернулась и проводила нас к лестнице, куда выбивалось немного света.

Из передней части дома доносились звуки фисгармонии, смех и болтовня. В воздухе носились запахи крепких духов, винного перегара и пряные испарения сожженных благовоний.

Глава тринадцатая.

За лестницей открывался второй холл, обитый плотной красной тканью и неярко освещенный газовыми фонарями в виде позолоченных купидонов, вздымающих факелы. Горничная двинулась дальше к передней части дома, отделенной от нас широкой лестницей, из-за стен которой доносилось множество громких голосов.

Она открыла дверь какой-то комнаты и сделала нам знак войти. Так я очутилась в обстановке, какой мое неискушенное воображение не могло даже представить. Здесь поверх красного ковра были набросаны пушистые золотисто-желтые покрывала. Свет проникал сквозь янтарные и топазовые абажуры ламп. Нигде не было ни признака окон – настолько пурпурные бархатные портьеры с золотой бахромой отрезали комнату от внешнего мира… Потолок был расписан фресками, на которых обнаженные золотые богини разбрасывали розы. Но главным образом меня потрясли стены: зеркала тянулись от пола до потолка, дверь, через которую мы вошли, тоже украшало зеркало. Все они были оправлены в золото, а между ними располагались четыре картины, где без всякой сдержанности во вкусах были изображены обнаженные женщины в полный рост. Каждая картина явно была призвана отображать свой тип красоты – одна брюнетка, другая блондинка, третья шатенка, а последняя – рыжая.

Кровать была очень широка, а ее резное изголовье почти достигало потолка. На изголовье этом резвились купидоны с охапками золоченых роз. Наволочки и простыни, видневшиеся из-под приоткинутого красного бархатного покрывала, были из золотого атласа.

Мраморный камин был снабжен золоченым экраном. Даже каминная решетка была покрыта позолотой и так надраена, будто и в самом деле была отлита из драгоценного металла.

Кругом стояло несколько стульев, все в позолоте, с обтянутыми пурпурным бархатом сидениями и спинками. Здешняя атмосфера была пропитана тяжелым запахом духов, от которого меня даже слегка замутило. Мне захотелось броситься к одному из занавешенных окон, отбросить прочь этот тяжелый бархат и, распахнув створки, впустить ночной воздух. Нигде не было даже следа Викторины.

– Ее здесь нет, – я взглянула на дверь, так искусно скрытую зеркалом, что я почувствовала себя в ловушке.

– Она здесь… но не в этой комнате. Успокойтесь и

предоставьте все мне.

Миссис Плезант спокойно, будто у себя в гостиной, расположилась на стуле. Холодное достоинство, с которым она держалась, и элегантность ее одежды посрамляли эту безвкусную спальню. Я отвела взгляд от стен и от постели, уставившись прямо в камин. Как могла Викторина добровольно прийти в такое вот место? Что на нее нашло?

Зеркальная дверь распахнулась с такой силой, будто женщина, открывшая ее, была не слишком дружелюбно настроена. Небольшого роста, одетая в платье такое же красное, как ковер. И этот ее наряд был так изукрашен разными финтифлюшками, бисером и золотой мишурой, что она переливалась при каждом движении.

Ее светло-каштановые волосы были зачесаны в высокую и чрезвычайно замысловатую прическу. Это сооружение украшали бриллиантовые звездочки, закрепленные на почти невидимой сетке и сверкавшие, стоило ей чуть повернуть голову. Браслеты, унизанные теми же каменьями, обхватывали ее пухлые запястья, а в декольте, вырезанном непозволительно низко, красовалось ожерелье.

– Что тебе еще нужно?

Глаза ее, когда она остановилась перед миссис Плезант, сверкнули тем же жестким блеском, что и бриллианты. Говорила она хриплым голосом, с резким акцентом.

– Перемолвиться с тобой, Сели. – Женщина злобно фыркнула.

– Се время для работать, не для болтать. Приходи с утра, как всегда.

– Когда ты, Сели, еще глубже увязнешь в неприятностях, чем сейчас?

От вопроса миссис Плезант женщина вздрогнула. Она уже готова была возразить, но затем глаза ее сузились, накрашенные губы сжались. Минутой позже она спросила, гораздо тише:

– Что ты имель в виду? Какой непрятность? Моя… в непрятность?

– Точно известно, что сейчас ты скрываешь под этой крышей молодую леди из хорошей семьи, разлученную с родными и близкими. Одно слово об этом капитану Лейзу – и, под давлением справедливой ярости столь влиятельного семейства…

– Ты ошибайсь! Нету у меня как ты сказаль, нету!

– Возможно, тебя обманули какой-то лживой историей. Только это, может, и спасет тебя, когда вмешается капитан Лейз… если ты сумеешь его убедить. Но ты же знаешь его, Сели, и знаешь, что в данном случае он будет вынужден исполнить свой долг. Стоит ли рисковать?

– Лейз! Ха! – Сели расхохоталась. – Какой мне до него дело? Ты знаешь, кто ходить сюда? Лейз только заглянуть в моя гостиная – и бежать прочь, как щенок, поджав хвостик!

Мисс Плезант улыбнулась.

– Полно, полно, Сели. – Она словно журила капризного ребенка. – Ты знаешь капитана так же хорошо, как и я. Уверяю тебя: в данном случае давление будет таким, что никто из твоих важных клиентов не посмеет и пальцем шевельнуть в твою защиту.

Сели изучала лицо собеседницы, выражавшее сейчас еще большую благожелательность, словно пытаясь определить, сколько правды содержит эта угроза.

– Ты это знать? – самоуверенность исчезла из ее голоса.

– Разве я была бы здесь в такой час, если бы не была уверена? Мы, Сели, знакомы очень давно. Поэтому я и пришла предупредить тебя. Не знаю, какую сказку тебе сплели, но правда в точности такова, как я сказала. Если станет известно, что она у тебя, скандал перевернет весь город вверх дном. Мы пришли за ней. Как только она уйдет с нами, все будет забыто.

– Он сказаль… что она его жена… – Сели прикусила свою полную нижнюю губу и сжала руки. – Он будет очень злить…

– Другие обозлятся еще больше, те, у кого есть власть заставить тебя почувствовать свою злость. Оставь ее здесь, и ты лишишься дома, Сели, и, возможно, кончишь свои дни в тюрьме. Ты хорошо знаешь – в этом городе достаточно людей, которым желания заменяют закон.

– Она тоже это говориль… что она его жена.

– Несомненно, он заставил ее так сказать. Я привела с собой одну особу, она хорошо ее знает, и, возможно, убедит пойти с нами.

Миссис Плезант указала на меня. Сели впервые взглянула в мою сторону.

– Она не смочь… она только служанка…

– Да, служанка. Но такая, что знает достаточно, чтобы заставить твою гостью вспомнить, кто она и что она. Дай им поговорить наедине, а потом мы уйдем, и тебе нечего будет бояться.

– Кроме него! А он плохой человек… очень плохой человек.

– У него тоже будут неприятности, это я тебе обещаю. Капитан Лейз не любит тех, кто ловит рыбку в мутной воде, а ему все сообщат.

– Ах, у тебя на все иметь ответ! – бросила Сели.

– Кроме того, тебе ведь уже заплатили золотом за услугу, Сели. Лучше верни его и будь уверена в надежном будущем. Я бы

посоветовала тебе не жадничать в данном случае.

Как бы ни зла была эта женщина, она почему-то не стала перечить моей спутнице. Резко повернувшись к потайной двери, она сказала:

– Ладно. Так и бывать. Эй ты… за мной!

Она обращалась ко мне. Мы пошли назад по освещенному купидонами коридору, продолжавшему последний пролет лестницы.

– Вверх и за первая дверь. – Она поспешила прочь, ее тяжелые юбки шелестели по ковру.

Я двинулась вверх, чувствуя, что не готова выполнить ожидающую меня задачу. Однако когда оказываешься перед неприятным или опасным долгом, лучше всего действовать без проволочек.

При свете единственного газового рожка можно было разглядеть дверь. Я повернула ручку, почти уверенная, что та окажется запертой. Но она распахнулась, и я вошла.

– Кристоф! – Имя было произнесено нежным, мурлыкающим голосом. Викторина сидела в постели, одетая только в прозрачный пеньюар, придававший ей такой же развратный и бесстыжий вид, что и у дамочек на тех мерзких картинах внизу. Когда она увидела меня, ее глаза расширились.

– Ты кто? Что ты здесь делаешь?

Я уже забыла о своем маскараде. Пришлось стянуть чепец и накладные кудряшки.

– Я – Тамарис, Викторина. Я пришла…

Она уставилась на меня, затем напряглась, ее рот жутко задергался. Это была не та Викторина, которую я знала. Только времени понять, что это за незнакомка, она мне не дала, крикнув:

– Убирайся! Слышишь меня – убирайся! Ты мне не нужна! Где Кристоф, что вы с ним сделали? Если ты не уйдешь, я буду кричать, кричать! А потом, когда тебя здесь найдут, ты пожалеешь об этом, ты, драная кошка, которую мой братец приставил шпионить за мной!

Она расхохоталась так дико, что я невольно подумала о наркотиках. Если Амели одурманили почти до смерти, то, возможно, и Викторине дали что-то, помутившее ее рассудок. Я была в таком ужасе, что в этот момент даже не нашлась с ответом. Потом я поняла, что должна прибегнуть к оружию, врученному мне миссис Плезант, иначе никак не смогу увести Викторину из этого ужасного места. Носовой платок был у меня в руке. Но чтобы воспользоваться им, мне следовало подойти поближе к обезумевшей девушке.

– Викторина… – я пыталась придать своему голосу

спокойствие. – Уверяю, я не хочу вам вреда. Мы так беспокоились – ведь вы оставили нас без единого слова…

– Врешь, Тамарис! – Она снова рассмеялась. – Все, о чем ты беспокоишься – как бы Ален не вышвырнул тебя за то, что ты провалила его планы. Он ненавидит Кристофа, он поклялся, что мы никогда не будем вместе. Но Ален – не Le bon Dieu [19] – Снова взрыв этого дикого хохота. – Есть многое, что он не властен подчинить себе, при всей своей силе и деньгах. Теперь я останусь с Кристофом. И когда она узнает, что должна мне, она будет платить – больше и больше. Ален тоже даст нам денег – вот увидишь. Кристоф не из тех, кого Ален может убрать с дороги… он многое знает. Ален будет платить, все больше и больше, и больше…

В ее голосе явно обозначилась истерика. Я же держала себя в руках, зная, что должна сделать.

Затем Викторина принялась повторять слова, мне непонятные, стягивая свой пеньюар с плеч, пока не обнажилась до пояса. Сунув руку под подушку, она выхватила оттуда свое змеиное ожерелье и застегнула его на шее так, чтобы злобная змеиная головка свисала между ее грудями.

Ее манипуляции с ожерельем дали мне шанс, в котором я нуждалась. Быстро приблизившись, я опорожнила содержимое узелка ей в лицо. Желтый порошок упал на ее щеки и подбородок, плотно налипая на кожу. Викторина издала испуганный крик, прервавшийся кашлем, когда она вдохнула или проглотила часть порошка. Пока она кашляла, руки ее упали на колени. Теперь она смотрела прямо перед собой блуждающим взглядом.

– Викторина! – ласково позвала я, накидывая на нее халат. Если она и услышала, то не ответила. – Викторина! – я старалась пробудить в ней хоть искру сознания. – Ты должна одеться, нам нужно быстро уходить.

Она медленно встала.

– Должна… одеться… – повторила она как говорящая кукла.

Все так же глядя перед собой, не видя даже одежды, которую брала ощупью, она оделась. Я постаралась по возможности быстро застегнуть крючки и пуговицы. В эти мгновения я могла думать только о том, чтобы она была сейчас покорна.

Я все еще зашнуровывала ее корсаж, когда дверь приоткрылась. Заслышав слабый скрип, я в ужасе оглянулась. Если б это оказался Д'Лисс, я бы пропала, но там стояла миссис Плезант.

Она осмотрела Викторину и кивнула, подняв с кресла плащ с капюшоном. У меня не было времени привести в порядок волосы Викторины, падавшие ей на плечи. Но в плаще с опущенным

капюшоном, ничего не было заметно.

– Мы должны быстро уходить. – предупредила миссис Плезант. – Действия этих трав хватит ненадолго. Если она очнется здесь, в этом доме, у нас могут быть неприятности.

Я и не нуждалась в понуканиях. Вместе мы свели Викторину вниз. Она шла, словно сомнамбула. Проходя по дому мы никого не встретили; возможно, об этом позаботилась Сели. Нашу подопечную следовало провести через двор и пропихнуть через дыру в стене. Миссис Плезант действовала энергично и быстро. Я гадала, в каких-таких странных подводных течениях этого города приходилось ей плавать. В двойственности ее характера я уже убедилась. Но ее сегодняшняя помощь не имела цены.

Экипаж все еще ждал в переулке. Втроем на сиденье было тесно, поскольку мы усадили Викторину между собой. Я надеялась, что мы управимся с ней, когда действие порошка кончится.

Я не знала, который теперь час. Магазины кругом были закрыты, большинство домов, мимо которых мы проезжали, имели таинственный, скрытный вид. И если что-то пряталось за их окнами, это не была обычная жизнь.

Первоначально я предполагала ослушаться миссис Плезант, и вернуться с Викториной в отель. Теперь я точно знала, что не сделаю этого. Однако я цеплялась за слабую надежду, что миссис Плезант смягчится и согласится со мной.

– Не знаю, как мы сможем вернуть ее в отель…

– Но мы везем ее не туда, детка. Некоторое время ей лучше побыть на Вашингтон-Стрит. Никто не узнает, что она там. А как только мистер Соваж вернется в город, он будет извещен и приедет за ней. Он сможет представить всем правдоподобную историю относительно ее отсутствия и возвращения.

В том, что Ален на это способен, я не сомневалась. Мне следовало бы вздохнуть с облегчением от такого разумного совета, но я никак не могла забыть, что не выполнила своего долга и не оправдала доверия Алена. То, что нам пришлось идти в такое место, чтобы найти Викторину…

То, что Сели говорила об ее браке с Кристофом, могло быть всего лишь предлогом, под которым он добился содействия от этой женщины. Однако возможно, что девушка уверена, будто прошла через какой-то обряд венчания. Если так, Ален знает, как с этим разобраться. Но если хотя бы слух об этом ночном приключении достигнет круга, где вращается Викторина – она погибла.

Поэтому, снова вступив во владения миссис Плезант, облегчения я не чувствовала, лишь мучилась тревогой и дурными

предчувствиями.

Мы не вернулись в гостиную, а быстро поднялись через два пролета лестницы на третий этаж. Здесь наша хозяйка ввела нас в спальню, не блиставшую роскошью, но достаточно удобную, чтобы предположить, что она содержит свою прислугу – если это была комната прислуги – очень хорошо.

Я подталкивала Викторину перед собой. Но как только миссис Плезант захлопнула дверь, этот звук подействовал на мою подопечную, как звон будильника. Она рванулась в моих руках и повернулась ко мне. В свете лампы, которую держала миссис Плезант, ее лицо исказилось от ярости, а скрюченные пальцы попытались вцепиться мне в глаза.

– Пусти меня! – Ее голос поднялся до визга.

Миссис Плезант быстро приблизилась к ней сзади. Пока мы боролись, мне не хватило сил, чтобы уберечься от болезненной царапины на щеке, но тут наша хозяйка схватила Викторину за локти и крепко стиснула их. Викторина продолжала вырываться, но миссис Плезант сумела зажать рот девушки ладонью, превратив ее вопли в невнятное бормотание.

– Вон оттуда… – Миссис Плезант мотнула головой. – Бутылочка на полке. Налейте несколько капель на носовой платок и прижмите ей к носу… быстро!

Викторина отбивалась так жестоко, что волокла за собой миссис Плезант взад-вперед по полу. Я поспешила исполнить приказ. Но когда я вернулась с бутылочкой и платком в руках, Викторина прекратила борьбу. Ее глаза, видные из-под руки миссис Плезант, утратили убийственный блеск, столь пугавший меня.

– Ей сейчас лучше. Викторина, я не хочу пользоваться этим, я хочу только помочь вам. Если мы вас отпустим, вы будете вести себя тихо и слушаться нас… ну, пожалуйста…

Девушка кивнула и миссис Плезант отпустила ее. Но, хотя она больше не визжала и даже не пыталась снова броситься на меня, в ее лице оставалось нечто такое, что сильно пугало меня. Сейчас она разглядывала нас с такой снисходительностью, какую человек, облеченный абсолютной властью, может испытывать к рабам, с которыми может поступить как ему угодно и в любое время.

Она молча переводила взгляд с меня на миссис Плезант. Рука ее потянулась к горлу и легла на змеиное ожерелье, то ли для того, чтобы защитить его от посторонних взглядов, то ли затем, чтобы прикоснуться к талисману, придающему смелости.

Затем Викторина резким голосом повторила фразу, прозвучавшую для меня полной тарабарщиной. Но миссис

Плезант, казалось, это не слишком позабавило. Я осознала, что присутствую при поединке характеров в непонятной мне сфере. В такой, где Викторина полностью доверяла себе и где ожидала только победы. Снова и снова эти странные звуки слетали с ее губ в каденции ритуального песнопения.

Миссис Плезант указала на руку Викторины, лежавшую на змеином ожерелье. Затем ответила негромкой фразой, однако ее веские слова заглушили пение Викторины. Девушка смолкла. Она вздрогнула, жестом защиты подняв обе руки к своему змеиному ожерелью. Вид у нее стал как у затравленного животного, взгляд больше не был прикован к противнице, а метался по сторонам, словно она оказалась в ловушке и отчаянно искала выхода.

Миссис Плезант отступила к двери. Прежде чем взяться за ручку, она достала из кармана нечто, показавшееся мне обычным куском мела. К моему удивлению она остановилась, чтобы нарисовать на тускло-коричневом ковре серию фигурок, столь примитивных, что их мог бы изобразить и малый ребенок. Затем, не взглянув на меня, она молча вышла, захлопнув за собой дверь.

Викторина споткнулась о кровать, и скорее рухнула на нее, чем села. Руки она поднесла к лицу и закрыла ими глаза. Думая, что она плачет, я подошла к ней.

Значение этой перемены, равно как и последних действий миссис Плезант, оставалось для меня тайной. Но если бы Викторина обратилась сейчас ко мне, возможно, эта ужасная ночь дала бы наконец какой-то хороший итог.

Я осторожно протянула руку и коснулась ее плеча. Она вздрогнула и опустила руки, чтобы взглянуть на меня. Со своей затемненной кожей она была так непохожа на знакомую мне Викторину, что мне казалось, будто я смотрю в лицо неизвестной женщины. К тому же и в выражении его появились едва уловимая, но неприятная перемена.

– Тамарис… Тамарис, которая всегда права, всегда корректна, всегда леди! – Ее голос был очень тих. – Тамарис! – Она указала на меня пальцем, но как-то странно, будто показывала на меня кому-то невидимому, находившемуся сейчас вместе с нами в комнате.

Конечно, это была всего лишь мрачная фантазия, однако я невольно оглянулась кругом.

– Ты глубоко увязла, Тамарис. Поэтому черный петух прокричит для тебя, а белый петух умрет. Хотя, возможно, этого ты уже не увидишь. И Он Сам, – ее рука снова легла на зловещее ожерелье, пальцы поглаживали эмалевые чешуйки, – выйдет из могилы, чтобы…

– Викторина! – прервала я ее жуткие причитания. – Что за

чепуху вы говорите?

Она улыбнулась, и впервые в жизни я поняла, насколько улыбка может быть ужаснее оскала.

– Ты ведь не понимаешь, правда? Но она, – ее палец указал на дверь, – понимает. Она думает, будто знает очень много! Но перед знаниями Кристофа ее знания – ничто! – Последнее слово она страстно выкрикнула.

Фантазии… моя голова была буквально переполнена дикими фантазиями, порожденными событиями этой ужасной ночи. Итак, это вуду – вера в темных духов таинственного африканского континента, завезенная в Новый Свет рабами, что использовали всякую возможность отомстить своим угнетателям. И главную опасность для Викторины составляло именно вуду. Неужели она добровольно или под чужим влиянием стала стала настолько привержена этой злобной вере, что отвернулась от собственной крови и расы, так же переменившись душой, как она затемнила кожу, чтобы принадлежать другому народу. Я невольно отшатнулась на шаг, и снова она улыбнулась на тот же мерзкий манер.

– Начинаешь чувствовать, а, Тамарис? Ты уже ощутила силу Великого. Не сделать ли мне тебя «ездовой лошадью», чтобы Лоа мог войти в твое тело и носить его, как ты носишь платье, и пользоваться тобой, как если бы ты была обрывком одежды? А когда Великий оставит тебя, тебе придется увидеть, что ты делала и с кем… Думаешь, тогда мой брат позволит тебе больше, чем прикоснуться к подошвам его грязных сапог? Ты таращилась на него во все глаза, ты думала, будто никто не знает твоей дурацкой маленькой тайны… что ты влюблена в него. Но после Лоа ты станешь грязью в канаве! Великий любит развлекаться так с теми, кто считает себя «хорошими». – Слово это она произнесла так, словно оно было непристойным.

Затем она придвинулась ближе и начала говорить с некоторой долей своей прежней живости. Но что она говорила! Она произносила грязные слова, непонятные мне, потом злобно улыбалась или смеялась, объясняя их значения. Я заткнула уши, но не могла остановить потока ее слов, усмешек, хохота…

Это… это была не Викторина. Старые сказки об одержимых злыми духами, возможно, были правдивы. Юная девушка не могла знать мерзости, подобной той, что она сейчас изрывала, раскачиваясь взад и вперед, сжимая руками змеиное ожерелье.

Впоследствии я так и не могла вспомнить, долго ли это продолжалось. Наконец дверь открылась и вернулась миссис Плезант. Увидев ее, Викторина смолкла. Я заплакала от нервного перенапряжения и страха перед тварью, что, как мне казалось,

вселилась в тело Викторины.

Миссис Плезант принесла поднос с графином рубинового богемского стекла и двумя стаканчиками. Она поставила его на комод.

– Я получила сообщение. К несчастью, мистера Соважа еще не нашли. – Говоря это, она наливала из графина в стаканчики. – Его усердно ищут те, кто имеет причины питать ко мне благодарность. На одном из его предприятий возникли затруднения, устроенные кем-то, кто хотел удалить его на время города. Как только его найдут, его сразу доставят сюда.

Взяв ближайший стакан, она подала его мне.

– Выпейте. Это восстановит ваши силы.

Я была так измучена, так отупела душевно, что подчинилась беспрекословно. Я снова отпила того снадобья, что она называла настойкой из клевера.

– А теперь – спать. Нет, – она поймала мой тревожный взгляд, обращенный на Викторину, – вам нет нужды беспокоиться. Здесь она будет в полной безопасности.

Я чувствовала себя так, словно не спала несколько дней. Я доковыляла до кровати, на которую указала мне миссис Плезант, и рухнула на нее, даже не раздеваясь. Прежде, чем мои веки окончательно сомкнулись, я увидела, что Викторина встает, а миссис Плезант хватает ее за руку. Мрачная и злобная усмешка вернулась на лицо Викторины. Девушка подняла свободную руку, широко растопырив пальцы. Через них она плюнула в меня, словно наводя проклятье, причем с такой ненавистью, какую я не считала себя способной вызвать в ком-либо.

Возможно, отчасти эта злая воля преследовала меня и во сне, ибо сны мои были таковы, что я пробуждалась, задыхаясь от ужаса, хотя и не могла вспомнить, что же напугало меня. И каждый раз, когда я так просыпалась, я лишь смутно узнавала комнату, где лежала, словно сон был более реален. Потом я снова погружалась в сон, несмотря на слабые попытки бороться с ним, чтобы снова встретиться с кошмаром.

Когда я пробудилась в третий раз, уже наступил день. Кто-то тряс меня за плечо, на меня смотрело знакомое лицо, хотя, все еще в дурмане сна, я никак не могла вспомнить, чье.

– Мисс! Мисс! – В голосе звучала такая настойчивость, что я полностью и окончательно пробудилась.

– Сабмит?

– Мисс… послушайте. – Она упала на колени перед кроватью и зашептала мне прямо в ухо. – У нас неприятность, большая неприятность. Она говорит, вы должны помочь…

Я резко села. Во сне кто-то укутал меня одеялом. На мне

оставалось собственное белье, однако платье с меня сняли.

– В чем дело?

– Вы должны помочь, мисс. Проснитесь… слушайте!

– Я проснулась и слушаю. – Я огляделась. Викторины в комнате не было.

– Где… ?

– Ради бога… сейчас нет времени говорить. Слушайте… она велела… оденьте!

Сабмит подняла с пола узелок, встряхнула его и продемонстрировала фланелевую ночную рубашку, предназначенную для женщины, носившей одежду на несколько размеров больше моего.

– Но сначала… – Она бросила это фантастическое одеяние на постель и повернулась к столику, где дожидались губка, полотенце и таз. – Позвольте мне умыть вас. Скорее, мисс – у нас совсем нет времени.

Глава четырнадцатая.

Действовала она быстро и ловко. Я увидела, как вода окрасилась коричневым, когда она смыла краску с моей кожи. Когда все было сделано, она надела на меня ночной чепец, завязала его потуже, и натянула через голову рубашку. До этого я не задавала вопросов, захваченная настойчивостью ее действий, но теперь спросила:

– Ты должна сказать мне, зачем…

– Здесь мужчина, он ищет девушку. Мы покажем ему девушку, которая больная лежит в постели. Он увидит, что это не та девушка, что он ищет – и уйдет.

Кристоф Д'Лис? Но как он выследил нас, и почему миссис Плезант впустила его в дом? Неужели Сели проболталась сразу же после нашего ухода? А что до роли, которая мне предложена… я была уверена, что не сумею ее сыграть. Но у меня уже не было времени возражать, да если бы я и воспротивилась, решения здесь принимала не Сабмит.

Она опорожнила таз с окрашенной водой в помойное ведро, затем убрала полотенце и губку в умывальную тумбочку и заперла ее.

– Она велела передать вам, что молодая леди надежно спрятана. А если он увидит больную девушку, то решит, что те, кто ему наболтали, ошиблись. Он не станет крутиться здесь и выслеживать. Вы больны, мисс. Запомните это… взаправду больны.

Когда я снова улеглась, широкие складки ночной рубашки окутали мое тело, и мне вдруг захотелось стащить через голову это одеяние. Однако лучшее, что я могла сделать – это отвернуться от двери и надеяться, что сумею разыграть немудреную роль прикованной к постели страдалицы. Комната была не слишком ярко освещена, а единственное окно – довольно далеко.

– Полежите. – Сабмит задержалась возле меня, чтобы повторить свистящим шепотом: – Вы взаправду больны!

Я не нуждалась в напоминании. Я и впрямь была больна: от нервного страха мое похолодевшее тело сотрясала дрожь.

Слух мой обострился, возможно, из-за того, что я стремилась уловить малейший шорох. Сейчас я слышала глухие шаги в коридоре, зная, что они направляются к моей двери. Она распахнулась, и я так напряглась, что мои мускулы заныли от боли. А я должна была оставаться безразличной, не сознающей, что происходит.

– Смотрите, масса, – голос Сабмит, смиренный, каким я никогда его не слышала раньше, звучал отголоском дней рабства, когда она была вещью, а не личностью, – вот эта девушка. Она из тех, кто развлекает джентльменов, но она сейчас шибко больна. Вы сами можете видеть, масса…

Мои глаза оставались закрыты. Шаги приблизились к постели. Затем меня схватили за подбородок и повернули голову. Я так испугалась, что невольно открыла глаза и взглянула в лицо, которое никогда не забуду. Однако впоследствии у меня появились более веские причины, чтобы оно навечно врезалось в мою память.

Это был тот молодой человек, которого я видела на балконе с Викториной. Он был красив, черты его отличались почти женственной тонкостью. Однако узкая линия усов и небольшой, но волевой подбородок явно указывали на его пол. Его брови под необычным углом поднимались над глазами, а они были самым странным в его внешности. Они были непохожи на любые другие человеческие глаза, когда-либо виденные мною. Их цвет приближался к янтарно-желтому, а зрачки были ненормально большими и черными.

Растущий страх помог мне сыграть мою роль удачнее, чем если бы я действовала сознательно. Я слабо застонала и закрыла глаза под этим пронизывающим взглядом, уставленным на меня так, будто он хотел изучить не только мои черты, но даже мысли.

Он убрал руку, и я позволила своей голове упасть на подушку.

– Видите, масса – здесь нет никого вроде той девушки, о которой вы спрашивали. Миссис Плезант, она ведь так запросто не пустила бы вас взглянуть, кабы мы врали. – Сабмит быстро отбросила свое смирение, из чего я вывела: она уверена, что наше испытание близится к концу.

– Я еще поговорю в должное время с твоей хозяйкой. – У него был слабый акцент.

Наконец он ушел. Я услышала, как закрывается дверь, потом – звук шагов, удаляющихся по коридору. Тогда я села в постели. Чем скорее мы с Викториной покинем этот дом, тем лучше. Конечно, Алена уже нашли, и он на пути к нам. С его возвращением кошмар кончится. Я не сомневалась, что Ален Соваж сумеет справится с Кристофом Д'Лисом. Сабмит не возвращалась, и я, чтобы не терять попусту времени, оделась и привела в порядок волосы. Но когда я ткнулась в дверь, то обнаружила, что она заперта. Сделала ли это Сабмит для того, чтобы сюда никто не проник? Но даже если она поступила так ради моей безопасности, я все равно вознегодовала. Надо было

уходить! Я подозревала, что Кристоф Д'Лис не из тех, кто легко отступается. А насколько далеко простирается желание миссис Плезант укрывать нас – это уже другой вопрос. Я принялась размышлять, что кроется за ее заботой о нас. Она уверяла, что связана долгом перед моим отцом, и в это я могла поверить. Но Викторине-то она ничего не должна. И… если бы только Ален был здесь!

Но мое желание не в силах было его вернуть. А до его приезда ответственность за Викторину полностью лежала на мне, и я не могла переложить свою ношу на плечи миссис Плезант. Поэтому сейчас моей первейшей обязанностью было найти Викторину, и надеяться, что она стала разумнее.

Не было времени простирать руки, взывая к небесам на дурацкий манер героинь сентиментальных романов. Наступил момент собрать все мое мужество и силу, чтобы мыслить ясно.

Простое дело – одевание утомило меня, и я поняла, что сильно проголодалась. Только теперь я заметила на комоде поднос с несколькими накрытыми блюдами.

То, что я обнаружила, приподняв крышки, являло собой странную смесь, словно бы собранную из остатков после банкета. Там были крабы, фаршированные мясом под острым соусом и гарниром из рубленных крутых яиц. Холодные бобы с какой-то другой пикантной приправой и рядом – ломтик ветчины. А еще – пирожное с орехами. Необычный подбор, но все было превосходно приготовлено, так что я съела завтрак до последней крошки. К стакану с вином я не прикоснулась. Возможно, мою недавнюю сонливость вызвала «настойка из клевера», сейчас же я не хотела ничем притуплять свой мозг.

Так подкрепившись, я стала думать, как бы вырваться из комнаты. Сабмит не возвращалась, и нигде не было заметно ни звонка ни кнопки. В том, чтобы молотить в запертую дверь или звать из окна, я не видела смысла.

Любопытство толкнуло меня повнимательнее изучить комнату. К окну приближаться я избегала. Оно, правда, было занавешено, но ткань была тонкой. Нельзя, чтобы кто-нибудь внизу мог увидеть, как «больная» ходит. Я как раз прилагала очередное усилие, чтобы не проходить мимо окна, когда случай послал мне новое открытие.

Хотя, отправляясь в эту экспедицию, я обулась в самые прочные башмаки, они все же не были предназначены для таких тяжелых испытаний, что выпали им в последние часы. Когда я поворачивалась, оторвавшаяся набойка зацепилась за ковер. Пошатнувшись, я схватилась за стену, и панель подалась под моей рукой!

В испуге я отшатнулась. Но от нового толчка отверстие стало еще больше. Приглядевшись, я поняла, что передо мной низенькая узкая дверь.

Несколько осторожных опытов дали мне понять, что дверь открывается так легко, значит, не стоит предполагать, будто я наткнулась на какой-то забытый ход. И возраст дома был не таков, чтобы предположить наличие в нем древних и ужасных потайных ходов. Поскольку на той стороне не было ни задвижек, ни замков, я решила, что могу рискнуть пройти по нему хотя бы немного. Но мои юбки оказались слишком пышными, чтобы протиснуться в такой узкий коридор.

Окончательно осмелев, я ликвидировала помеху, скинув верхнюю юбку своего платья и запахнувшись ради приличия в плащ. Вооружившись свечой, я устремилась внутрь. Да, коридор был узок, и я правильно поступила, что избавилась от части одежды.

Поначалу, насколько я могла судить, ход шел параллельно коридору. Затем я ступила на ступеньку лестницы, где от мерцающей свечи было мало толку. Дальше я двинулась с удвоенной осторожностью, предваряя ощупью каждый шаг.

Так я спустилась на второй этаж, надеясь найти там выход. Отзвук голосов насторожил меня. Прикрывая свечу ладонью, я осторожно вгляделась во мрак перед собой. Там я увидела отблеск света и подкралась к щели, что была на уровне глаз. Хотя поле моего зрения было ограничено, я обнаружила, что заглядываю в ту самую гостиную, где была при первом посещении этого дома.

Прямо передо мной были кресла и камин. Я видела их так ясно, что убедилась – щель была сделана специально.

Щель давала возможность не только видеть, но и слышать. И тут я окаменела от изумления. Миссис Плезант сидела в кресле, в котором я ее уже видела, элегантная и радушная – знатная дама, принимающая утренний визит. Она излучала симпатию.

Напротив нее, в другом кресле сидела женщина, явно далекая от спокойствия души и тела.

Миссис Билл!

Хотя на ней было настолько простое платье, что в нем могла бы выйти на улицу работница, и шляпка в том старомодном стиле, что предпочитала миссис Плезант, плотная вуаль ее сейчас была откинута, открывая измученное лицо, по которому сейчас безошибочно определялся ее возраст. Это лицо, прежде выхоленное с таким старанием и искусством, было теперь опустошенным и постаревшим. Вид у нее был такой, будто она только что вышла из спальни после тяжкой болезни.

– Говорю вам, это не может так продолжаться! – голос ее был хриплым, словно она несколько часов непрерывно плакала. Да и глаза у нее были красные, а веки опухшие и воспаленные. – Она… она… такая…

– Какая есть, – спокойно сказала миссис Плезант.

– Она такая, какой ее сделала я, хотели вы сказать? – Миссис Билл конвульсивно сжала руки. – Клянусь вам, у меня не было выбора! Во всем виновата эта проклятая лотерея. Я была в таком отчаянии. Джеми умер так неожиданно, и мне не к кому было обратиться. Мистер Соваж ясно дал понять, что не желает иметь со мной ничего общего – а это было еще до того, как он узнал о Джеми. Потом все начали болтать про чудесные шансы на золотых рудниках Америки, лотерею акций, только те, кто желали получить их, должны были приехать сюда, чтобы сделать заявку. Говорили, сам император попытал счастья… Брат Джеми дал мне денег для покупки акций. Я верила, что он желает мне добра. Только много позже я поняла: все родственники Джеми боялись, что я стану требовать нечто и для Викторины, и это вызовет скандал. Джеми на смертном одре просил их позаботиться обо мне, но я никогда им об этом не напоминала. Они думали, что если я останусь во Франции, я смогу… я не знала… Bon Dieu, как могла я знать, что власть имущие предназначают эти проклятые акции для особых целей – избавиться от тех, кто может вызвать проблемы. В старые времена у французских королей было право «lettres de cachet» – те, кто был в фаворе, получали чистый ордер и могли, вписав в него имя своего врага, заточить его без суда в тюрьму на всю жизнь. Семья Джеми использовала эти акции с той же самой целью – выслать меня за море умирать от голода или гнить в канаве. Их вполне устраивало и то и другое. А я от большого ума поверила, что мне повезло. – Она глухо засмеялась. – Я оставила Викторину своей кузине – немыслимо было подвергать маленького ребенка опасностям такого путешествия. Я должна была составить себе здесь состояние и затем вернуться за ней, и тогда все у нас снова будет хорошо. Я мечтала как дура… я и была дурой. Господи, как я мечтала! Но когда я приехала сюда, наступило отрезвление. Лотерея оказалась блефом, ничего здесь не было. Чтобы не умереть с голоду, мне пришлось… Нет, я не могу произнести! В Европе я была дамой с положением, с именем, а кем я стала здесь? Вся моя родня подобрала бы юбки, лишь бы случайно не коснуться меня. Я знала, что должна забыть оВикторине – она была, в конце концов, в безопасности, – забыть, кем я была раньше… Вы нашли меня в этом проклятом доме, дали мне надежду и новую жизнь. Я больше не была «Фифи», я снова

обрела положение и безопасность… почти. Но я не могла вернуться домой – было слишком поздно. Я тайно пересылала деньги и время от времени получала известия: Викторине хорошо, она счастлива. Затем о ней прослышали Соважи. Что я могла сделать? Только ждать того дня, когда жизнь моя рухнет и я снова скачусь в грязь. Я увидела ее… и она узнала меня, узнала с ненавистью. Я прочла это в ее лице, ее глазах. Она писала мне эти записочки, каждая – как нож в мое сердце. Она… она стала чем-то таким… я не нахожу слов, чтобы сказать, какая она сейчас. Только когда я гляжу в ее лицо, под этой ангельской маской я вижу зло, мерзкого дьявола, что вселился в нее. И жду, чтобы хоть что-нибудь… не знаю что… спасло меня от гибели.

Пальцы миссис Билл тряслись. Как раньше она сломала свой веер, так теперь рвала в клочки носовой платок, не замечая, что делает. Я была слишком ошеломлена сказанным, чтобы размышлять, я могла только слушать.

– Джеймс… он так добр ко мне. Он гордится мной – мной, побывавшей в том притоне, где вы меня нашли, откуда вырвали и дали мне новую надежду. В молодости все романтики. Говорят, что готовы «умереть за любовь» и тому подобную чепуху. Но я… я и вправду скорее умру, чем допущу, чтобы Джеймс узнал правду о моем прошлом, все, чем я была и что делала! Если она будет и дальше подстерегать меня и преследовать своими вымогательствами, клянусь, так я и сделаю. Я отдала ей все, что могла. Отдать ей свои драгоценности или продать их, чтобы добыть денег – значит, вызвать подозрения у Джеймса. Он подмечает такие вещи лучше, чем большинство мужчин. Ему доставляет удовольствие видеть, что я надеваю его подарки. Генри меня терпеть не может. Я знала это с самого начала. Он следит за мной, стремится раскопать какие-нибудь компрометирующие меня сведения, чтобы сообщить отцу. Я была так осторожна, так осмотрительна. Вы и представить не можете, как взвешивала я каждое слово, каждый жест, чтобы убедить Джеймса в несостоятельности возможных сплетен. Так продолжалось годами и вот теперь это! Я больше не могу терпеть! Если она хочет моей смерти, она ее добьется. Я на пределе сил, я, которая столько вынесла…

Истерические ноты, свойственные прежде ее голосу, исчезли. Теперь в нем слышалась решимость женщины, сделавшей свой выбор. То же читалось на ее лице. Уверена – миссис Билл сделала бы то, о чем говорила. Она предпочла бы смерть такой невыносимой жизни.

Миссис Плезант нагнулась, взяла ее трясущиеся руки в свои, сжала их и заглянула прямо в глаза собеседницы.

– Вы не сделаете ничего такого… понимаете, ничего! У вас больше ничего не будут вымогать. У меня есть верные люди, и они устранят угрозу, которой вы так страшитесь. Я это обещаю. Вы вернетесь домой; там вы скажете, что больны.Лиззи принесет вам от меня снадобье, которое успокоит ваши нервы и вернет спокойный сон. Я была вашим другом раньше, останусь им и сейчас. Прошлое сгинуло и забыто. Никто не станет ворошить пепел и вызывать призраки. Возвращайтесь домой, ложитесь спать и ничего не бойтесь. Я обещаю вам свою защиту.

Она говорила медленно и спокойно, как с испуганным ребенком. Казалось, новые силы и мужество переливались от нее к женщине, чьи руки она сжимала.

Миссис Билл подняла голову. Дикого, затравленного взгляда как не бывало. Она закивала, соглашаясь. Ее утешительница помогла ей подняться на ноги и ласково накинула мантилью ей на плечи. Затем миссис Плезант проводила гостью, а я продолжила свою экспедицию.

Оказалось, что из этого коридора нет другого выхода – через несколько шагов он кончался тупиком. Я вернулась в свою комнату, размышляя об услышанном. Многое в исповеди миссис Билл осталось мне непонятным, однако, она признала Викторину своей дочерью! Трудно было поверить, что эта женщина сумела полностью отрезать себя от прошлого – сейчас она казалась настоящей американкой. По-английски она говорила без малейшего акцента.

Теперь прояснилось значение записки, найденной мной в комнате Викторины. Дочь вымогала деньги у матери, а записка означала, что миссис Билл сделала последнюю выплату.

Того, что я узнала о Викторине на протяжении последних нескольких часов, было достаточно, чтобы полностью подорвать во мне веру в свою способность судить о человеческом характере. Я могла только предполагать, что девушка настолько подпала под влияние Д'Лиса, что он вконец развратил ее, чистую и невинную, какой она мне представлялась.

Если мы сумеем освободить ее от Д'Лиса, увезти ее, возможно, со временем ее природа победит, и она снова сможет стать хорошей девушкой. Но устранить Д'Лиса может только Ален. Он давно должен был явиться! Я так страстно жаждала его увидеть, что принялась молиться, расхаживая по комнате. Так я не молилась никогда в жизни… разве что о спасении моего отца, но тогда мои молитвы не были услышаны.

Отец мой не был святошей или религиозным, по общепринятым стандартам, человеком. Он рано порвал с узкими рамками веры, в которой возрос. Его широкая начитанность и

путешествия развили в нем сомнения во многих условностях, поддерживаемых церковными догматами. Однако он никогда не отрекался ни от веры в бога, ни от мнения, что она служит в этом мире источником добра, ведущего битву со злом. Нам стоит только оглядеться вокруг себя, чтобы ощутить эту смертельную борьбу.

Честность, храбрость и сострадание – вот добродетели, по которым он судил окружающих. В этих же правилах он воспитал меня. Я посещала церковь в годы, проведенные в Эшли-Мэнор, и обнаружила в тех, кто предан установленной догме, как многое, достойное восхищения, так и узость взглядов, душевную черствость, для меня совершенно невыносимые. Я жила собственной внутренней жизнью, и не по правилам общепринятого благочестия, а скорее, по учению отца. Каждая ситуация нуждается в моральной оценке, и я старалась думать так, как мог бы думать он.

Много раз я обманывалась. Наверное, я буду обманываться всю жизнь. Это крест, который всем нам приходится нести.

Но в Викторине я чувствовала зло, с которым никогда не встречалась. Много попутешествовав в юности, я была гораздо лучше осведомлена о некоторых сторонах жизни, чем большинство молодых леди. Я знала, что деградация, открытый разврат и преступления Варварского Берега свойственны и многим другим городам. Еще я знала, что во многих роскошных домах, среди утонченных и внешне порядочных людей также процветают жестокость и похоть, укрытые покровом приличий, который не должно приподымать.

Когда моральные барьеры падали, и люди давали волю своим низменным страстям, свершались чудовищные преступления. Не знаю, в какое гнусное болото вляпалась Викторина, но это был не тот мир, который я знала. И его влияние ложилось теперь на нее, как грязный черный налет на ее белую кожу.

У Алена есть сила воли; отвага, решимость и, как я надеялась, чувство глубокого сострадания, необходимые, чтобы вырвать сестру из трясины. Если мы сможем удержать ее подальше от Д'Лиса до возвращения Алена…

Доверие миссис Билл к миссис Плезант было беспредельно, ведь она очень помогла несчастной в прошлом. Я должна была надеяться, что хозяйка дома станет теперь и нашим добрым ангелом. В одном я была уверена – она сможет подчинить Викторину, а я – нет.

Я снова облачилась в юбку, скинутую, когда я проникала в коридор. Мои часы остались в отеле, а в комнате часов не было. Хотя снаружи был день, я не знала в точности, сколько сейчас

времени. Оставаться здесь, не зная, ни что происходит с Викториной, ни когда вернется Ален, было выше моих сил.

Когда я подошла к двери, решив молотить в нее, пока мне не откроют, та распахнулась сама и передо мной предстала миссис Плезант.

– Что Викторина? – сразу спросила я.

– Спит. Пойдемте, посмотрим. – Она проводила меня через холл в комнату, неотличимую от той, что занимала я.

Голова Викторины – кожа на ее лице все еще была зачернена – мирно покоилась на подушке. Викторина была в такой же ночной рубашке, что принесла мне Сабмит. В комнате не было гардероба, и вообще ни малейшего признака другой одежды. Миссис Плезант, выпроводив меня из комнаты, заперла дверь, и нацепила ключ на кольцо, висевшее на ее поясе.

– Она в безопасности. Вы прекрасно сыграли свою роль. Д'Лис ушел. Конечно, он и без того не сумел бы ее найти, но, если бы вы его не провели, те, кто служат ему, продолжали бы следить за нами снаружи.

– Я не думала, что он сможет выследить нас здесь. Хмурая складка чуть обозначилась между ее четко очерченными бровями.

– Да. Это и меня беспокоит. Однако, для вас у меня есть хорошие новости. Мистера Соважа разыскали и он возвращается. Если дела пойдут хорошо, он довольно скоро будет здесь…

– Какие еще дела могут помешать приезду Алена… мистера Соважа?

– Все так зыбко в этом мире, детка. Мы мало знаем о Д'Лисе. В основном меня заботит, как он сумел нас выследить. И он не один – мои люди сообщают, что у него есть наемники, хотя сколько их, я пока не знаю.

Я вздрогнула. Возможно, Алену не следует приходить к нам сюда – во всяком случае, одному. Я была уверена, что он управился бы с Д'Лисом, если бы уроженец Вест-Индии был один. Но что, если он столкнется с целой шайкой?

– Ален… его нужно предупредить! Если они будут следить за домом, Д'Лис сможет узнать его при встрече, а он знает Д'Лиса только по описанию.

Миссис Плезант кивнула, соглашаясь.

– Одну трудность вы уже поняли. Но мои люди бдительны, им известно, чего можно ожидать, когда они доставят сюда мистера Соважа. Однако есть еще один вопрос, который бы я хотела обсудить с вами до того, как вы встретитесь с ним.

Она проводила меня вниз, в гостиную, где усадила в то самое кресло, что прежде занимала миссис Билл. Я мельком подумала: «Похоже, что подошла моя очередь исповедаться и положиться на

ее милосердие».

Но она, не прерывая молчания, принялась ворошить дрова в камине. Несмотря на разгоревшееся пламя, в комнате стояла промозглая сырость, обычная, впрочем, для этого города. Весна здесь не была ни солнечной, ни теплой. Оставив огонь пылать в полную силу, хозяйка повернулась и оглядела меня с головы до ног.

– В вас нет ничего от этой кукольной красоты, что нынче в моде.

Начав так, она полностью овладела моим вниманием.

– Но вы уже научились подчеркивать достоинства юности, – продолжала она рассудительным тоном. В этот момент я могла бы, закрыв глаза, представить, что я снова у мадам Эшли. – Это не лучший мир для девушки, не имеющей за спиной ни богатства, ни родных. Вам нужен муж и положение в обществе. Я говорю об этом прямо и даю тот же совет, что дала бы родной дочери, окажись она на вашем месте. Мистер Соваж не только не женат, но и не выказывал до сих пор никакой склонности к браку. Однако, никогда прежде он не выказывал и ничего большего, чем общепринятая вежливость, по отношению к какой-либо одной молодой леди. Его привычки повергали в отчаяние большинство местных свах. Поэтому, когда он выделил вас на первом балу, который дал впервые за многие годы, это послужило темой для разных предположений среди тех, кто имел виды… Вы гадаете, откуда я все это знаю? Здесь сам ветер рождает сплетни. С той ночи ваше имя, детка, на многих устах. После такого демонстративного жеста легко поверить, что он питает к вам интерес. У вас есть прекрасный шанс удержать этот интерес настолько, чтобы он превратился в постоянную симпатию. Хотя вам может понадобится некая неявная помощь, поскольку вы уже навлекли на себя злую волю.

Я остолбенела. На моем лице, должно быть, легко читалось потрясение от ее дерзости, поэтому она смолкла, но не перестала улыбаться.

А еще я сильно встревожилась. Хотя однажды я уже предупреждала Алена, что злые языки не преминут отметить любое мое отступление от правил приличия, но я не предполагала, что мы станем темой для сплетен из-за бала. Возможно даже, злобных сплетен, как намекала миссис Плезант. – Я не верю, – продолжала она на тот же деловой манер, – что вы питаете такое уж сильное отвращение к более близким и теплым отношениям с вышеупомянутым джентльменом.

Глава пятнадцатая.

– На моем месте особых надежд не питают.

Я пыталась укрыться за надменностью, надеясь, что это исключит все дальнейшие комментарии. И я все не смела сознаться самой себе в том, что она говорит правду. Я решила, что не позволю таким мыслям завлечь меня в унизительный самообман.

Улыбка миссис Плезант стала еще шире. Состязаться с ней я не могла и хорошо знала это. Мои претензии на внешнее спокойствие были такой же ложью, как и мои слова. Мне было так стыдно! Она, должно быть, видела меня насквозь. Это правда, я думала об Алене гораздо больше, чем о любом другом человеке. Но я неизменно старалась подавлять такие мысли. И то, что моя невозможная мечта должна была обсуждаться подобным образом, ранило мою гордость. И вот что было хуже всего: раз посторонние заметили мою слабость, значит, я сама каким-то промахом, подала повод к сплетням. Я чувствовала, как румянец горит на моих щеках, а стыд поднимает волю на борьбу за гордость.

Может, она хочет дать мне совет, как заарканить Алена? Сама мысль о таком низком поступке столь возмутила меня, что мне даже стало дурно. Разве будет честная женщина радоваться, добившись победы такими средствами? Не то, чтобы я верила, будто интерес Алена ко мне был так значителен, как она утверждала. Но к моему решению не слушать ее, если она будет продолжать в том же духе, это не имело отношения.

– Это привычка, детка, – она словно читала мои смятенные мысли, но пренебрегала моим отвращением. – Как я уже помогала другим достичь желаемого в подобных делах, так могу сделать то же и для вас, но по более важной причине. Нет, не давайте мне ответа, который вертится сейчас у вас на языке. Подумайте, прежде, чем скажете. Мистер Соваж будет благодарен вам за старания помочь его сестре. И вы легко можете стать для него незаменимой. Я яростно замотала головой.

– Не хочу, чтобы это было так!

Она даже бровью не повела. Ласково улыбаясь, словно перед раздражительным ребенком, она встала.

– Останьтесь и подумайте, дорогая, хорошенько подумайте. Сабмит принесет вам чаю. Возможно, позднее у меня будут для вас новости получше.

С тем она меня и оставила. Конечно, мне было о чем подумать, но эти мысли отнюдь не успокаивали.

Сабмит принесла мне еду… и кое что еще: письмо, которое

она извлекла из кармана передника, когда поставила поднос. После ее ухода, я осторожно, помня о смотровом глазке в стене, вскрыла конверт.

Подойдя к камину так, чтобы полностью загородить собой письмо со стороны стены, я опустилась на колени, словно желая погреть руки.

Послание было без обращения.

«Предупреждаю – не доверяйте М. Если вы это сделаете, то не только сами попадете в рабство, но, возможно, вовлечете в него и других. Она хочет подчинить всех нас. В этом городе есть много людей, чья неосторожность дала ей власть над ними. Есть и другие, кто верит, будто обязаны выказать ей благодарность, но они, однажды согласившись принять ее помощь, вскоре оказываются запутаны в ее интриги. Она давно хочет получить власть над А. С. Если вы позволите ей втянуть его в какие-то ее планы или сговоритесь с ней, он станет одной из ее марионеток. В конце она всегда требует свою плату – и это может обернуться рабством, в котором она с немалым наслаждением держит людей белой расы – тех, кого она всю жизнь считала своими врагами. Если вы питаете благодарность или какое-то другое чувство к А. С, не позволяйте ему вступать с ней ни в какую сделку. Спасите его от этой роковой ошибки».

Подпись, как и обращение, отсутствовала. Миссис Дивз, конечно, предприняла эти предосторожности, чтобы защитить себя. Но я вспомнила ее реакцию при встрече в магазине. Она сама должна принадлежать к тем, кто попался в такую же ловушку, против которой она предостерегала меня.

Возможно, я расценила бы все это как вспышку ревнивой женщины, желающей, чтобы я исчезла из ее жизни, если бы не предшествующая беседа. Мне тоже предлагали помощь. Несомненно, Ален Соваж принадлежал к самым значительным людям в Сан-Франциско. У меня были весьма смутные представления о его состоянии, но я была уверена, что оно имеет впечатляющие размеры.

Итак, если миссис Плезант движут мотивы, приписанные ей письмом миссис Дивз – прибавить Алена к перечню людей, обязанных ей благодарностью, – это могло оказаться сильным ударом. И если он придет сюда за Викториной под защитой ее людей, тогда она сможет диктовать условия. Однако… если предположить, что он будет предупрежден заранее… Я глубоко верила в способность Алена овладеть любой ситуацией. В таком случае он сможет расстроить планы миссис Плезант. У меня было не так уж много материала для размышлений: только письмо миссис Дивз и предложение, сделанное миссис Плезант, но при

моем нынешнем возбуждении это предостережение казалось достаточно грозным.

Скомкав письмо, я швырнула его в огонь. Я знала, как выйти из дома, однако я понятия не имела, как добраться до отеля. Мои деньги все еще оставались со мной. Возможно, мне удастся нанять какой-нибудь экипаж. Если я смогу связаться с Аленом до того, как он придет за Викториной…

Во всей этой печальной истории меня угнетала еще и собственная вина. Все началось из-за моей невнимательности, поэтому именно мне следовало довести дело до конца. Тогда я смогла бы примириться с тем, то Викторина впредь обойдется без моего надзора и помощи. Чем скорее Ален возьмет ее под свою непосредственную опеку, тем лучше.

Мое доверие к миссис Плезант поколебалось. Она уже сделала больше, чем я могла ожидать от нее. Но какова будет окончательная цена за ее услугу? Если кто-то должен платить, пусть это буду я, но не Ален.

Очень давно я не получала совета, которому могла бы довериться, и вынуждена была полагаться исключительно на себя. Я смутно сознавала, что это опасно, но другого пути не было – я вынуждена была делать то, что считала наилучшим, надеясь, что это не полная глупость.

Сейчас я должна была играть пассивную роль, поскольку не могла избавиться от мысли, что нахожусь под тайным наблюдением. Я села, сняла крышки с тарелок и как следует поела. Закончив, я подошла к окну, слегка приподняла три слоя занавесок, открыв обзор на небольшой кусочек улицы.

Снова начинался дождь, снова висел туман. Какой еще маскировки можно пожелать? Пора было уходить, пока мужество не оставило меня. Заперта ли дверь? Я не припоминала ничего похожего на лязганье ключа.

Под моей рукой ручка повернулась. Я быстро направилась к черной лестнице, прислушиваясь к гомону внизу. Но, когда я достигла своей прежней спальни, нижний коридор был пуст. Я быстро накинула плащ, который надевала прошлой ночью и закрывающий лицо чепец, чуть промедлив, чтобы отцепить фальшивую челку. Я предпочла бы собственные плащ и шляпу, но не знала, где они.

Одевшись, я осторожно приоткрыла дверь коридора и прислушалась. Сюда гомон доносился лишь отзвуком. Достигнув комнаты Викторины, я обнаружила, что дверь по-прежнему заперта. Я была уверена, что миссис Плезант позаботится, чтобы девушка не сбежала снова – она стоила слишком дорого, если моя хозяйка и вправду желала заключить сделку. Ступенька за

ступенькой спускалась я по черной лестнице, постоянно останавливаясь, чтобы прислушаться, каждое мгновенье ожидая увидеть Сабмит или миссис Плезант. Что я буду делать на нижнем этаже, если в кухне кто-то окажется, я пока не знала.

Наверное, тогда придется пройти через парадную дверь. Раздался шум. Я замерла, вцепившись в перила обеими руками, и стояла так, пока внизу не прошел официант в белой куртке и с нагруженным подносом. Он не взглянул вверх… пока я была в безопасности. Если обед сейчас в разгаре, возможно, парадная лестница даже предпочтительнее. Я вернулась в коридор второго этажа и бросилась так быстро, как только могла, в обратном направлении, а затем снова начала осторожно спускаться. Голоса звучали приглушенно, возможно, из-за закрытой двери. Наконец я оказалась в нижнем холле. Из большой гостиной лился яркий свет. Пока я бежала к парадной двери, я слышала высокий женский смех и низкий рокот мужских голосов. Никто меня не окликнул. Дверь была не заперта, и я выскочила наружу.

На меня обрушился дождь, порыв ветра заставил задохнуться. В отчаянии я оглядела улицу. Конечно, нигде не было ни следа какого-либо экипажа. Не оставалось ничего, кроме как идти пешком и постараться найти открытый магазин, где я могла бы найти мужчину или мальчика, способного нанять для меня транспорт. Пока я тащилась по тротуару, моя беспомощность начала страшить меня. Я не знала, где здесь можно найти помощь.

Хотя из-за дождя зажгли уличные фонари, они были слишком удалены друг от друга и слишком тусклы. Я достигла маленького круга света вокруг ближайшего фонаря, когда из мрака за моей спиной меня схватили за локти и быстро завели их назад, несмотря на мое отчаянное сопротивление. Потрясение было так велико, что мне даже не пришло в голову закричать.

Рядом со мной возник человек, словно волей какой-то черной магии выросший прямо из-под мостовой. Тот, невидимый, что напал сзади, так крепко держал меня, что я не могла шевельнуться. Второй, сорвав чепец, грубо повернул мое лицо к свету. – Это она!

Я не видела лицо того, кто прошипел это: он был в широкополой шляпе из тех, что носят на ранчо, и в плаще, ворот которого закрывал его шею и нижнюю часть лица. Но голос его я узнала! Д'Лис! От страха меня даже затошнило. На пустынной улице раздалось клацанье копыт. Рядом остановился фиакр и меня втолкнули в еще более грубые руки, чем те, что держали меня прежде. Действовали они ловко, и резонно было предположить, что этим людям такое не впервой. Меня так туго

спеленали моим собственным плащом, что я не могла даже двинуть руками. А когда я попыталась закричать, на мою голову и плечи натянули плотный мешок. Он почти не пропускал воздуха, и так вонял, что я испугалась, как бы не задохнуться.

Выходит, Д'Лис поджидал меня. Но чего он хотел? Пока мы ехали, я не могла мыслить связно, могла только терпеть и надеяться, что скоро смогу вздохнуть посвободнее.

Наверное, я потеряла сознание, потому что опомнилась уже не в экипаже. Меня несли. Я слышала грохот музыки и громкий смех. Вскоре меня бросили на что-то мягкое… это могла быть только постель.

– Что ты сделаль?

Голос был женский, я уже слышала его раньше, хотя в нынешнем своем полубессознательном состоянии я была слишком потрясена, чтобы вспомнить, когда и где.

Затем вонючий мешок стащили с моей головы. Я жадно и глубоко вдохнула. Женщина, что склонилась посмотреть на меня, была… Сели!

– Зачем ты привьез ее сьюда? Что ты хотишь?

Ее акцент становился все резче с каждым словом. Она повернулась к собеседнику. Это был Д'Лис. Он не снял шляпы, но ворот опустил.

– Я делаю то, что хочу. – Он добавил слово на незнакомом мне языке, по всей вероятности, грязное, потому что лицо Сели под толстым слоем пудры закаменело.

Д'Лис расхохотался, явно преисполненный самодовольства.

– Мечтаешь о том, чтобы воткнуть в меня свой ножичек, да, Сели? Это у тебя на уме, cherie? Хотя нет, ты бы никогда не осмелилась даже захотеть такого. Это невозможно, верно, голубушка?

Легко и грациозно приблизившись к ней, он ухватил ее за запястье своими гибкими смуглыми пальцами. Если она и была в ярости, то теперь это чувство смыла боль. Она пыталась вырваться, но молча.

– Ты ошиблась, правда, Сели? – Он продолжал улыбаться, глядя на нее желтыми глазами, в которых не было ни следа человеческих чувств. – Или нет?

Наконец он вынудил ее заплакать, она рухнула на колени, но даже в этой унизительной позе ее рука оставалась в мучительном захвате.

– Oui, oui! [20]– со слезами выговорила она.

– И ты больше такого не сделаешь, да, Сели?

Он выпустил ее так неожиданно, что она упала ничком. Я видела, как четко отпечатались следы его пальцев на ее руке. Она

стонала, но, он не дал ей времени позаботиться о синяках. Напротив, он нагнулся, схватил ее за плечи и вздернул за ноги.

– Будешь внимательно слушать, Сели, и делать то, что я прикажу. Иначе… – Его улыбка не предвещала ничего хорошего.

– Oui, oui, – всхлипывала она в его руках. Д'Лис отпустил ее и отступил на шаг.

– Вот видишь, cherie, все очень просто. Я никогда и ничего не делаю сгоряча, и человек я очень мирный. Я люблю, чтобы все делалось полюбовно и спокойно. Мы снова станем друзьями, Сели, и ты будешь всячески помогать мне просто по дружбе. Совершенно необходимо, чтобы Викторина вернулась ко мне – ведь она моя дражайшая супруга. Но она нужна мне и по другой причине. Этот Соваж, как мне говорили, здесь большой человек, настолько большой, что его лучше не трогать. Но те, кто так говорят, еще не знают Кристофа Д'Лиса, не знают, на что он способен. Правда, Сели? – Голос его, ни разу не возвысившийся, звучал мягким мурлыканьем тропического хищника.

Сейчас я разделяла ужас, который внушал этот мягкий, почти ласковый голос. Сели не могла отвести от него глаз, ее рот слегка приоткрылся. У нее был такой же блуждающий взгляд, как у Викторины, когда та попала под влияние порошка миссис Плезант.

– Bon… Они не знают Кристофа, но они его узнают. Властью Дамбаллы, я – уста Барона Самеди, Князя Смерти… о эти белые узнают! – В его голосе звучала смертоносная сила – Bon… К делу. Каждый мечтает о будущем, но теперь дело должно претворить мечту в плоть. Ступай и найди мне такого посланца, которому можно доверять, из тех, кто не подчиняется этой желтой суке Плезант. Иди.

Сели вышла, двигаясь, как лунатик. Я сжалась, ибо его желтые глаза теперь смотрели на меня, а улыбка стала шире. – Мисс Пенфолд… – Он заметил мое удивление. – Конечно же, я знаю вас – компаньонку, точнее, тюремщицу моей дорогой Викторины, приставленную следить, чтобы она не вернулась ко мне, своему законному хозяину. Я вам очень благодарен, мисс Пенфолд, что сегодня ночью вы устремились прямо в наши руки. Теперь с вашей помощью я могу заключить сделку. Вы должны встать. – Нагнувшись надо мной, он размотал плащ, которым меня спеленали. – Идите к столу…

Он указал на столик с позолоченными ножками, на котором стояла ваза, два стакана и бутылка. Взмахом руки он сбросил все это на пол – вино из бутылки вылилось на ковер. Из кармана он извлек сложенный лист бумаги, разгладил его и приготовил черный грифель.

– Садитесь сюда. – Он подвинул кресло к столу, где лежали бумага и грифель.

– Зачем? – я пыталась бороться с магнетической силой его голоса.

– Зачем? – повторил Д'Лис. – Во-первых, потому, что я вам это велел. Во-вторых, ваши действия, может быть – только может быть – спасут вам жизнь. Садитесь и пишите то, что я вам продиктую.

Я видела, как жестоко он укротил Сели, и знала, что в данный момент я беспомощна. Наилучший образ действий для меня – изобразить полную покорность. И, говоря по совести, притворство было недалеко от правды. Итак, я подошла и села, как он приказывал.

– А теперь пишите…

Он стоял по другую сторону стола, вперив в меня свои желтые глаза. Душевная борьба во мне усилилась. Независимо от того, подчинюсь я ему или нет, у меня было мало надежды, что я дождусь от него чего-нибудь хорошего.

«Месье Алену Соважу. Сейчас я в руках того, кто жаждет воссоединиться со своей законной женой, Викториной Д'Лис. Я останусь здесь, пока Викторина не будет вольна вернуться к мужу. Мне сказали, что время для столь желанного воссоединения ограничено, и если дело не сладится, последствия будут для меня ужасны. Вам пришлют указание, как произвести обмен».

Грифель скользил в моих пальцах, поэтому почерк получился размашистым и грубым. Но я написала каждое продиктованное слово. Я считала невозможным, чтобы Ален Соваж согласился с какими-то ни было «указаниями». Возможно, мне стоило надеяться только на людей миссис Плезант.

По иронии судьбы мне оставалось возлагать свою последнюю надежду на ту самую особу, которой я имела все основания не доверять. И она могла потребовать очень высокую плату. Но я могла загадывать только на один ход вперед, и надеяться…

– Он не согласится, – сказала я так безразлично, как только сумела.

– Нет? Тогда для вас это кончится очень печально, мисс Пенфолд. А теперь, чтобы заставить его лучше понять…

В свете лампы сверкнуло лезвие ножа. Я так и не поняла, откуда он извлек этот клинок. Прежде, чем я угадала его намерение, он сдернул сетку, стягивавшую мои волосы, длинные пряди упали на плечи и шею.

Д'Лис срезал одну прядь и обмотал письмо, воспользовавшись ею вместо шнурка.

– Теперь я на время оставлю вас, мисс Пенфолд. Если хотите, молитесь своему белокожему богу, только вряд ли он вам ответит. Но в любом случае вам будет полезно посидеть здесь. Если месье Соваж желает вам добра, он скажет «да». Если он будет упрямиться, вас ждет весьма печальный конец.

Он вышел в зеркальную дверь. Когда она захлопнулась, я явственно услышала клацанье ключа. Конечно, я была пленницей. Сейчас во мне рос такой ужас, что если бы я утратила контроль над собой, я бы завизжала и начала бы биться о зеркальные стены, молотила бы по стеклу, разбивая его вдребезги.

Мне пришлось выдержать одно из жесточайших сражений в жизни: принудить себя спокойно сидеть в кресле и пытаться размышлять без паники и страха.

Пока я беспомощно озиралась, эти кошмарные нарисованные женщины на стенах, казалось, издевательски хихикали. Некогда отец вооружил меня «дерринджером» [21] и заставил практиковаться, пока я не стала отличным стрелком. Он также приучил меня к мысли, что, возможно, настанет день, когда мне придется защищать себя физически.

Но пистолет остался на борту «Королевы Индии», а воспоминания не могут служить оружием. Следовало найти что-нибудь, чем бы я могла воспользоваться здесь и сейчас.

Моя рука скользнула в карман. Там все еще лежал узелок с деньгами. Может быть, поможет взятка… Но кого подкупать? Если у меня найдут эту жалкую сумму, ее, скорее всего, просто отберут. Еще был браслет с пауком. Я вспомнила, как реагировала на него Сабмит. Предположим, я покажу его какой-нибудь служанке…

Миссис Плезант говорила, что служащие здесь негритянки порой обращающиеся к ней. Если повидаться с кем-нибудь из них и передать послание на волю… Я сомневалась, что это мне поможет, но…

Тем временем я изучала комнату. Вульгарность обстановки делала явным ее предназначение – удовлетворять прихоти тех, кто имел достаточно денег, чтобы посещать Сели. Она похвалялась перед миссис Плезант, что здесь бывают не последние люди в городе. Могу ли я обратиться к подобным лицам? Может, стыд вынудит их прийти мне на помощь? Но как? Если я начну кричать, мои вопли никого здесь не удивят, даже если пробьются сквозь стены комнаты.

В зеркалах я слишком ясно видела весьма потрепанную особу – взлохмаченные волосы, лицо, перемазанное от соприкосновения с вонючим мешком, мятое, грязное платье с оторванными оборками. Вряд ли я могла вызвать доверие.

И эти отражения множились и множились – две, три, десять «я». Если бы только я могла собрать все эти отражения и поставить плечом к плечу… Тут я поняла, что совсем близка к истерике.

Мое внимание постоянно отвлекали эти ужасные картины с непристойными фигурами, их злобные хитрые глаза неотрывно следили за мной. Я старалась не глядеть на них, пока искала оружие. Камин… позолоченная кочерга!

Опасаясь, что за ной могут наблюдать сквозь какую-нибудь смотровую щель, я встала, но пошатнулась так, что едва не упала. Воля моя была сильна, чего нельзя было сказать о теле. Я схватилась за спинку кресла. Пол подо мной ходил ходуном, как палуба в шторм.

Затем слабость прошла, но оставила осадок, свидетельствующий, что приступ может повториться. Медленно, словно ступая по трясине, я приблизилась к камину. Жара в запертой комнате была почти удушающей, но огонь уже потух, и угли подернулись пеплом. Я осторожно вытянула из стойки кочергу и прижала ее к себе так, чтобы ее скрыли складки юбки. Потом я вернулась к креслу и села.

Не знаю, сколько времени я просидела. Так, наверное, ждут приговора – с натянутыми до предела нервами и обостренными чувствами. Но время шло, а такое состояние не могло длиться долго. Против воли я начала успокаиваться, терять бдительность.

Я сидела лицом к потайной двери, так что никто не мог войти незамеченным. И я старалась не думать о том, что творится сейчас где-то еще, полностью сосредоточившись на собственном положении.

Ожидание тянулось бесконечно. Слыша тиканье часов, я периодически поглядывала на полку, где они стояли. Часы здесь тоже соответствовали обстановке – циферблат поддерживал пухлый, мордастый купидон. Время близилось к полуночи.

Неужели обо мне просто забыли? Но тут звяканье ключа заглушило тиканье часов. Чтобы изобразить полную беспомощность и беззащитность, я жалко понурилась. Дверь распахнулась, и вошел Кристоф Д'Лис, шатаясь, с трудом сохраняя равновесие. На этот раз он был без шляпы и плаща, в элегантном костюме и белоснежной рубашке. В руке он держал бутылку шампанского. Лицо его пылало, веки почти закрывали желтые глаза, губы его казались очень красными и влажными, и он непрерывно водил по ним языком, словно слизывал с них что-то необычайно приятное на вкус.

Хотя он поначалу и показался мне полупьяным, его движения навели меня на мысль, что он полностью владеет своим телом. Не

глядя на меня, он поставил бутылку. Я крепче ухватилась за кочергу. Ни разу в жизни я никого не ударила, но теперь приходилось решительно защищать себя. Я встала, надеясь, что произвожу впечатление существа, трясущегося от страха, и попятилась.

– Белое… белое мясо. – Это он произнес по-английски.

Затем Д'Лис перешел на диалект, которым пользовалась Викторина и Амели. Я догадалась, о чем он говорит, и меня затошнило. Но нельзя было поддаваться слабости. – Нежное белое мясо… еда… – Он обращался не ко мне, даже когда снова возвращался к английскому языку. – В былые дни… дни огня, ножей и крови, когда мой народ восставал… Они бежали… хозяева, хозяйки… аж визжали, они пытались скрыться… Папа Рикардо… часто он рассказывал мне, как это было, и молодел с каждым словом. Белое мясо… оно было нашим!

Д'Лис пребывал в каком-то собственном мире. Голова его раскачивалась вперед и назад, язык прятался, высовывался и скользил по нижней губе. Так мог бы сновать змеиный язык, да и сам он раскачивался как змея!

Глава шестнадцатая.

Я продолжала пятиться от двери. Он смотрел на меня… но видел ли он меня вообще? Его бессвязная речь перебивалась какими-то странными звуками, слова сменялись шипением. Медленно, шаг за шагом, он наступал на меня. Я понимала, что больше одного шанса мне не представится, что я обязана как следует использовать этот шанс. Теперь все зависело от моей способности выбрать момент для удара.

– Сейчас у меня будет пир белого мяса… Кто против? Оно уже принадлежит Дамбалис, и кто еще, кроме Его Глашатая, имеет право его съесть.

Он пригнулся, словно огромный кот, и я едва не обманулась, ибо это движение было таким замедленным, что я снова сочла его пьяным. Пальцы его впились в ворот моего платья, и рванули его со страшной силой, раздирая мою одежду, словно она была сделана из тончайшей бумаги. В то же мгновение я взмахнула кочергой и, собрав все силы, обрушила ее на голову Д'Лиса.

Некоторое время я не могла двинуться, просто стояла, пытаясь отдышаться, и глядела на то, что теперь лежало у моих ног. Д'Лис не издал ни звука. Но тот, другой звук – тупой удара… забуду ли я его когда-нибудь? Его взметнувшиеся руки, скрюченные пальцы, цеплявшиеся за бархатное покрывало постели, и как оно потом съехало и укрыло его тело.

Его тело! Я вздрогнула, с отвращением отбросила кочергу, и вытерла руки о юбку. Мне казалось, что мои ладони всегда будут помнить ощущение позолоченного металла. Д'Лис не шевелился и не стонал. Я не могла дотронуться до него, чтобы проверить, остались ли в нем признаки жизни. Я чувствовала, но не позволяла себе осознать – я убила этого человека, испытывая гораздо меньше жалости, чем если бы передо мной было бешеное животное. Для меня он был куда хуже, чем животное.

Кое-как я доковыляла до туалетного столика и нашла среди груды всяких безделушек булавки, чтобы заколоть прореху на платье. Ноги у меня подгибались, меня жестоко трясло, и я не была уверена, что у меня хватит физических сил выползти из комнаты. Не то, чтобы я недооценивала опасностей этого дома, но все-таки следовало поскорее выбраться из него.

Шатаясь, я вернулась к кровати – колыхало меня, как былинку, – взяла свой плащ и накинула на себя. Затем повернулась к двери, но так и не дошла до нее.

Зеркальная панель отъехала в сторону. В открывшемся проеме стояла Сели, а за ней – чудовищная карикатура на

женщину, достойное порождение этого кошмара. Хотя она была одета в крикливый наряд – какой-то шарж на последнюю моду, она больше походила на мужчину, прибегшего к некоему гротескному маскараду, если бы не чудовищные груди, выпирающие из выреза ярко-зеленого атласного платья.

Сели была маленького роста, но эта великанша рядом с ней низводила ее до пропорций ребенка. В этой женщине было более шести футов, а телосложение было подстать росту. Лицо ее под тщательно уложенными ярко-рыжими волосами лоснилось, покрытый прожилками нос краснотой мог поспорить с волосами, а широкий рот и выпученные глаза создавали впечатление лягушачьей маски.

Вокруг нее витал запах крепких духов и еще более крепких спиртных напитков. Я вспомнила о кочерге, но та лежала в другом конце комнаты, там, куда я зашвырнула ее.

– Чегой-то? – В противоречие великанским формам голос женщины был тонким и писклявым. Она ткнула Сели в плечо унизанным кольцами пальцем.

Но Сели во все глаза смотрела на лежащего. Метнувшись к телу, она остановилась, чтобы приподнять покрывало. Д'Лис лежал лицом к ней, под головой на ковре расплывалось темное пятно.

– Он мертв! – взвизгнула она.

– Точно? – в писклявом голосе звучало только любопытство, а не страх, не удивление, словно бы подобные сцены были в ее мире обыденным явлением. Затем она повернулась ко мне.

– Как ты его замочила, девка?

Сели, пятясь от Д'Лиса, наступила на кочергу и с визгом подхватила юбки. Великанша тяжелой походкой выступила вперед, подняла металлический прут и помахала им.

– Отличная зубочисточка, Сели. Тебе, девка, надобно быть поосторожнее. Похоже, будут тебе крупные неприятности.

– Non! – Сели отскочила к стене, чтобы быть как можно дальше от распростертого тела. – Non, не будут! Этот дом, он есть мой! Я его не отдам, это все, что я в этот мир имель! Я и знать не желаль, что здесь било! Это она делала гадось, то не моя виновата! – К ней возвращалась храбрость. – Никто не узнать.

– Он здесь, и он мертвый, Сели. Как ты его сплавишь? Сели стояла, прикусив зубами согнутый палец. Ясно было, что она отчаянно пытается что-то придумать. – Никто не дольжен знать, – повторила она. – Его дольжны найти на улице… далеко отсюда… убитый грабитель. И все. Такое слючалось почасту.

– И как это он уберется отсюда, Сел? Бедолага ведь не может просто встать и уйти, а?

– Его унесут. Джаспер и… – Она повернулась к великанше. – И ты, Бесси. Ты может перенестить его одной рукой!

– Лады, Сел. Если по правде, это интересное предложение. И что я с этого буду иметь?

– Полно всего. Я тебья знаю, – мрачно ответствовала Сели. – Получишь ее! – Она указала на меня. – Я хочу, чтобы ее заткнуль рот, чтобы она никогда не рассказаль тем, кто может сделать мне неприятность! Делай с ней, что хочешь. Она считает себя леди… так будет в твой дом новой приманкой и поучится новой работа!

Я пришла в такой ужас, слушая, как они обсуждают, будто я была предметом купли-продажи, что не могла ни возразить, ни пошевелиться. Великанша швырнула кочергу на пол и одним шагом оказалась рядом со мной. Ее жирная лапа клещами – не вырваться, – схватила меня за подбородок и повернула к свету. Она принялась изучать мое лицо, дыша в него перегаром.

– Не шибко-то она смазлива, не из тех, что нравятся моим парням. Но ежели она еще целая – лады, тогда я поначалу смогу брать за нее маленько подороже. Так я беру ее… и что еще, Сел?

– Выручку за недель, – быстро отвечала та. – Ты же знай, сколько здесь набегает, Бесси.

– Еще бы, Сел. Но мы с тобой, уж будь любезна, сойдемся на двух неделях. И сверим счета, когда я приду получать.

Сели не возражала, кивнув в знак согласия. И тут у меня наконец прорезался голос.

– Вы не посмеете! Миссис Плезант… мои друзья… Бесси заржала.

– Девка, у тебя осталась только одна подруга – я! – Она ткнула кулаком между могучими грудями – Будешь примерной маленькой девочкой, не будешь доставлять неприятности – тогда все будет отлично и по-дружески. Ты спроси любую из моих девок. Бесси к ним со всей душой, ежели они не вредничают. Конечно, если будешь продолжать выкидывать штучки вроде этой, – она махнула в сторону трупа, – тут уж я взаправду разозлюсь. А ежели я на кого взаправду разозлюсь… тебе, девка, лучше среди таких не бывать. Я с ними разбираться умею… Так что будь уверена, помешать ты мне сейчас не сможешь.

Она стащила с меня плащ – я могла противостоять ее огромной силе не больше младенца – и скрутила мне руки за спиной, связав их чулком, который бросила ей Сели.

– Теперь, – Бесси покосилась на тело, – займемся бедным джентльменом, который тут малость перепил. Я просто снесу его вниз и посажу в свой экипаж, чтобы он спокойненько добрался куда собирался. Не путай сюда Джаспера, Сел. Чем меньше народу знает, тем лучше. Сегодня меня привез Болванчик, а то,

что он знает и не знает, не имеет значения, с тех пор как у него нет языка, чтобы болтать.

Бесси без особого труда вытащила обмякшее тело за дверь, и я догадалась, что быстрота ее действий объясняется привычкой к таким ситуациям. Когда она ушла, я решила попытать удачи, обратившись к Сели.

– Вы же знаете, что миссис Плезант – моя подруга. С какой стати я стану болтать? Я убила его. Неужели вы думаете, что мне не терпится в тюрьму?

Она в этот момент была занята тем, что складывала покрывало, выказывая тщательность заботливой домохозяйки. Но когда она повернулась ко мне, ее лицо окаменело от ненависти.

– Ты! Если Мэмми Плезант узнай, что здесь слючилось, я никогда буду не знать покой. Он быль единственный, кто мог противить ей, и вот как он кончиль! Она дьявол, дьявол! Она знает все и может так проклясть твоя жизнь, что и хотель бы умереть, только будешь продолжаль жить. Я навидалась, что она делать с теми, кто пошель поперек ей! И думаешь, я стану рисковать?

– А если я скажу ей, что вы держали меня здесь против собственной воли? Я же видела, как он мучил вас, принуждал делать то, что он хотел…

– Мучаль меня? – Неожиданно она злобно хлестнула меня по лицу. – Что ты несьешь. Он быль любовник, каких тебе никогда не иметь! Он хотель меня, Сели! Такие мужьчины не любят вашей сестры. Они хотять нас, нас, дающих их телам наслаждение польной мерой. Я даже не знала, что значит настоящий мужьчина, пока не заполучила его в своя постель, а ты убила его! Я тебе это не забуду. Бесси, она так с тобой обойдется, что ты тоже никак не забудешь… до конца жизни!

Я попалась в ловушку, из которой не было выхода. Ужас от того, что предстояло мне, был так велик, что мое мужество окончательно истаяло. Она, должно быть, прочла это на моем лице, и расхохоталась.

– Ай, Бесси тебя вышколит… а она не имей такой прекрасный дом, как этот, она не принимает таких превосходный джентьлменов, что ходят сьюда. Non, ее завьедение на Берегу, возможно, ты не знаешь, что это значит. Слушай, ты…

Ее слова хлестали меня тяжелее ударов: она без околичностей разъясняла, что за притон содержит Бесси, и какие обязанности я буду вынуждена там выполнять. Поэтому под конец я лишь величайшим усилием удерживалась от плача, цепляясь за последние остатки самоуважения. Нельзя было допустить, чтобы эта женщина слышала от меня мольбы о милосердии.

Бесси скоро вернулась… даже слишком скоро. Она снова накинула на меня плащ, запахнув его так, чтобы скрыть мои связанные руки.

– Ну, как, девка, пойдешь тихо-мирно, как тебе велела леди Сел? Или я должна успокоить тебя вот этим? – Она поднесла к моим глазам огромный кулачище.

Покорностью я могла выиграть призрачный шанс, проявляя непокорство не получила бы вовсе никакого.

– Я пойду тихо, – принуждена была ответить я. Пасть Бесси скривилась в ухмылке.

– Гляди-ка, она становится хорошей девочкой, Сел. У нас не будет с ней никаких трудностей, верняк, не будет.

Она наехала на меня своей массивной грудью, лапа ее тяжко легла на мое плечо, одновременно и волоча за собой, и держа в плену. Так мы спустились в нижний холл, куда из других комнат доносились музыка и шум голосов. Я приготовилась закричать. Конечно, даже в таком доме может найтись кто-нибудь, кто придет мне на помощь, когда узнает правду. Бесси, однако, словно прочла мои мысли. Ее лапа скользнула с моего плеча на горло и так его сжала, что я чуть не упала.

– Я ведь из тебя, девка, дух вышибу, не так это уж трудно, – предостерегающе прошептала она. Я не сомневалась, что она успеет исполнить свою угрозу прежде, чем подоспеет помощь.

Мы вышли на улицу, в ночь. Дождь перестал, но тучи все еще застилали небо. Огненно-красный свет вывески отбрасывал кровавый отблеск на ожидающий нас закрытый экипаж.

– Туда, девка – Бесси легко подняла меня и втолкнула внутрь. Когда она сама уселась рядом со мной, рессоры звучно заскрипели. – По пути сделаем остановку, выкинем его – В свете фонаря я увидела, что Бесси показала пальцем на багажную часть кареты. – Болванчик его сплавит.

Под покровом плаща я лихорадочно сражалась с чулком стягивающим мои руки. Но Бесси умела вязать узлы не хуже иного матроса. Я только ободрала кожу в этой борьбе.

Всякой надежде на побег придет конец, когда я окажусь в притоне, столь детально описанном мне Сели. Но должна же оставаться хоть какая-то надежда…

Сдаться, смириться с тем, что впереди меня не ожидает ничего, кроме грязи, я никак не могла. Я была готова уловить малейший шанс, предоставленный судьбой. Хотя, пока мы двигались неторопливой рысцой, я не могла уловить ни малейшей возможности.

Мы остановились, и Бесси, едва не задавив меня, просунулась вперед, к окну, чтобы посмотреть, что творится снаружи. В такой

позе она оставалась несколько минут, затем вернулась на прежнее место и кивнула.

– Порядок. Болванчик его вывалил. Мы сделали свое дело, девка.

Ее прервал резкий крик за каретой, точнее вой, повергающий в дрожь. Бесси сглотнула и засопела.

– Этот Болванчик! Я же велела ему поостеречься! Однако, у него должно хватить мозгов, чтобы сделать ноги.

Теперь экипаж тащился шагом, чего никогда не бывало на городских улицах.

Мы снова услышали этот крик, но уже в отдалении. Бесси вытащила носовой платок и промакнула лицо, стирая пудру и румяна, толстым слоем покрывавшие ее грубую кожу.

– Смылся. Никому Болванчика не поймать, когда он дает деру, – заметила она. – Тоже соображает. Он даст здорового кругаля и вернется назад. Они заплутают, если погонятся. Но этот крик… никогда прежде не слыхала ничего подобного… а ты, девка?

Она так двинула мне локтем под ребро, что, вероятно, оставила синяк.

– Нет! – выдохнула я. – Похоже, будто зверь какой завыл. Мерзкий звук…

Экипаж пошел еще медленнее. Я увидела огни – мимо проезжали другие кареты. Если бы у меня были свободны руки, я смогла бы распахнуть дверь. Но кричать не стоило: Бесси мигом заставила бы меня замолчать, и ей ничего не стоило сплести правдоподобную историю для тех, кто вздумает поинтересоваться, в чем дело. Мы миновали несколько поворотов, и шум кругом превратился в почти ровный рокот. Кругом горели фонари. Должно быть, мы уже пересекли границу Варварского Берега. Кто здесь мне поможет?

Экипаж остановился, Бесси вывалилась наружу и тяжело двинулась по мостовой. И только потому, что она отвернулась, чтобы перемолвиться с кучером, фортуна улыбнулась мне в тот момент, когда она говорила: «Неплохо сработано, Болванчик».

В отдалении я случайно увидела двух мужчин. Они были одеты как моряки, на одном из них была офицерская фуражка. Он цепко держал за руку своего молодого спутника и говорил достаточно громко, чтобы я могла услышать:

– Не будь ты таким распроклятым дураком, парень. Здесь кишмя кишат вербовщики. Немедленно возвращайся на корабль. Или очнешься в чужом трюме с пустыми карманами…

Это был мистер Уиккер, помощник капитана корабля Алена, тот, кто знал моего отца! А Бесси не успеет заткнуть мне рот или

оглушить. Я высунулась из дверей кареты на свет и закричала что есть силы:

– Помогите! Мистер Уиккер, помогите!

Он обернулся. Узнал ли он меня? Вероятно, в моем нынешнем растерзанном виде мог бы и не узнать. Но после минутного удивления, я увидела, как его глаза расширились… только было уже слишком поздно.

Я еще увидела летящий на меня кулак Бесси, но не смогла увернуться. Голова моя словно раскололась от боли – и больше не было ничего.

И снова меня терзали тьма и боль, но я была опять в сознании. Меня мутило, даже вырвало от одной попытки шевельнуться, и это отозвалось тупым ударом в затылке. Долгое время я не знала где я, и кто я… сознавала только боль и тошноту.

Постепенно я стала различать чуть больше. С одной стороны было несколько светлее. Туда и тянулся мой взгляд, ища хоть какого-то бегства из ужасающей смердящей тьмы.

Еще хуже, чем вонь от моей собственной рвоты, были такие запахи, какие мне прежде никогда не приходилось обонять. Я постаралась повернуться, и обнаружила, что мои запястья все еще скручены, что лежу я на груде вонючих тряпок.

Итак, я упустила тот единственный слабый шанс. Это была первая моя мысль, когда мозг кое-как заработал. Мое физическое унижение было так глубоко, что будущее уже не имело для меня особого значения. Я услышала слабый блеющий звук, монотонно повторяющийся, и поняла, что это мои собственные стоны, которых я не могла сдерживать. Я дошла до того, что превратилась в бессловесное страдающее животное, не имеющее ни воли, ни решимости бороться. Если бы кто-нибудь пришел в этот миг убить меня, я бы без возражений приняла последний удар.

Не знаю, долго ли продолжался этот период тьмы и боли, не знаю и того, какие силы были вызваны к жизни этой ночью и ранним утром. А если бы и знала, то при моем тогдашнем состоянии нимало бы не обеспокоилась.

Несколько раз я, должно быть, теряла сознание. Последний раз, когда я открыла глаза, свет стал бледно-серым, и обозначилось окно, прикрытое тощей грязной занавеской. Повернуть голову было так мучительно больно, что я не стала и пытаться. С другой стороны передо мной были только темные доски – грязная стена, по которой ползали насекомые.

Моя груда тряпок располагалась примерно в середине помещения. Напротив была дверь, и – больше ничего.

Но снаружи, за окном, двигался смутный силуэт. Стекло было покрыто таким толстым слоем пыли, что на нем можно было рисовать. Звук… Я слушала тупо и безразлично. Звук стал громче… треск, потом звон стекла, падающего на пол. Мгновением позже чья-то рука отбросила ветхую ткань занавески, больше похожую на паутину. Кто-то взбирался внутрь.

Я безучастно наблюдала. Казалось, все это не имеет никакого отношения ко мне, моей боли и унижению. Когда окно открылось, стало светлее, и человек, проникший в комнату, выпрямился во весь рост.

Я услышала резкое восклицание, которое вырвалось у него, когда он упал на колени рядом со мной. Теперь я могла рассмотреть его лицо, хотя перед глазами у меня все расплывалось, когда я пыталась сосредоточить взгляд. Я… я его знала. У него было имя… только я никак не могла его вспомнить. И это последнее поражение – то, что я никак не могла его вспомнить, – исторгло из моих глаз слезы, обильно покатившиеся по покрытому синяками лицу.

– Тамарис! Господи боже, что они сделали с тобой! Тамарис.

При его прикосновении я застонала от боли. Он нагнулся и разрезал узлы на моих запястьях. Но руки не ощущали ничего – они лежали одеревеневшие, безжизненные.

– Ради бога… – прошептала я. – Ради бога… голова… так болит…

– Прости. – Он больше не пытался до меня дотронуться. Вместо этого он подошел к окну и свистнул. Потом он высунулся наружу, и я услышала голоса.

Затем он вернулся ко мне, встал на колени, взял мои онемевшие руки и стал растирать их так, что мучительная боль восстанавливаемого кровообращения вызвала у меня крик. Но его пальцы мгновенно прижались к моим губам, он пригнулся ближе и зашептал:

– Моя храбрая девочка, ты должна немного помочь мне, чтобы и я мог помочь тебе. Мы не можем выбраться отсюда, кроме как через окно. Уиккер побежал, чтобы привести свою команду. Когда он вернется, ты должна быть достаточно сильна, достаточно отважна, чтобы двигаться…

Я слышала его слова, но для меня они звучали бессмысленным шумом. Он делал мне больно – вот все, что я понимала. Если бы он ушел, если бы позволил мне соскользнуть обратно во тьму, куда не достигает боль! Но он не уходил, а его голос, его прикосновения удерживали меня в сознании.

– Ален! – Вот как его звали. Я вспомнила его имя!

– Да, Ален. Успокойся, отдыхай, береги свои силы, чтобы мы

были готовы, когда вернется Уиккер. За полицией мы тоже послали. Ты спасена… спасена…

Я увидела поверх его головы, как дверь комнаты начала открываться, и попыталась закричать, чтобы предупредить его.

– Успокойся… отдыхай… – Он улыбался мне. Улыбался! А за ним…

Огромная фигура Бесси… я теперь вспомнила. И ее присные. Она сжимала кочергу. Нет… это я сжимала кочергу. И в наказание за это была ввергнута в ад. Но зачем тогда здесь оказался Ален? Теперь Бесси стояла прямо за ним, готовая ударить…

Неожиданно я обрела голос.

– Ален… сзади!

Он повернулся, не успев встать на ноги. Как он ни силен, разве может он противостоять такой великанше? Теперь я разглядела, что в руке у нее был молоток. Своим визгливым голосом она завопила:

– Вяжите его, парни, когда я его вырублю. Мы возьмем хорошую цену за этого парнишку!

Но «вырубить» Алена оказалось не так просто. Он увернулся, и я увидела, у него в руке револьвер. Бесси попятилась, ее люди метнулись за ней. Затем они разделили силы: Бесси подалась направо, остальные – налево. Ален не смог бы бороться на два фронта одновременно.

Мои собственные несчастья оставили меня тупой и сломленной, но угроза ему вернула мне силы. Я сползла со своего грязного ложа и бросилась на Бесси. Мои скрюченные пальцы вцепились в складки ее платья где-то на уровне колен.

Ее рука опустилась, но молоток не пробил череп ни мне, ни Алену, а ударился об пол. Бесси, потеряв равновесие, отшатнулась назад. Послышался тяжкий удар: из-за своего неудачного падения она налетела на собственных сообщников.

Ален был уже на ногах и поднимал меня. В голове моей билась такая боль, что я боялась лишиться сознания. А еще – мучительное головокружение, словно стены притона плясали вокруг меня в тошнотворном танце.

По возможности прикрывая меня своим телом, Ален отступал к окну, направив револьвер на дверь. Хотя мы слышали за ней возню, мерзавцы не решались снова нападать.

– Мы должны выбраться наружу, – сказал он. – Там легче скрыться, а люди Уиккера должны быть совсем близко.

– Взять их, парни! – раздался визг Бесси.

Ален выстрелил. Грохот был оглушительный. В ответ прозвучал стон, а затем – топот отступления.

Он подвел меня к окну, но сама я себе помочь ничем не могла. Я ощутила тупую ярость из-за собственной никчемности, и эта ярость придала мне силы. Но мне сейчас нужнее была бы не сила воли, а сила мускулов.

– Я не могу вылезти…

– Держись. – Он еще крепче обхватил меня свободной рукой. – Можешь сесть на подоконник и съехать наружу?

Как просто… конечно, могу, так и сделаю. Я скорее плюхнулась, чем села на подоконник. Ален приподнял меня, и я сумела развернуться и спустить наружу ноги. Пока он следил за дверью, я съехала наружу, оставив его одного.

Внизу был переулок, еще более грязный, чем комната. Падение на склизкую мостовую почти оглушило меня. Я из последних сил боролась со слабостью, заставляя себя оставаться в сознании. Моя слабость могла погубить Алена.

Я встала на колени. Затем, цепляясь за сырую, омерзительно грязную стену, кое-как поднялась на ноги, хотя отодвинуться от этой подпорки не осмеливалась.

– Ален… – я хотела крикнуть ему, что со мной все в порядке, что он должен последовать за мной. Но все что у меня получилось – это сиплое карканье.

Я поползла вдоль стены к окну. Возможно, если он увидит меня, то выберется. Но почему его все еще нет? Не было слышно ни крика, ни новых выстрелов. Однако у тех ведь наверняка есть ножи…

– Ален!

Я ничего не видела, кроме окна, и когда меня окружили, это было настоящее потрясение. Люди Уиккера? Единственный взгляд сказал мне – нет. Они были странно схожи, все трое – невысокие и тощие, темнокожие, с бесшумными движениями. Лица их были лишены выражения, жили на них только глаза, и они тупо сверлили меня. Ясно было – этих людей прислали, чтобы схватить меня.

Глава семнадцатая.

Когда я наконец выдавила слабый крик «Ален!», средний из троих, приблизившись ко мне, что-то бросил мне в лицо.

Я задыхалась, кашляла, отхаркивалась, стараясь вдохнуть воздух сквозь порошок, забивший мне рот и нос. И вот такую, беспомощную, заходящуюся кашлем, они меня схватили и повели по переулку. У меня больше не было своей воли. Я покорно позволила им затолкать меня в повозку, запряженную двумя мулами. Двое неизвестных забросали меня мешками. Затем повозка тронулась, а я была пленницей без плоти, без мускулов, и даже голос предал меня.

Повозка громыхала дальше, и я слышала кругом гомон Берега. Затем эти звуки стали стихать, и я поняла, что мы выехали из этой части города. Кто были эти трое? Люди Д'Лиса? Но Д'Лис мертв. Так вот почему они меня уволокли… чтобы отомстить! Но как они узнали, где меня искать?

Я слишком многое видела, слишком много вынесла. Та отвага, что вернулась было ко мне с появлением Алена, окончательно испарилась. И что могло случиться с Аленом?

Я была уверена, что Бесси могла вызвать подкрепление и, скорее всего, так и сделала. А затем она, возможно, осуществила свою угрозу – оглушила его, чтобы продать на какой-нибудь корабль. А оттуда ему уже не вырваться. И все из-за меня.

Мысли мои двигались так же тяжело, как и скрипучая повозка. Но то ли свежий воздух что-то во мне оживил, то ли искра, зажженная во мне Аленом, еще не совсем угасла: мозг прояснялся, хотя тело оставалось неподвижным. И я начала безмолвную борьбу с тем, что держало меня в плену. Поскольку похитили меня, несомненно, с какой-то черной целью, в конце этой поездки мне следовало ожидать самого худшего.

Ален как-то нашел меня у Бесси. Но я не могла надеяться, что подобное чудо повторится. Оставалось только молиться, чтобы он сам сумел спастись.

Мы проезжали по очень тихим улицам. Нашей целью, наверное, было потаенное убежище Д'Лиса, Наконец повозка, громыхнув, остановилась. Голова у меня все еще болела, но сейчас боль была уже не такой сильной.

Мешки, наваленные на меня, откинули прочь. Меня схватили за плечи, и двое мужчин с силой, неожиданной для их тщедушных тел, стащили меня на землю. День уже клонился к вечеру. Мы находились во дворе, огороженном глухим забором с единственными воротами, которые запирал третий человек. С

двух сторон были какие-то постройки, с третьей – открытые стойла, где переступали и фыркали лошади. Оставив меня стоять, уверенные, что я не способна действовать по собственной воле, мои похитители выпрягли мулов и отвели их в стойла.

Окна жилой части дома прятались за глухими деревянными ставнями, а двери, за исключением ближайшей, были не только заперты, но и заколочены досками крест-накрест. Там, где прежде были цветочные грядки, была навалена грязь, повсюду валялся свежий навоз. Хотя с первого взгляда это место могло показаться заброшенным, им явно пользовались.

Мои похитители вернулись. Один из них схватил меня за руку и потащил за собой. Я была как кукла в его руках, хотя изо всех сил пыталась сбросить путы, наложенные на меня проклятым порошком.

Мы вошли в огромную кухню с очагом, на растопку которого, должно быть, уходило порядочно дров. Над огнем висел котелок на цепи, крохотный в этой пещере. Из него валил пар. Рядом, держа наготове длинную ложку, стояла женщина. Когда ко мне повернулось ее морщинистое лицо, она показалась мне самой Смертью (если Смерть может быть одного со мною пола), занятой гротескной пародией на хозяйственные труды. Хотя ее физиономию избороздили складки морщин, а руки были сущими когтистыми лапами, она была одета в ярчайшие цвета. Блестящая оранжевая блуза сочеталась с широкой красной юбкой. Голова была туго обвязана синим шарфом, из-под которого выбивался единственный клок седого пуха.

Она погрузила ложку в котелок, зачерпнула и понесла ко рту, капая на юбку и блузу. Удерживая ложку у губ, она принялась так яростно дуть, что большая часть жидкости разлетелась вокруг. Затем, высунув бледный язык, вылакала, как кошка, то, что осталось.

Очевидно, вкус ее не удовлетворил, ибо она повернулась к столу, сгребла щепоть какого-то снадобья и бросила его в котелок. Потом, кинув ложку на стол, заковыляла нам навстречу.

Хотя сейчас ее плечи были так скрючены, что ей приходилось задирать голову, чтобы посмотреть на нас, когда-то она явно была рослой женщиной. И ясно было, что хозяйка здесь она, что мужчины ждут, когда она заговорит.

Я не сумела понять ничего из ее слов. Это был резкий, гортанный язык, причем некоторые слова произносились с какой-то шипящей интонацией. Но, должно быть, она приказала им удалиться, поскольку все трое ушли.

Теперь она пристально уставилась на меня. Ее тощую шею охватывало ожерелье из маленьких полированных косточек, а

среди них свисал огромный шип, похожий на зуб чудовища. Кожа у нее была очень черная, но с сероватым налетом, словно присыпанная пеплом, что усиливало впечатление сверхъестественной дряхлости. Она подняла скрюченный палец и поманила меня.

– Иди! – каркнула она по-французски.

Меня потащили вперед, как собаку на поводке. Мы перешли из кухни в меньшую комнату, где у стены стоял единственный ящик. Она указала на него и приказала:

– Садись!

И снова то, что держало мое тело в плену, заставило меня подчиниться. Она заковыляла обратно на кухню, не обеспокоившись о моей охране. Несомненно, она была уверена, что я остаюсь беспомощной пленницей.

Мужчины вернулись. Она поставила перед ними миски с похлебкой, выложила хлеб грубого помола. Насытившись, они не ушли из дома, а отправились в другое крыло, туда, где окна были закрыты ставнями.

Время тянулось медленно. Но я начинала чувствовать, что мое жуткое оцепенение начинает понемногу ослабевать. Огромным напряжением воли я заставила себя двинуть пальцем руки. Палец, а потом и вся рука на дюйм поднялась с колен, где до того беспомощно лежала.

Воодушевленная этой маленькой победой, я попыталась заставить двигаться ноги, обутые в то, что осталось от моих башмаков. Если я смогу встать, ходить, то я сумею вырваться.

Я не верила, что у старухи достанет физических сил удержать меня.

Только прежде, чем я успела по-настоящему овладеть телом, она вернулась. Один из мужчин нес за ней большую корзину. Отпустив его движением головы – а он так заторопился, будто радовался, что может уйти, – карга принялась распаковывать корзину. Там были тыквенные бутылки, заткнутые пробками, сверток белой ткани – она не стала его разворачивать, и миска, которую она поставила на пол, с болезненным кряхтением опустившись на колени.

В миску она ссыпала содержимое нескольких маленьких пакетиков, смешав его затем с тщательностью опытной кухарки, воспользовавшись вместо ложки белой лопаткой. Каждый из опустошаемых пакетов был увешан перьями и кусочками желтой кости.

Закончив, она на удивление быстро поднялась и подошла ко мне, сделав знак встать. Моя свобода была все еще слишком ограниченной, чтобы я могла противиться ей. В дверях снова

послышался шум, и вошли двое мужчин, неся жестяную ванну, в которой плескалась вода. Она указала им место на полу рядом с миской. Они поставили ванну и ретировались так же быстро, как их сотоварищ. Теперь карга дернула за мое рваное платье.

– Снимай… все снимай, – приказала она.

Не снизойдя даже проследить, как это выполняется, она вернулась к миске, остановилась, чтобы поднять тыквенную бутыль, вытащила пробку и понюхала содержимое.

Мои пальцы нащупывали крючки на разорванном платье. Несмотря на пробудившуюся во мне волю, я еще не могла противостоять ее приказам.

Медленно, неловко, постепенно я освобождалась от одежды, ненавидя себя за то, что делала, и не в силах прекратить. Тем временем она опорожнила в ванную содержимое нескольких бутылок. Запах, поднявшийся после смешения этих жидкостей, был тошнотворно сладким.

Я освободилась от последнего лоскута, оставшись в таком виде, в каком меня не видали ничьи глаза с тех пор, как я стала взрослой. Естественно, я вся горела от стыда.

Старуха взяла лопатку с длинной ручкой, и энергично помешала воду, над которой от этого поднялось пахучее облако. Не рассеиваясь, оно зависло прямо над ванной, словно туман.

– Иди… – она снова поманила пальцем.

Я безвольно шагнула: чары – только так я могла назвать их – все еще держались.

– Туда…

Я ступила в ванну. Вода была теплая, маслянистая, от нее у меня по коже побежали мурашки. Другой жест заставил меня сесть, и она приблизилась, держа в руках белую материю. Ею она принялась меня мыть, промывая даже волосы, а я терпела это, хотя ее прикосновения, так же как и вода, вызывали у меня приступы тошноты.

Когда она, очевидно, удовлетворилась своими трудами, то оставила меня сидеть в воде, запах которой так пропитал мою кожу и волосы, что я боялась вовеки от него не избавиться. В такой концентрации он создавал столь ярко выраженное ощущение зла, что я чувствовала себя замаранной и осквернённой.

Карга вернулась из комнаты с зажженной лучиной, которую сунула в миску и стала раздувать. Сильно запахло ладаном. Когда он разгорелся до нужной степени, она приказала мне выйти из ванны и подвела к миске, поставив прямо над ней. Миска стояла у меня между ногами, вьющийся желтый дым окутал мое тело. Как и вода, он заставлял меня чувствовать себя нечистой.

Она не пыталась вытереть меня; возможно, предполагалось, что это сделает дым. Оставив меня в этом облаке, она встряхнула сверток, который прежде достала из корзины. Это был какой-то наряд, очень широкий и свободный, расшитый там и сям пучками черных и белых перьев. Спереди был нанесен грубый черный узор.

Дым уже рассеивался, но она не трогала меня, пока в миске не остался только пепел. Время от времени она так осматривала меня, будто я была кастрюлей на плите. Когда исчезла последняя струйка дыма, она подняла миску с пола, удерживая ее черной тряпкой. В теплый пепел карга погрузила метелку, связанную из черных перьев, размешав его с каким-то порошком. Им она разрисовала мои груди, нанося на них и под ними непонятные мне символы, пока не кончился пепел. Моя кожа, все еще влажная, удерживала эти знаки.

Завершив работу, она отступила на шаг-другой, дабы обозреть дело рук своих. То что она увидела, должно быть удовлетворило ее, потому что она отложила миску и метелку и подняла белое платье. С легкостью, выдававшей привычку к подобным действиям, она накинула его на меня через голову. Оно было таким свободным, что ей не составило труда просунуть мои безвольные руки в широкие рукава. С тихим ворчанием она снова отошла и обозрела меня сверху донизу. Затем хлопнула в ладоши и громко крикнула.

Сразу же, как если бы они дожидались зова, вернулись те же двое и вынесли ванну, пока она укладывала корзину. Оба старались обойти меня подальше, опасаясь даже взглянуть в мою сторону, словно теперь я внушала им страх и благоговение.

Когда они ушли, старуха стала рыться в груде моей спрошенной одежды. Подняв ее, она изучила каждый ее дюйм, нашла мои деньги, вытащила и узелок, в который я увязала браслет, но не развязала его. Издав довольное восклицание, она спрятала кошелек за вырез блузы.

Но она снова замерла, когда узелок упал на пол и развязался, так что браслет с пауком оказался на виду. Увидев его, старуха отшатнулась, открыв рот так, что обнажились беззубые десны.

Она не двинулась, чтобы поднять его. Напротив, она удалилась на кухню и вернулась с той же длинной ложкой, которой пользовалась раньше. Опустившись на колени, она направила все свои усилия, чтобы подцепить браслет ложкой. Завладев браслетом, но не прикасаясь к нему, она поднесла его к глазам. Затем она положила его вместе с ложкой на ящик и подошла ко мне. Подтянув край рукава, чтобы защитить свою ладонь, она подняла мою правую руку, обнажила ее и обнюхала кожу. Я слышала ее свистящее дыхание. Выпустив руку, она

проделала то же самое с левой.

– Ты носишь z'araignee…

Она казалось, не ожидала ответа. Стояла, дергая нижней губой. Затем, бормоча что-то про себя, вернулась к ящику и взялась за ручку ложки.

– Z'araignee, – повторила она.

Сняв со своей шеи ожерелье из костей, она яростно потрясла его над браслетом. Ее бормотание приобрело ритмичность пения. Откуда-то из недр своего одеяния она извлекла ремешок, который продернула сквозь браслет, превратив его таким образом в большой, неудобный кулон.

Вернувшись ко мне, она распахнула на мне платье, чтобы надеть ремешок мне на шею, и поместив браслет между грудями, потом снова запахнула. Потом мне вновь приказали сесть на ящик. Голова у меня все еще кружилась от испарений ладана. Теперь, выйдя из комнаты, она притворила за собой дверь, но, как мне показалось, не заперла.

Только я была не одна. Я смотрела – и не могла убежать – на ужасы, которые выползали из всех углов, усаживались передо мной, тянули руки, что не были руками, издавали звуки, каких не было ни в одном языке.

Я подумала, что лишилась рассудка, или скоро лишусь. Но нечто глубоко во мне повторяло снова и снова, что все это лишь иллюзии, порожденные гнусным дымом.

Вокруг меня кривлялись твари, подобные демонам из старинной Библии с рисунками Доре, обретали новую жизнь позабытые страхи детства. Я закрыла глаза, но они проникали и сквозь завесу моих век. К тому же… когда я не решалась смотреть, они, конечно, подползали ближе. Значит, надо было следить, чтобы быть уверенной…

Я не могла даже плакать. От напряжения и от страха мое тело превратилось в сплошной сгусток боли, а платье на мне, должно быть, слепили изо льда – так мне было холодно. Не знаю, как мне удавалось сохранять хоть крупицу здравого смысла. Но я прибегла к единственному оружию, которое знала – к воспоминаниям о своей жизни с отцом. Вместо того, чтобы смотреть на призраков, я старалась представить его стоящим на вахте в самый яростный шторм. Но в этот раз плечом к плечу с ним встал другой. Из глубин памяти пришел ко мне Ален Соваж, который был одной породы с отцом.

И я, наследница крови Джесса Пенфолда, взращенная им с младенчества, как я могла не бороться? Я заставила себя сконцентрировать все свое внимание на одном из демонов, порожденных страхом и дурманом. Затем я приказала себе

увидеть сквозь его бесформенное тело стену комнаты, вспомнить, кто я есть, и что меня нельзя сломить примитивными фокусами дьяволопоклонников. Не знаю, возможно, у меня была какая-то врожденная способность к сопротивлению подобным наркотикам. С тех пор мне приходилось слышать, что реакции скептиков нельзя сравнить с реакциями истинно верующих, ожидающих увидеть и почувствовать явления потустороннего мира.

Я не сломалась, как они, конечно, ожидали. Напротив, я все больше и больше овладевала собой. Я смогла поднять руки, хотя они так тряслись, что я не могла ими пользоваться. Однако ноги мои оставались безжизненными.

Они пришли за мной, когда стемнело. Мужчина, оставшийся в дверях, держал в каждой руке по свече. Карга сменила свои яркие одежды. Теперь она была облачена в свободную черную робу, перехваченную в поясе синим кушаком. Тюрбан на ней, однако, остался прежним. Мужчина, сопровождавший ее, был практически обнажен, лишь в одной синей набедренной повязке.

Они подхватили меня под руки, подняли и повели. Человек со свечами шел впереди. Так мы вошли в очень большую комнату. Здесь было светло от факелов, закрепленные в железных кольцах на стенах. Под ними стояло множество народу, женщины в белых или голубых одеяниях, мужчины – только в штанах. Среди них попадались люди с кожей столь же белой, как и у меня. Центр комнаты был пуст, а на полу был нарисован тот самый символ, что я видела на скомканном клочке бумаги в комнате Викторины – черное сердце с мечом, обвитым желтой змеей. С одной стороны от него стояла большая бочка, сверху туго обтянутая кожей. На этом примитивном барабане, сжимая две длинные кости, предназначенные служить палочками, сидел третий из тех, кто привез меня сюда. Рядом с ним стоял еще один; он держал цепь, с которой свисали колокольчики. По другую сторону стояла женщина с огромной тыквой.

За рисунком на полу помещался длинный стол, крытый черным, к нему было пришпилено множество таких же пучков перьев, как на моем платье, и костей. На этом импровизированном алтаре лежали два петуха, один белый, другой черный, их ноги были безжалостно связаны. Несчастные птицы были живы и яростно кукарекали.

Мои стражи провели меня мимо сердца, стараясь не ступить случайно на рисунок. Миновав алтарь, мы подошли к одному из столбов, подпиравших потолок этой огромной комнаты. Мои тюремщики привязали меня к его подножию, словно были не так уж уверены, что мое отупение продолжается.

На полу за алтарем, возможно не видимая тем, кто находился

на другом конце зала, стояла большая корзина, которая раскачивалась туда-сюда, будто внутри было что-то заточено.

Наш приход послужил сигналом к началу действа. Человек, сидящий на барабане начал мягко отбивать странный ритм, временами усиливаемый звоном бубенчиков и треском тыквы, которую трясла женщина.

Затем последовало песнопение, сначала тихое, потом в полный голос.

Карга приблизилась к алтарю, воздела руки – морщинистая кожа обтягивала кости – и завопила, словно призывая кого-то… или что-то…

Из тени в том углу комнаты, где не было факелов, вышла еще группа людей. Двое высоких, голых по пояс мужчин вели третьего. Он шел спотыкаясь, голова его свесилась на грудь.

Его гибкое тело было обнажено, если не считать клочка алой материи вокруг бедер, а его лодыжки и запястья охватывали золотые цепочки с колокольчиками. Голова была перевязана, но я успела бросить взгляд на бледное лицо, когда они проходили мимо.

Кристоф Д'Лис! Выходит, он не умер!

Спутники подвели его к алтарю, подняли и положили его наверх, бьющиеся петухи оказались у его ног и головы. Тем временем бой барабана все убыстрялся, и ритм его сотрясал мое тело, побуждая меня к какому-то действию, смысла которого я не понимала.

У карги вырвался визгливый вопль, эхом подхваченный остальными.

> L'appe vine, le Grand Zombi.
> L'appe vine, pour le gris-gris! [22]

Из тени диким прыжком вылетела фигура, перемахнула через алтарь и мужчину на нем и приземлилась точно в центре символа на полу. Ее белоснежное тело было почти полностью обнажено, волосы ниспадали на плечи. Эта Викторина не имела ничего общего с той девушкой, что я когда-то знала.

Вокруг ее талии был пояс из маленьких костей, клацающих при каждом движении, а на шее сверкало змеиное ожерелье. Она начала танцевать, тяжело переставляя ноги, но так извиваясь и раскачиваясь всем телом, что непристойный смысл пантомимы стал мне совершенно ясен, хотя прежде я ничего такого не видела. Старуха кинулась открывать корзину.

Вернулась она с такой змеей, какой я себе прежде и представить не могла. Рептилия кольцами обвила ее плечи, и

старуха пошатывалась под ее тяжестью. Медленно она приблизилась к Викторине, остановившись на самом краю символа.

Викторина обернулась, простирая руки. Змея подняла голову, потянулась с плеч старухи, стремясь навстречу девушке. Затем она словно перелетела к ней по воздуху.

Приняв змею в объятия, Викторина подняла ее так, чтобы змеиная голова была на уровне ее лица. Раздвоенный язык коснулся ее щек. У зрителей вырвался крик:

– Ах… ях… Эзили Кур-Нуар!

Змея повернула голову, будто что-то шептала Викторине на ухо. Я увидела, как та засмеялась и кивнула. Прижав змею покрепче, она развернула ее во всю длину. То, что для старухи было тяжкой ношей, для Викторины казалось легчайшим шнурком. Держа змею за голову, она размахивала ею, как кнутом, хлеща остальных. Они раскачивались из стороны в сторону, имитируя движения змеи. Трижды она хлестнула в разные стороны, затем обвила змею вокруг талии. Голова змеи оказалась на ее плече.

После этого она стремительным прыжком достигла алтаря, ослабив хватку змеи, позволила ее быстрому языку облизать лицо и грудь Д'Лиса. Наконец змея соскользнула с нее на пол, чтобы снова свернуться в корзине. Голова ее раскачивалась в такт с барабаном. Викторина завертелась и схватила черного петуха…

Я до сих пор не позволяю себе вспоминать, что она делала, я запрещаю себе это. В те мгновения она не могла быть человеком, скорее – одержимой дьяволом. Но теперь я допускаю, что воплощенное зло может войти в этот мир, хотя большинство людей считают это суеверием. Я это видела своими глазами.

На теле Д'Лиса была кровь, но не его. Кровь была и на ее губах и руках…

Она обернулась к собравшимся.

– Ах-х-х-х-х! – возопила она. – Среди нас – Эзили Кур-Нуар. Она – мам'бо!

– Мам'бо!! – завыли остальные.

Они смыкались все плотнее, глаза их стекленели. Они были возбуждены, словно от вина. То тут то там женщины сбрасывали с себя платья.

– Здесь лежит наш хун'ган! – Викторина указала на Д'Лиса. – Он не мертв, он одержим Бароном Самеди из Могилы. – Ах-х-х… пусть он встанет, встанет, встанет! – вопила она все громче и громче. – Что принесем мы Барону Самеди, чтобы наш хун'ган мог жить, мог дышать, чувствовать биение сердца, снова стать мужчиной… Что мы принесем?

– Ах-х-х-х… – стонали остальные.

– Мы принесем белую козу без рогов. Нежное мясо, чтобы рвать, чтобы пожирать. Ах-х-х… белую козу без рогов принесем мы!

Новый прыжок перенес ее ко мне. В это время кто-то за столбом разрезал путы на моих руках. В воздухе блеснула сталь – Викторина теперь сжимала нож. Я не сумела уклониться от ее молниеносного удара. Но удар этот не был предназначен для убийства. Однако мое располосованное платье упало на пол.

– Вот белая коза без рогов! – закричала она. – Пусть она отдаст свою кровь для питья, свою плоть для еды, и наш хун'ган встанет вновь.

Она кивнула, словно ожидая, будто я шагну вперед и подставлю горло под нож. Я не двинулась. Ее лицо исказилось в дьявольской гримасе.

– Иди! – она снова кивнула на алтарь. Возможно, меня спас инстинкт, приказывающий всем нам бороться со смертью, возможно, моя победа над недавними галлюцинациями. Хотя понуждение толкало меня вперед, у меня достало силы и воли стоять неподвижно.

Удары барабана, перезвон колокольцев, дребезжание тыквы создавали адский шум. Но во мне было нечто, продолжавшее бороться.

– Иди!

Мне нужно было какое-нибудь оружие, но ничего не было под рукой. Что, если она потеряет терпение и пустит в ход нож? Я подняла руки в бесполезной попытке защитить грудь.

Так я коснулась висящего на шее браслета. Что, если им… Я стянула ремешок через голову и крепко сжала его. Жалкий кистень, но это все, что у меня есть.

– Иди!! – в третий раз выкрикнула Викторина. На губах ее выступила пена, глаза были безумны.

Я не двигалась. Однако эта банда могла бы мгновенно смести меня. За спиной Викторины я увидела, как старуха подбирается ближе. Она провизжала на ухо девушке какие-то советы. Я не понимала, почему они меня не схватят. Каждое мгновение я ожидала, что меня просто скрутят, потащат на алтарь и там заколют. Однако сейчас голова у меня была гораздо яснее, чем за многие часы прежде, словно страх выжег последние остатки отравы в моем мозгу. Пот струился со лба на щеки Викторины. Ее тело раскачивалось из стороны в сторону, хотя ноги не двигались. Она была… змеей! Даже ее язык, мелькая, прятался и высовывался, и голова, казалось, сплющивается, и глаза смотрели змеиным взглядом.

Она воздела руки над головой, затем уронила их. Мгновенно настала тишина. Барабанный бой, колокольчики, дребезжание, пение стихли. Тишина была такой, что я слышала, как трещат фитили факелов.

– Ты придешь! – Она уже не вопила. – По воле Эзили Кур-Нуар – ты придешь. Именем Лоа, чья сила во мне – она хочет тебя…

Раскачиваясь, она приближалась ко мне. У меня был единственный, почти безнадежный шанс. Нож в ее руке был наготове, его безжалостное лезвие отражало огонь факелов.

Викторина снова запела, хотя на сей раз другие к ней не присоединились. Молчали и барабан, и колокольчики и тыква. Я все еще не понимала, почему они силой не принудят меня покориться их воле. Похоже, они должны были дождаться, чтобы я взошла на алтарь своими ногами. А я твердо решила, что они этого не дождутся.

Я слегка раскачала браслет-кистень… если бы она только подошла поближе… Нужно было следить за каждым ее движением. В этот момент я не сознавала ничего, кроме того, что из глаз этой женщины смотрит на меня зло, столь же древнее, как сам Люцифер, павший с небес. Шаг… другой… Взметнулся нож. Собиралась ли она рассечь мою плоть так же, как мое платье, я так и не узнала. Я взмахнула браслетом. Обруч ударил ее под локоть. Она закричала и отшатнулась. И тогда я увидела… нет, я до сих пор не уверена…

Возможно, крепления, державшие паука, ослабли. Это единственное разумное объяснение. Я никогда не позволю себе поверить, что…

Омерзительная черная тварь вцепилась в белую плоть Викторины. Она снова издала отвратительный вопль, бросила нож и попыталась другой рукой сбить паука. Затем она побежала к алтарю, на бегу все еще пытаясь оторвать насекомое. Я с трудом могла поверить – оно вгрызалось в ее тело! Карга тоже завизжала и схватила нож. Она повернулась ко мне, пуская слюну, глаза ее закатились так, что видны были одни белки. Сейчас, казалось мне, у нее достанет сил добраться до меня и убить.

Она до меня так и не добралась. Раздался выстрел, и старуха рухнула на пол. Из темного конца зала выбежали люди. У меня закружилась голова, и я съехала по столбу на пол.

Я увидела Викторину. Черное пятно исчезло с ее руки. Она повалилась на Д'Лиса, который слабо шевелился. Вместе они отползли на другую сторону стола и скатились за него. И это было предпоследнее из того, что я помню.

Последним были обхватившие меня руки, что-то мягкое,

обернувшееся вокруг моего тела. Меня уносили, кто-то снова и снова повторял мое имя…

Глава восемнадцатая.

Я открыла глаза при слабом свете ночника. Разве я болела? Трудно было вспомнить. Ужасные сны… Викторина… кошмары, которая способна породить только болезнь…

Кто-то склонился надо мной. Усилием воли я отождествила имя и лицо.

– Фентон?

– Мисс Тамарис… вы узнали меня! – Голос ее звучал так, будто она плакала.

– Я была… больна? «Это не воспоминания, а всего лишь лихорадочный бред», – молилась я.

– Вы спали около двух дней. Вам было плохо, и никто не знает, чем вас травили…

Я приподнялась на подушках.

– Значит, эти сны… это было на самом деле! – Что-то во мне сломалось, и я заплакала, как никогда не плакала раньше, даже когда узнала о смерти отца.

– Мисс, о-о, мисс Тамарис, успокойтесь. Все уже хорошо, вас спасли… – Фентон села на край постели, взяла меня за руки, убаюкивая, как младенца. – Типун мне на язык, нельзя было говорить вам и заставлять вспоминать. Все хорошо, вы уже спасены.

В ответ я крепко сжала ее руки, цепляясь за них, как за якорь, и пробормотала:

– Слезы не помогают…

Однако я продолжала беззвучно плакать. Потом я впала в какое-то тупое оцепенение. Фентон принесла мне чашку бульона, затем булочки с маслом и медом, горячего молока. Я снова уснула, без сновидений.

Когда я пробудилась во второй раз, комнату освещало солнце. И я узнала номер отеля, покинутый мной. Когда? Казалось, миновали недели с тех пор, как я ночевала в этой постели, и все мои воспоминания были до странности отчужденными, словно принадлежали другому человеку.

Я села, и в тот же миг в комнату вошла Фентон. Увидев меня, она отложила свежее белье, которое принесла, и подошла ко мне.

– Мисс Тамарис… как вы?

– Хочу есть…

Ее простодушное лицо озарилось улыбкой.

– Дайте мне только пару минут.

Она выскочила, затем вернулась с тазом теплой воды, душистым мылом и полотенцами, и принялась меня мыть, словно

мне было пять лет, а не в пять раз больше. Когда она коснулась моей щеки, я вздрогнула.

– Ох, этот синяк. Я постараюсь не делать вам больно… Снова укол памяти. Этим ударом Бесси оборвала мой призыв о помощи.

– Принеси мне зеркало.

– Но, мисс, он быстро сойдет и…

– Пожалуйста, Фентон. Дай мне посмотреть. Надув губы, она принесла ручное зеркальце. Несмотря на боль, я оказалась слабо подготовлена к тому, что увидела. Вся кожа от подбородка до лба являла собой сплошной разноцветный синяк. Я выглядела отвратительно, и поэтому быстро выронила зеркало.

– Придется носить вуаль, – я выдавила смешок, потрясенная более, чем хотела показать.

Но отражение словно отбросило меня из «сейчас и здесь» в недавнее прошлое. Безобразие, невольной участницей которого я была, оставило на мне свою печать, и я не могла убежать от воспоминаний.

Я воздержалась от вопросов, напротив, улеглась обратно на подушки, а когда Фентон ушла, вновь вызвала из памяти эти мрачные картины. Я спаслась… иначе я не была бы здесь. Но от чего я спаслась? Всего лишь от смерти.

Я не спаслась от унижения души и тела. Чувство замаранности осталось со мной, Я уже не та Тамарис Пенфолд, которой была всегда.

И Ален… что случилось с Аленом? Об этом я больше всего хотела спросить Фентон, но боялась ее ответа. Однако, следовало смотреть правде в лицо, какова бы та не была. Поэтому, когда Фентон вернулась с подносом, я собрала остатки мужества.

Я проголодалась, и меня манило то, что она предлагала. Из-за голода я сперва не обратила внимания на небольшую чашу на краю подноса. Затем она приковала к себе мой взгляд. Она была так невелика, что вполне могла бы уместиться у меня в горсти. Белая, с рельефным рисунком цветущих веток. Я видела такие прежде – сокровища знатных домов за полмира отсюда.

– Нефрит «баранье сало»… – пробормотала я. Это чудо искусства было творением какого-то китайского художника. Теперь в чаше стояли белые фиалки, их зеленые листья составляли лучшую раму для этой хрупкой красоты. Слезы выступили у меня на глазах, к горлу подкатили рыдания.

– Фентон!

Когда она подошла, я не могла совладать с дрожью в руках.

– В чем дело, мисс? Я принудила себя говорить естественным тоном.

– Фиалки… чаша… Она улыбнулась.

– Это хозяин прислал. Велел передать вам.

– Пожалуйста, Фентон, убери ее прочь! Она с тревогой уставилась на меня. Пусть себе думает, что я повредилась умом, что угодно – только пусть уберет это с глаз моих!

– Ну пожалуйста! – Меня больше не волновало, что подумает Фентон, я только хотела, чтобы чаша поскорее исчезла.

– Конечно, мисс. – Она вынесла чашу.

Аппетит мой пропал. Я раскрошила булочку, потыкала вилкой нежнейшего цыпленка, отпила глоток кофе. Пища теперь не имела вкуса, и глотать ее было больно.

– Фентон, я должна встать.

– Но мисс, доктор сказал… вы же почти ничего не съели.

– Я поняла, что совсем не голодна. И я должна встать… сейчас!

К несчастью, обнаружилось, что я все еще нуждаюсь в ее помощи. Я была очень слаба, и ей пришлось натягивать на меня чулки, обувать, помогать одеться.

– Будь добра, Фентон, темно-зеленое платье.

– Но вы не можете выйти, мисс! Вот ваш халат… Я решительно замотала головой.

– Нет, пожалуйста, платье.

Качая головой, она принесла его, застегнула корсаж, оправила юбку. Я старалась обдумать все, что нужно сделать, и как. Деньги отобрала у меня старуха. Как они были сейчас нужны! Что у меня было еще?

– Фентон, дай мою шкатулку с драгоценностями.

Мне нужна была пачка восточных банкнот, которая у меня оставалась. Я пересчитала их. Но я понятия не имела, сколько стоит билет на трансконтинентальный поезд. Хватит ли? А если нет, то у кого я могу взять в долг?

У меня в городе было пять знакомств, но к двум из них я не могла прибегнуть. Оставалось три, причем последнее было и ближайшим. Сжимая банкноты, я посмотрела на крутившуюся вокруг меня Фентон.

– Миссис Дивз сейчас здесь?

– Да, если не уехала с хозяином. Они так часто уезжают и приезжают…

– Попроси ее прийти сюда.

Фентон неохотно вышла. Но миссис Дивз объявилась со скоростью, предполагавшей немалый интерес к моим делам, просто ошеломляющий интерес. Она пристально разглядывала меня, но мне это было безразлично.

– Я так рада, что вы чувствуете себя лучше…

Я прервала ее жестом, отметающим необходимость в обмене

любезностями. Для меня важна была только моя цель.

– Я должна попросить у вас денег в долг. – Возможно, это прозвучало довольно грубо, но чувствовалось – время работает против меня. – У меня остались только эти банкноты, других средств под рукой у меня нет. И я боюсь, что этого недостаточно, чтобы оплатить проезд на восток.

Она была поражена и явно захвачена врасплох, как будто эти слова были последним, что она ожидала от меня услышать. Но они доставили ей удовольствие – мое присутствие всегда было ей ненавистно.

– Вы собираетесь вернуться на восток… когда? – Теперь она выражалась так же прямо, как и я.

– Как можно скорее. Я, конечно, поеду поездом – весь вопрос в плате за проезд и пропитание.

– Вы обсуждали это с Аленом? – Она буквально сверлила меня взглядом.

– Здесь нечего обсуждать. Причин для моего пребывания здесь более не существует. И я не нахожу свой визит в Сан-Франциско столь приятным, чтобы его захотелось продлить. Что до мистера Соважа, то я оставлю ему письмо. Думаю, вы согласитесь, что это наилучший выход?

Она облизнула губы.

– Вы ничего не спрашиваете… касательно Викторины…

– То, что случилось, я постараюсь забыть, и чем скорее, тем лучше. Что до Викторины… полагаю, ее брат примет меры, чтобы ограничить ее действия.

Миссис Дивз покачала головой.

– Она уехала… со своим мужем… Эта тварь действительно ее муж. Ален посадил их вчера на борт «Тангуса», их доставят в Вест-Индию. Он не захотел, чтобы их осудили по закону – вышел бы слишком большой скандал. И оказалось, что Викторина вовсе не его сестра, не Соваж. Ему сообщил это кто-то, знающий обстоятельства ее рождения. Она – дочь любовника его мачехи. Узнав об этом, он счел, что у него нет причин держать ее вдали от избранного ею мужа.

Миссис Билл или миссис Плезант? Кто из них рассказал Алену правду? И если это миссис Билл, то почему Ален не узнал ее… хотя его знакомство с мачехой было мимолетным, а позднее эта женщина искусно маскировалась…

Теперь я, наверное, уже никогда и ничего толком не узнаю, но это не моя печаль.

– Сам мистер Соваж не пострадал?

Я задала единственный вопрос, который мог дать мне хоть немного душевного покоя. Однако голос мой был холоден и

ровен, словно наши отношения никогда не были ближе, чем между работодателем и служащей. А может, это и вправду было так? Женщина, не имеющая опыта, в подобных вопросах так легко поддается самообману.

– Он получил несколько ссадин и легкую рану в руку. Ничего серьезного.

– Какая удача. Но вы окажете мне честь, выполнив мою просьбу? – Я не могла больше говорить с ней об Алене.

– Разумеется. Если вы решили уехать, Тереза может сегодня вечером проводить вас через бухту. Поезд на восток уходит завтра утром. Я дам вам денег.

– В долг. На востоке у меня есть накопления, из которых я вскоре расплачусь с вами.

Я хорошо поняла, что крылось за предложением Терезы в качестве спутницы – миссис Дивз хотела доподлинно увериться в моем отъезде. Она могла не опасаться. Я ожидала, что она немедленно уйдет, но она замешкалась в дверях, с любопытством разглядывая меня.

– Вы уверены, что хотите этого… так вот сразу уехать?

К этому моменту я так устала, что с трудом выносила ее присутствие. Но я все еще владела собой.

– Абсолютно уверена. Я благодарю вас за помощь. Теперь, если вы не возражаете, я должна отдохнуть, чтобы сегодня вечером уехать.

– Конечно.

Но даже держась за дверную ручку, она все еще смотрела на меня с жадным любопытством, будто не могла поверить, что скоро я навсегда исчезну из ее жизни. Возможно, она и хотела сказать еще что-то, но сочла за лучшее промолчать.

Меня тревожила собственная слабость. Однако следовало собрать все силы, потому что мне предстояло сделать две вещи, прежде, чем смогу отдохнуть. И я к ним приступила, как только вернулась Фентон.

– Фентон, я уезжаю сегодня вечером. Поскольку я не в состоянии нести много багажа, уложи, пожалуйста в саквояж мои туалетные принадлежности, чистое белье, и те вещи, которые будут мне необходимы во время недельного путешествия в поезде. Затем, будь добра, упакуй остальные мои вещи и проследи, чтобы их переслали по адресу, который я тебе оставлю. Но не укладывай платья, сшитые здесь…

Теперь она уставилась на меня прежним упрямым взглядом, запомнившимся мне с первых дней нашего знакомства. Но ее раздражение не могло меня остановить.

– Прежде, чем начнешь, пожалуйста, принеси бювар. И – это

самое главное, Фентон, – ты ни в коем случае не должна никому говорить о моих намерениях. Можешь ты поклясться мне в этом?

Я не сводила с нее пристального взгляда, принуждая поклясться. Несомненно, ей можно было доверять: дав однажды такое обещание, она бы его непременно сдержала.

Ее крупное темное лицо вспыхнуло, и она молитвенно сжала руки:

– Пожалуйста, мисс Тамарис… пожалуйста, и не просите меня! Хозяин…

Я вздохнула.

– Хорошо, Фентон. Я скажу тебе, почему я так поступаю, и ты можешь ответить, если спросят. Со мной случилось нечто, столь глубоко изменившее мою жизнь, что я сама себя больше не узнаю. Я должна уехать отсюда, где все напоминает мне об этом. Я знаю, что так будет лучше для всех. Ты понимаешь?

Она смотрела на меня так же внимательно, как и миссис Дивз. Лицо ее по-прежнему было несчастным, но она кивнула, словно против воли.

– Мистер Соваж не станет тебя обвинять. Я напишу письмо, которое ты ему передашь после моего отъезда. Там я объясню ему все, что чувствую, и почему должна уехать домой.

– Раз вы так говорите, мисс Тамарис… но… можно я поеду с вами? Вы недостаточно здоровы, чтобы путешествовать в одиночку. Посмотрите на себя – вы так слабы, что даже через комнату не сможете перейти!

– Я чувствую себя много лучше, чем выгляжу, Фентон. И как только уеду отсюда, почувствую себя еще лучше.

Но, положив бювар на колено, открыв чернильницу и приготовив бумагу и перо, я обнаружила, что не могу подобрать нужных слов. Я не могла доверить бумаге свои сокровенные чувства, даже если единственный человек, который прочтет письмо, сразу же его уничтожит. Наконец я начала без обращения, хотя сердце мое говорило «Ален», на что я не имела права.

«Вы поймете мои чувства. Я должна оставить арену событий, причинивших мне такую боль. И, уезжая, я не могу придумать лучшего способа попрощаться, чем этот, ибо обнаружила, что не в силах видеться ни с кем из тех, кто был свидетелем моего унижения. Жалость и презрение в равной мере невыносимы. Если я уеду, возможно, со временем я сумею забыть».

Вышло сухо, но других слов я найти не могла. Я положила листок в конверт и запечатала его. Затем я позволила себе расслабиться, ибо действительно нуждалась в отдыхе.

Хотя глаза мои были закрыты, я слышала тихие шаги Фентон,

исполнявшей мои указания. Потом я, должно быть, задремала. Меня разбудило прикосновение Фентон к моему плечу. Передо мной на столе была накрыта основательная трапеза.

– Прежде вы не поели, – сказала она так, будто ожидала моего отказа, – но теперь это необходимо, мисс Тамарис. Иначе у вас не хватит сил добраться до поезда.

Пока я ела, она заговорила снова:

– Миссис Дивз… она говорит, что Тереза проводит вас через бухту. Почему не я?

– Потому что я поручила тебе, Фентон, две очень важных задачи – передать письмо и позаботиться о моем багаже.

– О, мисс Тамарис, я хочу поехать с вами… насовсем. Вы не сможете позаботиться о себе, я же знаю!

Я покачала головой.

– Фентон, на востоке я не вела такой образ жизни, при котором нуждаешься в услугах горничной. Ты была очень добра ко мне, и я глубоко признательна за все, что ты для меня сделала. У меня есть для тебя маленький подарок. Он достался мне от моего отца.

Я достала одну из памятных вещей, хранившихся в шкатулке – резной крест из слоновой кости, обвитый виноградной лозой.

– О, мисс… – На глазах ее были слезы.

Я вложила крест ей в руку и спросила чуть поспешнее, чем хотела:

– Не можешь ли ты найти мне вуаль?

Она убрала крест в карман передника и подняла со стола мою дорожную шляпу с приколотой плотной вуалью, способной полностью скрыть мое лицо. Она также создавала почти траурное впечатление – но разве я не в трауре по самой себе, по прежней, какой я никогда не буду снова?

Мой свободный плащ тоже был черного цвета, а под ним у пояса висел кошелек с одолженными у миссис Дивз деньгами. Был тот час, когда в залах почти никого нельзя было встретить, поскольку постояльцы отеля переодевались к обеду. Фентон, подняв мой саквояж, ревниво держалась за него, пока Тереза, уже в чепце и шали, дожидалась у двери номера. Мы вышли черным ходом и спустились по служебной лестнице на улицу, где нас уже ждал экипаж.

Я сжала руку Фентон, когда она подсаживала меня внутрь, но у меня не достало сил сказать ей «до свидания». Ее доброта была мне опорой в трудное время. Однако в это мгновение я ни за что бы не захотела снова увидеть ее лицо, ибо она тоже была одной из тех, кто знал.

С палубы парома я увидела золотую дорожку, которую

заходящее солнце проложило через бухту. Город, бывший для меня воплощением страшного тумана и обиталищем злобных теней, представал золотым моему прощальному взгляду. Но это была всего лишь иллюзия.

Тереза позвала меня в каюту, но я хотела остаться на вольном воздухе – ветер и море успокаивали мои нервы, они обещали, что я снова стану сама себе хозяйкой. Я попросила служанку оставить меня на одной из палубных скамеек, и она удалилась, а я повернулась спиной к лживым огням города. Прошлое должно оставаться позади.

Некоторые тайны я еще не смогла разрешить, но в жизни так часто бывает. Возможно, пройдут годы, прежде чем я разгадаю, как Ален сумел встретиться с мистером Уиккером и проникнуть в вонючую нору Бесси. И как он потом проследил меня до тайного храма злобной секты. Или наша вторая встреча произошла по чистой случайности, когда он преследовал Викторину? И еще: как она смогла сбежать от миссис Плезант и воссоединиться с Д'Лисом?

Все это меня больше не касалось. Миссис Билл, миссис Плезант, Викторина – каждая из них играла в свои собственные игры. И я почему-то была уверена, что миссис Плезант пыталась заодно наложить руку и на меня. Что, если бы я согласилась с ее беспардонным предложением? Я никогда больше не была бы свободна – ни от нее, ни от угрызений совести. Я не написала ей ни слова на прощание, возможно, опасаясь, что она сумеет как-то исхитриться и помешать моему бегству.

Поднявшийся ветер трепал мою вуаль, но она была приколота слишком прочно, чтобы он мог ее приподнять. Викторина сейчас тоже была в море, плыла к тем островам, где жесточайшее рабство взрастило дьявольский культ. Некогда она и вправду была чистой и невинной, как казалась. Но только ли под влиянием Д'Лиса стала она жрицей темной секты? Или зло было заложено в ней с рождения, нуждаясь лишь в легком толчке, чтобы пробудиться?

А Д'Лис, выходит, выжил, и я – не убийца. Однако я отлично сознавала, что если бы я столкнулась с ним, я бы снова прибегла к любому оружию, какое бы оказалось под рукой.

Значит, и во мне тоже была жестокость. Я вздрогнула. Как мало мы знаем о себе, пока судьба не испытает нас. Кто я теперь?

Я смутно ощутила, что к скамейке, на которой я скрючилась, кто-то подошел. Я отвернулась, хотя знала, что мое избитое лицо не видно сквозь вуаль. Мне не хотелось оставлять скамью, омываемую последними лучами солнца, жалко было уходить от чистого дыхания моря.

– Тамарис…

Я до крови прикусила губу, отказываясь верить, что слышу свое имя, произнесенное этим голосом.

– Тамарис! Не отворачивайтесь от меня.

Между нами был один лишь шаг, и его рука сжала мое запястье с такой силой, что я не могла бы вырваться без борьбы.

– Пустите меня! Ради всего святого, дайте мне уйти!

– Не раньше, чем мы поговорим. Думаете, от меня так легко сбежать?

Я по-прежнему отворачивалась от него. Он стоял прямо передо мною, закрывая собой заходящее солнце.

– Кто вам сказал, где я? Фентон?

– Фентон сохранила вам верность. Я не получил бы письма до вашего отъезда. – Сейчас ярость в его голосе улеглась, но ему приходилось так себя сдерживать, что я чувствовала это напряжение. – А за то, что я знаю, спасибо Амели!

– Амели? – Ему удалось отвлечь меня от моих невеселых мыслей. – Ей-то что за дело до меня?

– Вы спасли ей жизнь, когда эта чертова кошка бросила ее умирать. Да, у Амели тоже своя роль в вашей истории. А теперь вам придется выслушать меня!

Он сел рядом – без приглашения. Я поняла, что если попробую сбежать, он удержит меня силой. Я все еще смотрела в сторону, но уши заткнуть не могла.

– Вы обязаны Амели… Мы обязаны ей очень многим, Тамарис. Она благодарна вам не только за спасение от смерти, но и за то, что вы забрали этот браслет с пауком…

– Но…

– Эта мерзкая штука была символом власти Викторины над ней. Та внушила бедной суеверной девушке, что тварь на браслете оживет и закусает ее, если она не будет выполнять каждый каприз Викторины, а если она потеряет или сломает браслет, ее ждет немедленная мучительная смерть. Но когда вы забрали браслет, Амели твердо уверовала, что вы приняли на себя его проклятье. И в конце концов вы вернули его Викторине, которая его положила. Амели, таким образом, жила в рабстве, в более черном и изощренном рабстве души и мозга, чем любое рабство тела.

– Но Амели, казалось, была так предана Викторине… – возразила я.

– Это было единственным спасением для нее, как часто твердила ей Викторина. Либо полное подчинение, либо дьявольская месть.

Как ошиблась я, приписывая Амели злые помыслы, в то время

как роли в этой истории были прямо противоположны!

– Это Амели, – продолжал Ален, – сообщила нам об убежищах Д'Лиса и рассказала о заброшенном ранчо, которое он превратил в свой храм. Хотя он ехал с нами с Востока в том же поезде, держа связь с Викториной через Амели, своих людей он выслал вперед. Это были островитяне, фанатики вуду, верившие, что Д'Лис – воплощение одного из их проклятых богов, Барона Самеди, повелителя смерти. Видите-ли, Викторина и Д'Лис действовали по плану; они не готовили никакого побега, – Ален жестко усмехнулся. – Согласно этому плану она разыгрывала рать «jeune fille», причем достаточно удачно, чтобы обмануть нас всех. Я был был убежден, что она – невинная девушка, которой вскружил голову ловкий негодяй. До тех самых пор, пока я не увидел ее в храме, я не верил в то, что рассказала мне Амели после моего возвращения в Сан-Франциско. Нет, Викторина вовсе не собиралась бежать с бедным поклонником. Она задумала игру покрупнее… со мной!

– Но как…

– Действуя методами вуду, в силу которых они твердо верили. Вы видели один из них – «гри-гри», который Викторина заставила Амели подложить мне на стол.

– Но вы ведь не их единоверец. Как же они надеялись повлиять на вас?

– Они истово верили в свои силы, Тамарис. И, странное дело, абсолютная вера как в добро, так и в зло может привести к странным последствиям. Они начали работать со мной традиционными методами «гри-гри», направив, как они полагали, свою силу на меня. Скажите, Тамарис, вы не находили ничего подобного среди собственных вещей? Амели ушла от ответа, но я уверен – ей было в чем признаться.

– Был маленький мешочек, спрятанный в шов моей шали, но я его уничтожила. И, возможно, восковая фигурка. – Я рассказала о грубой фигурке, найденной мной в рабочем столе.

– Да. Это их рук дело. Позднее они прибегли бы к наркотикам.

Меня затрясло от нахлынувших воспоминаний.

– Тамарис! – Его руки обхватили меня, но я принялась яростно отбиваться. Его прикосновение было для меня непереносимо. – Тамарис! В чем дело?

– Отпустите меня, умоляю вас! Не надо!

– Конечно… – Он тут же отпустил меня, а когда снова заговорил, голос его был сух и деловит, будто мы обсуждали какие-то деловые вопросы. – Позднее они прибегли бы к наркотикам. Они планировали сломать мою волю, вероятно,

лишить власти над телом и рассудком – тогда Викторина могла бы взять под контроль семейные дела. Если верить Амели, в их распоряжении были такие дьявольские зелья, какие могут заставить человека выполнить любой приказ, пока он под действием отравы. Привыкнув к ней, жертва начинает умолять о новых, все больших дозах, пока не будет полностью порабощена. К счастью, деловые интересы требовали моего отсутствия после вашего приезда. Они были еще не готовы действовать, и вдобавок, не были защищены от контратаки.

Да, сразу по прибытии в Сан-Франциско они обнаружили соперницу, особу, находившуюся в столь выгодном положении и располагавшую такими силами, что ситуация для них сделалась небезопасной. Они были вынуждены защищаться еще до того, как нанесли первый удар.

– Вы имеете в виду миссис Плезант? Выходит, это правда, что она практикует вуду? – Его история отвлекла меня от собственных страданий, и я больше думала о том, что он скажет, чем о случившемся со мной, прежде чем осознала, что происходит.

Глава девятнадцатая.

– Да, Мэмми Плезант. Но вы говорите так, словно знаете ее…

Я уловила некую испытующую ноту в этом утверждении, в остальном прозвучавшем, скорее, как вопрос.

– Знала, но давно, еще до войны. Мой отец был аболиционистом, он ненавидел рабство. «Королева Индии» иногда тайно перевозила беглых рабов. Она звалась тогда миссис Смит и помогала переправлять таких беглецов. В первый же мой день в Сан-Франциско она увидела меня и прислала письмо, предлагая обратиться к ней, если я окажусь в беде.

Он кивнул.

– Да. Теперь я знаю, что ей и ее людям было известно о Д'Лисе и его планах. Поэтому ей необходимо было связаться с вами, чтобы обеспечить наблюдение за Викториной. Мэмми Плезант – женщина сильная, именующая себя «Королевой вуду». И в таком качестве она не собиралась отказываться от влияния на Д'Лиса. В верованиях вуду, как мне говорили, вся власть принадлежит королеве, а любой жрец ей подчинен – так почему бы не Д'Лис? Но с Викториной, как с соперницей – это другое дело.

Ален словно складывал китайскую головоломку, кусочек к кусочку. При всех се разговорах о долге перед моим отцом (что вполне могло быть искренним, и я не сомневаюсь, что она бывала абсолютно честной, когда это не противоречило ее целям), миссис Плезант имела основательные причины желать подчинить себе Викторину. И если бы я послушала ее, я тоже стала бы одной из пешек в ее игре.

– Преследуя Д'Лиса, мы ворвались в «Петух» сразу после того, как вас оттуда увезли. Сели рассказала всю правду, когда капитан Лейз слегка на нее надавил. Он мог стереть ее в порошок, и она это прекрасно знала. Но люди Д'Лиса, должно быть, скрывавшиеся поблизости, нашли его на улице оглушенного, почти мертвого. К тому же они добрались до Викторины и освободили ее, когда миссис Плезант вызвали к Лэнтинам.

– Я думала, что убила его… Д'Лиса, – тускло сказала я. Прежний ужас вновь окутал меня, словно окровавленный плащ.

– Я бы сам это сделал, если бы мог до него дотянуться! – Мрачность Алена заставляла в это поверить. – К несчастью, на Берегу было два притона. Мы разделились. Лейз и его люди направились в главный, а я был на пути к другому, когда встретил Уиккера и он рассказал мне о том, что видел. Они вместе с Ковенсом пытались освободить вас, но были избиты

громилами Бесси. Фактически только мое появление с двумя полицейскими Лейза предотвратило убийство. Уиккер побежал за своей командой, а я отыскал окно. Потом… после того, как я спустил вас на улицу, парни Бесси всем скопом напали на меня. Когда я отбился от них, вы исчезли.

– Они поджидали… Люди Д'Лиса… И чем-то одурманили меня…

– Эти проклятые наркотики! Еще раньше они так же захватили одного из наших людей. Однако Амели рассказала нам о ранчо, хотя точно не знала, где оно находится. Мы потратили на поиски больше половины дня и едва не опоздали. Когда мы вошли и увидели… – он крепко сжал мою руку.

– Вы отослали их… Викторину и Д'Лиса.

Черты его индейских предков вновь проступили на его лице, и я уже знала, что под этой маской скрывается ярость, которой не позволяет выплеснуться лишь величайшее усилие воли.

– Они уехали. Хотел бы я заставить их страдать за все, что они сделали и собирались сделать. Но для суда у нас было мало доказательств, намерения же не есть действия. Если бы мы постарались их добыть, они могли бы погубить и невинных людей. Думаете, я бы допустил, чтобы вы, Тамарис, давали перед любопытствующей толпой показания о том, что с вами делали?

Представив нарисованную им картину, я содрогнулась и телом, и душой. Ален, должно быть, уловил мое движение, как ни слабо оно было, потому что осторожно положил руку на мои судорожно стиснутые ладони.

– Нет, нельзя было позволить, чтобы они в своем падении увлекли за собой и других. Когда я увидел Викторину, она была словно одержимая дьяволом. Я почти поверил в старые скалки о демонах, принимающих обличья прекрасных женщин.

– Но она больше не сможет причинить вам вреда? – ос мелилась я поинтересоваться.

– Нет, благодаря двум отважным женщинам.

– Миссис Билл? – предположила я.

– Откуда вы узнали о ней? – быстро спросил Ален.

– Совершенно случайно. И я никогда не повторю того, что слышала.

– Она будет благодарна вам за молчание. За ошибки юности она заплатила страданиями, многократно превышающими их. Когда она вышла замуж за моего отца, она была очень молода и, как я впоследствии узнал, сделала это не по своей воле. Брак был заключен по желанию семьи, как это часто бывает во Франции, хотя она любила другого. Она ненавидела эту страну и, насколько я могу припомнить, боялась моего отца. Он не принадлежал к

людям мягкосердечным и был слишком поглощен своими деловыми проектами. К тому же, он ее осуждал за легкомыслие, и пытался перекроить ее по образу моей матери, представлявшей собой совсем иной тип женщины. Результат оказался плачевным, как и следовало ожидать. Но как много обвинений было возведено на нее по ошибке, я узнал лишь когда миссис Билл пришла ко мне, чтобы предоставить мне право пресечь любые притязания Викторины. Она обладает огромным мужеством: ведь она была уверена, что я буду к ней так же безжалостен, как отец, и ей придется снова пострадать за свое прошлое.

Я могла только порадоваться за несчастную женщину, виденную мной у миссис Плезант. И еще больше – за то, что Ален оказался таким, каким есть.

Итак, теперь история была рассказана полностью. Но зачем он последовал за мной? Только чтобы рассказать ее? Точно так же он мог бы изложить все и в письме.

Раздался свисток парома – мы причаливали. Пришло время попрощаться, причем с твердостью, исключающей любые дальнейшие отношения между нами. Я встала, плотнее закутавшись в плащ. Солнце уже село, дул холодный ветер, сравнимый с ознобом, охватившим мое сердце. Неужели я больше никогда не согреюсь? Печаль со временем минет, но есть нечто, с трудом забываемое как рассудком, так и чувствами.

– Меня ждет Тереза. Вы были очень добры…

Я старалась подобрать формальные слова – слова, которые со всей скучной правильностью убедили бы его в моем отчуждении, – чтобы доказать ему: он ничего мне не должен.

– Куда вы собираетесь ехать? – Он встал между мной и выходом, словно часовой в узилище.

– Обратно на Восток.

– В Эшли-Мэнор?

– Возможно.

Ален покачал головой.

– Думаю, нет. Вы не сможете больше служить образцом леди-наставницы, Тамарис.

Удар был так внезапен, так жесток, что я не сразу смогла поверить, что слышу это от него. А поверив, застонала как смертельно раненое животное.

– Что с вами? – Он снова схватил меня за руку и крепко сжал. Затем оглянулся на толпящихся вокруг нас пассажиров, спешащих на пристань. – Нам нельзя здесь оставаться. Слишком много народу… идем!

У меня не было сил противостоять ему, и он потащил меня за собой, прежде чем я успела возразить. В мгновение ока я

оказалась в экипаже, и уже оттуда увидела, как Ален разговаривает на пристани с Терезой. Она повернулась и поднялась на палубу парома раньше, чем я успела ее окликнуть, оставив нас с Аленом одних. Он перекинул мой саквояж кучеру, а сам уселся рядом со мной.

– Вы должны позволить мне уехать! Я не могу остаться… Тупая головная боль усилилась, я снова ощутила головокружение.

– Успокойтесь. Я отвезу вас к друзьям, которые будут вам очень рады. Еще до отхода парома из Сан-Франциско я послал им телеграмму.

Его прикосновение, его голос были так нежны, хотя лишь минуту назад он бросил мне в лицо напоминание о моем бесчестии, лишившим меня права учить юных девушек. Я была измучена, почти больна. И была еще менее способна возражать ему, чем бороться с наркотиками вуду.

– Вам понравятся Коллмеры. Они старомодны. Пересекли континент в пятьдесят четвертом. Он составил небольшое состояние на золотых приисках и построил «Коллмер Хауз», небольшой и тихий семейный отель.

Я не отвечала, сохраняя всю оставшуюся энергию для поединка характеров, который, чувствовала я, нам еще предстоит. Он больше ничего не сказал, даже не смотрел на меня. Лицо его было неподвижным и суровым – «индейское» лицо. Наконец, экипаж остановился перед трехэтажным зданием, и Ален помог мне выйти.

В дверях нас приветствовали сами Коллмеры – седовласая, пожилая и значительно более благородная чета, чем многие из тех, кого я видела в позолоченном блеске города по ту строну бухты. Когда они заговорили, я узнала выговор Новой Англии. Миссис Коллмер сразу проводила меня в небольшой номер из двух комнат – гостиной и спальни.

Я огляделась и вздохнула с облегчением. Здесь не было ни красного бархата, ни мрамора, ни позолоты. Кремово-белые занавеси, мебель, обитая старомодным ситцем спокойных тонов. Я словно шагнула из кошмара в прохладу, чистоту, тишину и покой.

Хозяйка сказала, что обед будет подан в номер, за что я была ей искренне благодарна. Едва она ушла, и я отколола плотную вуаль, освободилась от шляпы и плаща, то сразу подошла к зеркалу на стене и встала против него, изучая свое отражение. Так я заставляла свои мысли вновь обратиться к прошлому, чтобы укрепиться в решимости немедленно оставить это прошлое позади.

Услышав, как открывается дверь, я быстро обернулась. За

мной стоял Ален, и я сознательно повернулась так, чтобы безжалостный свет падал на мое избитое, обескровленное лицо. Да, синяки сойдут, но останутся иные, скрытые отметины, которые я буду чувствовать, сколько бы не прошло времени.

– Теперь у нас есть время поговорить наедине. – Он сразу перешел к делу, причем с прямотой, которую я могла только приветствовать. – Я должен знать, Тамарис, причину этой глупости… Почему вам загорелось уехать, и почему вы так со мной обошлись. О, у Фентон острый глаз, и она рассказала мне о вашей реакции на это.

Он извлек из кармана белую нефритовую чашу. Он держал ее в горсти, словно оберегая сокровище, каким она, собственно и была.

– Зачем вы заставляете меня, – спросила я, – прибегать к словам, которые не следует слышать джентльмену?

– Сейчас не время для вежливых околичностей. Мне нужна правда! Я уже давно усвоил, что право существовать имеют только те отношения, которые опираются на правду. И от вас, Тамарис, я теперь требую правды. Я знаю, что вы не могли смотреть на эту вещь, но она так сильно потрясла вас, что вы сразу же кинулись в этот безумный побег, хотя с трудом держитесь на ногах. Вы должны объяснить мне, в чем тут дело.

Я заставила себя смотреть ему прямо в лицо, хотя встреча с его взглядом страшила меня, как пытка.

– Вы прислали мне подарок, который можно сделать только… – я отчаянно искала правильное слово, – чистой…

У него на скулах выступили багровые пятна. Во взгляде была такая безжалостность, словно на меня смотрела сама смерть.

– Значит, Д'Лис… он заставил вас… – Похоже Ален испытывал ту же трудность в подборе слов, что и я.

– Нет! Но он… все они сделали меня соучастницей своего зла. Они заставили меня почувствовать себя нечистой. Я уже никогда не стану прежней, я всегда буду помнить… Вы уже это поняли – зачем же заставлять меня говорить? Это жестоко! Совсем недавно вы сами попрекнули меня тем, что я не могу вернуться в Эшли-Мэнор, что порядочные люди больше не захотят общаться со мной…

– Попрекнул?! – Он мгновенно оказался рядом со мной. – Девочка, ты с ума сошла! Тебе нечего стыдиться. Такой отвагой мог бы гордиться любой мужчина! Я сказал, что две отважные женщины освободили меня от сетей, которые плела Викторина. Одна была Миссис Билл, а вторая это ты, Тамарис!

Я не могла вырваться, он держал меня как в тисках. Его губы сначала нежно коснулись моей избитой щеки, а потом пылко и

требовательно прижались к моим губам. И воля, что поддерживала меня, растворилась… исчезла…

Пол ушел у меня из-под ног.

– Тамарис! – Голос Алена стал хриплым от страха. Потом я вдруг очутилась на кушетке – это он меня туда перенес.

– Я так устала… – Но секундой позже, я нашла в себе силы спросить: – Ты понимаешь, что ты сказал?

– Я никогда не скажу тебе ничего, кроме правды, Тамарис.

Он сказал это так, будто приносил клятву. И снова, как в мимолетные мгновения после моего первого пробуждения я ощутила, что все тяготы жизни спали с меня, что мне легко и свободно. Легкость, свобода и счастье!.. Счастье рекой хлынуло в меня, разом заполнив пустоту, о которой я раньше и не подозревала.

Мы поженились на следующий день, Коллмеры согласились быть свидетелями. Я не вернулась в Сан-Франциско, но мирно жила в «Коллмер-Хауз», пока Ален уезжал и приезжал, завершая свои дела. Теперь он воплощал давно вынашиваемый план – перенести в ближайшие годы штаб-квартиру своего бизнеса на Восток.

Меня посетила Фентон, с ней была Амели, которой Ален обещал поддержку. У девушки не было желания возвращаться на свои родные острова или во Францию. Поскольку она была искусной портнихой, Ален вскоре помог ей открыть собственное дело.

Но возвращаться в город, столь переполненный страшными воспоминаниями, он мне твердо запретил. Я больше никогда не слышала ни о миссис Плезант, ни о ее таинственной «власти». Возможно, она отнесла меня в графу убытков в своем гроссбухе, а возможно, она была абсолютно искренна в своем желании помочь мне. Я никогда этого не узнаю, да и не хочу узнавать.

В конце месяца мы снова были в поезде, он шел на сей раз на Восток. Там Ален нашел для нас дом – спокойный и мирный уголок в окрестностях Гудзона. Здесь нет ни красного бархата, ни позолоты, ни мрамора. Большинство светских знакомых Алена нашли бы его удручающе старомодным. А мне он нравится.

Теперь я жду у окна возвращения Алена… и счастья. Возможно, наша любовь не всегда будет такой же, первоначальный безумный восторг усмирится, перейдет в устойчивую привязанность. Но Ален останется всегда. А большего мне и не надо.

Историческая справка о «Мэмми» Плезант

Мэри Элен Плезант принадлежала к тем людям, чья жизнь была переполнена такими невероятными событиями, каких не позволяет себе выдумать ни один романист. Рожденная в рабстве от матери-квартеронки, кстати, известной жрицы вуду, она еще в раннем возрасте поставила себе целью не только освободиться от рабской зависимости, но и приобрести власть над расой рабовладельцев.

В детстве она была продана и послана на Север. Ее расовую принадлежность скрыли, чтобы она могла получить хорошее образование. После смерти хозяина ее рабское положение осталось неизвестным тем, кто стали ее опекунами. Она уехала в Новую Англию и поступила к одной из тех неустрашимых женщин, кто, как и многие другие жены китобоев, самостоятельно вели бизнес во время долгих отлучек мужей-моряков. Как в доме, так и в магазине Мэри Элен оказывала неоценимую помощь и заслужила доброжелательную привязанность дочери своей хозяйки – жены капитана. После смерти хозяйки она перешла в дом ее дочери, где была принята не как служанка, а как лучшая подруга. Тогда же она начала активную деятельность в «Подземной железной дороге» [23] аболиционистского движения. Достигнув в этой организации высокого положения, она познакомилась с Джеймсом Смитом, плантатором из нынешней Западной Виргинии, и вышла за него замуж. Ненавидя рабство, Смит освободил собственных рабов и активно способствовал бегству чужих. По смерти Смита Мэри Элен употребила почти все состояние, которое он ей оставил, на продолжение его дела. В это же время она вступила в тайный брак с Джоном Плезантом, надсмотрщиком-октороном, которому ее бывший муж абсолютно доверял. Но этот брак продлился недолго, и вскоре Джон Плезант уехал в Калифорнию. Это были времена Золотой Лихорадки.

Мэри Элен осталась одна. Переодеваясь и перевоплощаясь, она разъезжала по всему Югу, побуждала рабов к бегству, и помогала им в этом. Будучи отличной кухаркой, и искусно скрывая свою смешанную кровь, она переходила от одного богатого работодателя к другому. В Нью-Орлеане, ища новых способов держать в страхе тех, с кем она ведет дела (чтобы можно было не опасаться предательства), она обратилась к вуду, научившись техническим приемам у великой «королевы» Мари Лаво.

Однако возникли подозрения, и Мэри Элен пришлось спешно бежать из Нью-Орлеана на корабле, идущем в Калифорнию вокруг мыса Горн. В этом плавании корабль принял много пассажиров из Чили, среди которых был Томас Белл. Использовав свой талант распознавать тех, кого она может использовать, Мэри Эллен сделала Томаса Белла своим любовником, и ко времени прибытия в Сан-Франциско он полностью был под ее влиянием.

Своими кулинарными талантами Мэри Элен зарабатывала пятьсот долларов в месяц, управляя одной из тех знаменитых гостиниц, что первоначально были предназначены для бездомных, но богатых и удачливых золотоискателей. Беллу она не только предоставила средства для спекуляции, но и направляла его действия, сделавшись его «немым партнером» к их значительной взаимной выгоде.

Для негров в Калифорнии она стала не только «Королевой вуду», обладающей неограниченной властью, но и истинной благодетельницей. Используя лазейки в местных законах, она препятствовала насильственному возвращению беглых рабов на юг, а свободных устраивала на работу. В кратчайшее время она приобрела прачечную, салун, извоз, где штат был укомплектован из тех, кто имел веские причины испытывать к ней благодарность.

Узнав о восстании Джона Брауна на Востоке, Мэри Элен вернулась туда с десятью тысячами долларов на поддержку его дела. Она прибыла слишком поздно и не успела помочь Брауну. Ее деятельность на протяжении следующего года (или около того) до сих пор скрыта покровом глубокой тайны. Рассказывают, что Мэри Элен, переодетая мужчиной, путешествовала по Югу, пытаясь разжечь мятеж среди рабов.

Если такие попытки и были, они ни к чему не привели, и она вернулась в Калифорнию.

Во время Гражданской войны она оказывала большую материальную поддержку делу Федерации. Тайно, исподволь она начала плести собственную паутину власти, которая со временем оплела даже дворец губернатора.

В домах, пользующихся дурной славой, она осторожно вербовала недавно поступивших девиц, которые, по ее мнению, обладали внешностью и манерами порядочных девушек. Им – принадлежащим к белой расе – она давала образование, обучала их светским манерам. Некоторые из них вступали в устроенные ею «выгодные» браки, другие становились любовницами влиятельных людей. Одновременно она принимала недавно освобожденных рабов, и через свое же агентство по найму прислуги помещала их в отели, рестораны и частные дома в

качестве своих глаз и ушей.

Ее состояние росло. Белл сделался чрезвычайно уважаемой фигурой в бизнесе, хотя мало кто знал, что за ним стоит одна из самых замечательных женщин своего поколения.

Внешне Мэри Элен оставалась первоклассной прислугой, домоправительницей миллионера. Одевалась она в старомодном стиле, никак не выказывая ни своей силы, ни богатства.

Если для достижения своих целей она прибегала к взяткам и шантажу, то это делалось тайно и так ловко, что не оставалось никаких улик.

Многие, знавшие ее доброту и благодеяния, почитали ее почти как святую. Но шепотом о ней передавались самые мрачные слухи.

Наконец она вложила большую часть своего состояния в постройку знаменитого «таинственного дома» со множеством секретных ходов, ошеломляющей роскошью и заграничной обстановкой. Он стал домом Томаса Белла, и там же он умер неожиданной и подозрительной смертью.

Хотя Мэри Элен имела там квартиру, она, по-видимому, никогда ее не занимала. Жена Белла, одна из протеже Мэри Элен, была единственной хозяйкой под этим кровом.

Никому не известно, что стало с огромным богатством Мэри Элен. После того, как она, добиваясь своих целей привычным путем шантажа, совершила одну роковую ошибку, ее власть в обществе Сан-Франциско пошла на убыль. Времена менялись, общество стремилось забыть о грязных пятнах на своем прошлом.

Умерла она в бедности, но так и осталась загадкой, ибо запутанные интриги, стоявшие за всеми ее поступками, так никогда и не прояснились, даже не вышли из разряда гипотез. Но в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые года прошлого века она правила большей частью Сан-Франциско, сама пребывая в тени.

notes

Примечания

1

Sauvage (фр.) – дикарь

2

молодой девушки (фр.)

3

Очень рада, мадемуазель (фр.)

паук (диал. фр.)

5

естественно (фр.)

6

змею (фр.)

нежные чувства (фр.)

моя бедная (фр.)

моя бедная малышка (фр.)

10

Это великолепно! (фр.)

11

Submit (англ.) – покорность

12

Как шикарно, милая (фр.)

polonias (фр.) – платье в польском стиле

sauvage (фр.) дикарь.

ужасных (фр.)

16

бедная (фр.)

17

Одномачтовое судно, распространенное от Средиземного моря до Индии.

18

В русских картах соответственно: черви, бубны, трефы и пики.

19

Господь Бог (фр.)

20

Да, да! (фр.)

21

«Дерринджер» – двуствольный пистолет

22

Приди на зов, Великий Зомби, Приди на зов, именем гри-гри! (фр.)

23

«Подземная железная дорога» – система явок, предназначенная для отправки беглых рабов в Северные штаты.